

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам теории, истории и практики государственного и муниципального управления, экономики и политологии. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с эффективностью управления и различных управленческих структур на международном, страновом, региональном и местном уровне, ролью политико-экономических институтов в развитии государства и общества, государственной политикой в различных сферах, деятельностью исполнительной ветви власти, развитием электронного правительства, взаимодействием органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, включая политические партии, межэлитными отношениями и вопросами идентичности, стратегическим и планированием, государственным регулированием экономики и налогообложением, проблемами моногородов, территориальной организацией населения, агломерированием и рядом других.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Евгений Георгиевич Анимца, чл.-корр. РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Юрий Васильевич Ирхин, д-р филос. наук, проф., проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, проф. кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Федоровна Новикова, д-р экон. наук, проф., зав. отделом экономических проблем социальной политики Института экономики промышленности НАН Украины, Киев, Украина

Яков Петрович Силин, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, ректор Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Валерий Александрович Сухих, д-р экон. наук, председатель Законодательного Собрания Пермского края, Пермь, Россия

Богдан Шляхта, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой философии политики в Институте политических наук и международных отношений Ягеллонского университета в Кракове, Краков, Польша

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Иванович Блусь, канд. геогр. наук, доц., проф. кафедры государственного и муниципального управления, проректор по общим вопросам Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Надежда Владимировна Борисова, канд. полит. наук, доц., проф. кафедры политических наук, декан историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Дарко Вукович, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой региональной географии Географического института «Йован Цвиич» Сербской академии наук и искусств (САНИ), Београд, Сербия, доцент департамента финансов Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента (филиала Высшей школы экономики), Санкт-Петербург, Россия

Виктор Антонович Ковалев, д-р полит. наук, доц., проф. кафедры философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета, Сыктывкар, Россия

Ольга Анатольевна Козлова, д-р экон. наук, проф., зав. Центром исследований социальноэкономической динамики Института экономики УрО РАН, проф. кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург

Наталья Сергеевна Козырь, канд. экон. наук, доц. кафедры мировой экономики и менеджмента, зам. декана по научной работе экономического факультета Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

Дмитрий Георгиевич Красильников, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой государственного и муниципального управления, врио ректора Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Общественной палаты Пермского края, Пермь, Россия

Жанна Аркадьевна Мингалева, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского национального исследовательского политехнического университета, Пермь, Россия – главный редактор

Елизавета Александровна Трошак, канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления, заместитель директора Регионального института непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – ответственный редактор

Андрей Геннадьевич Шеломенцев, д-р экон. наук, проф., зав. отделом исследования региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Станислав Николаевич Шкель, д-р полит. наук, доц., проф. кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия, проф. кафедры политических наук, ст. науч. сотр. Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия, проф. департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента (филиала Высшей школы экономики), Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала –

Жанна Аркадьевна Мингалева,
д-р экон. наук, проф., проф. кафедры
экономики и управления промышлен-
ным производством Пермского
национального исследовательского
политехнического университета
ORCID: 0000-0001-7674-7846
ResearcherID: E-8001-2016
E-mail: mingal1@pstu.ru

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки); 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки); 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41047

Адрес учредителя и издателя

614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции

614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Кафедра государственного
и муниципального управления
Тел. (342) 239-66-89
Сайт: ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

Publisher: Perm State University

The journal includes the contributory articles on issues of theory, history and practices of state and municipal government, economics and political sciences. A special emphasis is placed on the issues of management efficiency and structures as used at various levels – international, national, regional and local; the role of political and economic institutions in the development of the state and society; state policy in various spheres; activities of executive bodies; digital government; interaction between the governmental bodies, local governments and non-governmental organizations, including political parties; relations between elites and identity issues; strategy planning, state regulation in economy and taxation; mono-industrial cities, organization of territories; agglomerations, etc.

Editor-in-Chief**Zhanna A. Mingaleva**

Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Economics and Management of Industrial

Production of Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

ORCID: 0000-0001-7674-7846, ResearcherID: E-8001-2016, e-mail: mingal1@pstu.ru

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Evgeny G. Animitsa, Corresponding Member of Russian Natural History Academy, Honored Scholar of the Russian Federation, Doctor of Geography, Professor, Head of Regional, Municipal Economics and Management Department, Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

Iouri V. Irhin, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Theoretical and Applied Political Science Department, Russian State University for the Humanities, Professor of Political Science Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Olga F. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Head of Department for Economic Issues in Social Policy, Institute of Industrial Economics at the Ukrainian National Academy of Sciences, Kiev, Ukraine

Bogdan Shlyakhta, Doctor of Law, Professor, Head of Chair in Philosophy of Politics at the Institute of Political Science and International Relations, Jagiellonian University, Krakow, Poland

Yakov P. Silin, Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Regional and Municipal Economics and Management, Rector, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Chairman of the Perm Region Legislative Assembly, Perm, Russia

EDITORIAL BOARD

Pavel I. Blus, Ph.D. Ph.D. (Geography), Associate Professor, Professor of State and Municipal Government Department, Vice-Rector for General Issues, Perm State University, Perm, Russia

Nadezhda V. Borisova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Professor of Political Sciences Department, Dean of Faculty of History and Political Science, Perm State University, Perm, Russia

Victor A. Kovalev, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor of Philosophy and Socio-Political Sciences Department, Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Olga A. Kozlova, Doctor of Economics, Professor, Head of Center for Socioeconomic Dynamics Research,

Institute of Economics at the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Natalia S. Kozyr, Ph.D. (Economics), Associate Professor of World Economy and Management Department, Deputy Dean for Research at the Faculty of Economics, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Professor, Head of State and Municipal Government Department, Rector, ad interim, Perm State University, Chairman of the Perm Regional Civic Chamber, Perm, Russia

Zhanna A. Mingaleva, Doctor of Economics, Professor, Professor of Economics and Industrial Production Management Department, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia – Editor-in-Chief

Andrey G. Shelomentsev, Doctor of Economics, Professor, Head of Regional Socio-Economic Systems Research Department, Institute of Economics at the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor of Political Science, Sociology and Public Relations Department, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia, Professor of Political Science Department, Senior Researcher, Center for Comparative Historical and Political Research, Perm State University, Perm, Russia, Professor of Political Science and International Relations Department, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies (St. Petersburg branch of the HSE University), St. Petersburg, Russia

Elizaveta A. Troitskaya, Ph.D. (Political Science), Associate Professor of State and Municipal Government Department, Deputy Director of Regional Institute of Continuing Education, Perm State University, Perm, Russia – Managing Editor

Darko Vuković, Doctor of Economics, Professor, Head of Regional Geography Department, Geographical Institute, “Jovan Cvijić” of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia, Associate Professor of Finance Department, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies (St. Petersburg branch of the HSE University), St. Petersburg, Russia

The journal is indexed by the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission at the Russian Ministry of Education and Science for the following groups of research specialties: 23.00.01 – Theory of a policy, history and methodology of a political science (Political Science);

23.00.02 – Political institutes, political processes and technologies (Political Science);

23.00.05 – Political Regional Studies. Ethnopolitics (Political Science).

Published by State and Municipal Government Department of Perm State University

Distributed within the Russian Federation and abroad

Subscription index in the “Press of Russia” catalogue (<http://www.pressa-rf.ru>) – 41047

Publisher Address: Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Editorial Board Address: State and Municipal Government Department, Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Tel. +7(342)239-66-89. Web-site: ars-administrandi.com. E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Editorial Board, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Назукина М. В., Сулимов К. А. К измерению образа будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы (на примере территориально-политических представлений) 1
- Воропаева М. А., Кавшар Э. Л. Символический капитал парламентария как фактор укрепления доверия к Государственной Думе 19
- Сурсанова Ю. В. Репрезентация практик ежедневного национализма на телеканале «Россия 1» 31

II. ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Толстогузова О. С., Троицкая Е. А. Политико-правовая институционализация религиозного компонента в современном российском образовании 49
- Смирнов В. А., Груздев В. В. Семейная политика российского государства в условиях больших вызовов: основные проблемы и противоречия 71

III. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

- Лекторова Ю. Ю., Прудников А. Ю., Медведева П. В. Digital skills: новые компетенции профессионального развития на государственной службе 89

IV. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Ситкевич Д. А. Гибридные институциональные соглашения как эффективные промежуточные институты: пример Восточной Азии 110
- Якутова Е. В. Политические агенты или экономические условия: о факторах нормализации феминитивов в странах Запада и постсоветского пространства 131

CONTENTS

I. STATE POLICY AND POLITICAL INSTITUTIONS: HISTORIC AND PRESENTDAY ISSUES

- Nazukina M. V., Sulimov K. A.** On measuring the image of the future in the discourse of the Russian State Duma deputies (as based on territorial-political representations) 1
- Voropaeva M. A., Kavshar E. L.** The parliamentarian's symbolic capital as a factor of confidence building in the State Duma 19
- Sursanova Iu. V.** Representation of everyday nationalism practices on "Russia 1" TV channel 31

II. FEDERAL POLITICS AND GOVERNMENT

- Tolstoguzova O. S., Troitskaya E. A.** Political and legal institutionalization of a religious component in modern Russian education 49
- Smirnov V. A., Gruzdev V. V.** Family policy of the Russian state in the face of grand challenges: Main problems and contradiction 71

III. ISSUES IN HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT

- Lektorova J. Iu., Prudnikov A. Iu., Medvedeva P. V.** Digital skills vs soft skills: New professional development competences in public service 89

IV. FOREIGN EXPERIENCE OF STATE MANAGEMENT AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Sitkevich D. A.** Hybrid organizations as effective intermediate institutions: Evidence from Eastern Asia 110
- Yakutova E. V.** Political agents or economic conditions: On factors of femininities normalization in Western and Post-Soviet countries 131

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо направить научную статью на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru. В тестовом режиме организована подача статей online на сайте <http://press.psu.ru>, в разделе «Ars Administrandi (Искусство управления)» (платформа OJS).

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) являет(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале считается акцептом, т. е. согласием автора (соавтора) на опубликование статьи

в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Условия публикации» по адресу: <http://ars-administrandi.com/condition.htm>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакционной коллегии могут обращаться по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Ответственный редактор – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 239-66-89. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 328

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18

К ИЗМЕРЕНИЮ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ДИСКУРСЕ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ)

М. В. НАЗУКИНА

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук, г. Пермь, Россия

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

К. А. СУЛИМОВ

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Назукина М. В., Сулимов К. А. К измерению образа будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы (на примере территориально-политических представлений) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 1–18. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18.

Введение: анализ представлений о будущем в дискурсе депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации представляет интерес для выработки оснований согласованного и консолидированного видения основ развития страны. Тем не менее особенности депутатского дискурса остаются относительно малоизученными, а сами методы их исследования слабо проработаны.

Цель: решение методологических и методических проблем исследования образа будущего в дискурсе депутатского корпуса Государственной Думы.

Методы: контент-анализ, дискурс-анализ, экспертное анкетирование.

Результаты: охарактеризованы методологические и содержательные вызовы, с которыми сталкиваются исследователи при анализе дискурса депутатского корпуса. На примере исследования территориально-политических представлений создана модель экспертного кодификатора, эвристические возможности которого апробированы на примере категории «федерализм» при анализе стенограмм заседаний Государственной Думы VI – VII созывов. Выделена структура смыслового поля федералистского дискурса, включающая представления о базовом слое концепта, его концептуальных сегментах и периферии концепта. Показана перспективность сочетания количественных и качественных методов изучения политических текстов и определены потенциальные направления для будущей работы.

Выводы: выявлены различные ограничения, связанные с анализом больших массивов текстов. Соотношение выявленной структуры дискурса депутатов о «федерализме» и его место в экспертном кодификаторе относительно важности данного аспекта в картине будущего России не совпали. Категории и единицы анализа сложным образом связаны между собой в речах депутатов. Необходимо задействовать словоформы и учитывать составляющие область дискурсивности значения понятия исследуемой категории. Определено, что выходом может стать разработка сложной структуры взаимопересечений в кодификаторе как перспективное направление будущей работы.

Ключевые слова: Россия; будущее; Государственная Дума; территориальный образ; кодификатор; федерализм; унитарное государство; контент-анализ; дискурс-анализ

ВВЕДЕНИЕ

Образ будущего является важным аспектом изучения динамики политико-культурных процессов (Зимин, 2014, с. 67). Представления о будущем «играют роль своеобразной призмы, через которую рассматривается настоящее и от которой в значительной мере зависит, что в настоящем следует признавать существенным, а на что не следует обращать внимания...» (Ослон, 2006, с. 5). Исследователи фиксируют всплеск интереса к жанру прогнозов, предсказаний, утопий и антиутопий (Мартьянов, 2009), связывая это, в первую очередь, с кризисом современности, влекущим повышенный интерес к будущему (Розин, 2017). В числе акторов, дискутирующих относительно будущего страны и имеющих некоторые институциональные возможности для того, чтобы то или иное видение будущего стало реальностью, является депутатский корпус Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД РФ, Дума). Именно в силу своего места в политической системе страны и коллективного состава Дума представляет интерес как площадка для выработки оснований для согласованного и консолидированного видения основ будущего развития. Разумеется, нельзя переоценивать роль Думы, которая менялась и продолжит меняться во времени, в этом и других процессах.

Исследование дискурса депутатского корпуса в целом и за продолжительный отрезок времени требует решения ряда методологических и методических проблем в силу размера корпуса текстов, которые можно вовлечь в анализ. В качестве данных для исследования используются стенограммы выступлений депутатов ГД РФ¹. Весь массив данных (1994 – середина 2020 года) включает 324 тысячи реплик (27 млн словоупотреблений) от 2773 депутатов и других лиц, подготовленных для машинной обработки, а также информация о региональной и партийной принадлежности депутатов.

Участие в законодательных дебатах и шире – в целом публичное говорение в стенах парламента – является одним из наиболее заметных видов деятельности депутатов, но остается относительно малоизученным (Proksch and Slapin, 2012). Одна из причин такого положения вещей заключается в серьезных методологических и содержательных вызовах, с которыми стал-

¹ База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы» [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 02.10.2020).

квиваются исследователи. Можно выделить три значимые и взаимосвязанные проблемы.

Во-первых, огромные объемы текстовой информации могут быть обработаны машинным образом, но это ставит проблему издержек на «осмысленную» обработку, то есть требуется выбор оптимальной схемы соотношения машинной обработки и экспертного участия, без которого все равно не обойтись (Quinn et al., 2010). Во-вторых, это «проблема» языка или, точнее, словопотребления: многозначность терминов, неполная формализуемость, стилевое и жанровое своеобразие использования, различия между естественными языками (что препятствует выработке универсальных решений, хотя подходы существуют). Наконец, ключевой содержательный вопрос – а что, собственно, мы можем найти и определить с помощью всего лишь, так или иначе, подсчета слов? Например, относительно неплохо получается выделять темы – обсуждения, политической повестки. Труднее дается «превратить подсчет слов в оценки «выраженных предпочтений» или «заявленных позиций» (Lauderdale and Herzog, 2016, p. 392). Соответственно, трудно выделять собственно споры, дискуссии, несогласия (disagreement), которые, конечно, являются в некотором смысле сутью политики.

При этом решение последней проблемы обязательно требует учета контекстуальных обстоятельств, в которых разворачивается депутатский дискурс, – политического режима, избирательной системы, партийных и фракционных механизмов, процедурно-регламентных правил самой легислатуры. По отдельности понимание этих институциональных оснований в российском контексте не вызывает особых сложностей в силу наличия соответствующих исследований. Но то, как они результируют в практики публичного говорения в стенах Думы и какой характер оно имеет, остается относительно туманным. Например, знаменитая фраза «парламент – не место для дискуссий» явно не полностью отражает сегодняшнюю ситуацию, дискуссии все-таки бывают. Но нет сомнений в том, что использовать в российском контексте слово «дебаты» и выработанные на материале легислатур в других странах подходы к их анализу едва ли возможно².

Конечный интерес исследования на материале всего корпуса выступлений депутатов состоит в определении комбинации политических, институциональных и иных факторов, влияющих на степень согласия относительно будущего России, локализацию этого согласия в смысловом пространстве, диапазон (или диапазоны – в разных тематических измерениях) колебаний точки равновесия в динамике среди депутатского корпуса. Для реализации интереса необходимо выработать и обсудить возможный подход к определе-

² Например, в зарубежном исследовании авторы следующим образом выделяли дебаты (в нижней палате ирландского парламента и Сенате Конгресса США): набор выступлений с одинаковым названием (по официальным парламентским отчетам), которые состоялись в один день и включали не менее пяти выступающих (среднее число спикеров по выборке оказалось 12, максимум – 73). При этом еще специально оговаривается, но исключается из анализа, что дебаты по одному вопросу могут идти дни или даже недели (Lauderdale and Herzog, 2016). Между тем типичная картина «дебатов» в России следующая: краткое представление законопроекта, несколько вопросов и ответы на них (может не быть), выступления «по мотивам» последующего голосования (далеко не всегда, а если есть, то одно, два).

нию степени согласия и его локализации, что и составляет предмет данной статьи. Речь о том, чтобы продвинуться в методологии количественного анализа всего корпуса стенограмм заседаний ГД РФ, оттолкнувшись от имеющихся наработок качественного анализа. Сначала мы формулируем общий подход к качественно-количественному синтезу, затем представляем пробную версию кодификатора территориально-политического измерения смыслового пространства, разработанного на основании экспертного опроса, далее качественно тестируем его на относительно локальном и не очень обширном с точки зрения объема словоупотребления сюжете – концепте федерализма на сокращенной выборке стенограмм (с конца 2011 года до настоящего времени (VI – VII созывы)) с использованием информационной системы (ИС) «Семограф»³ и обсуждаем выводы в отношении дальнейшего исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование образа будущего в представлении депутатского корпуса ГД РФ основывается на синтезе количественной и качественной методологии в изучении политических текстов. Работа с их большими массивами определяет потребность в использовании количественного контент-анализа (White and Marsh, 2006). Важность смыслового анализа и практик социального конструирования реальности обусловила первостепенное значение методологии дискурс-анализа (Foucault, 1972; Laclau, 1990; Laclau and Mouffe, 1985; Van Dijk, 1993; Van Dijk, 2009; Van Dijk, 2015; Schiffrin et al., 2015; Widdowson, 1995; Wodak, 1997; Nonhoff, 2017). Именно в рамках исследования дискурса интерес к прогностике и исследованию будущего стимулировал появление нового направления в политической лингвистике. Специалисты по политическому дискурсу и метафорологии выделяют вопросы дискурса будущего в лингвополитическую прогностику, которая представляет собой междисциплинарное направление, интегрирующее идеи и положения когнитивной лингвистики, прогностики, политологии, лингвополитологии и метафорологии (Солопова и Чудинов, 2017, с. 158; Солопова, 2012 и др.). Исследования различных аспектов будущего здесь носят характер когнитивно-дискурсивного прогностического сопоставительного исследования моделей будущего в различных политических текстах (Солопова, 2011).

Образ будущего страны требует представлений не только об идеологических смыслах, но и общей структуре (составе) данного пространства. В.С. Комаровский, анализируя образ желаемого будущего России, выделяет три ракурса, которые позволяют охватить разные аспекты в понятии «образ страны». Первый ракурс – это общая оценка по шкале «позитивный / негативный образ». Второй состоит из нескольких проекций: пространственный образ (зависит от географических и природных факторов); символы страны (формальные – флаг, герб, гимн и т. д. и неформальные; исторически

³ *Semograph*. Информационная система экспертного и машинного анализа языкового контента [Электронный ресурс]. URL: <http://solr.preview.semograph.com> (дата обращения: 02.10.2020).

сложившиеся и сконструированные); личностная проекция (исторические личности, действующие деятели и т. д.); временная проекция (историческая память); цивилизационная проекция (выделение «нашей» и «чужой» культуры). Третий ракурс охватывает отдельные сферы общественной жизни (Комаровский, 2020, с. 47).

Помимо лингвистов, разными аспектами территориальных образов занимаются многие известные российские географы (Замятин, 2000, 2003, 2008; Колосов и Зотова, 2012). Географический образ обычно понимается как центральное понятие имагинальной географии (Замятин, 2010, с. 29). Семантические значения вокруг территориальных аспектов представлены совокупностью символов, определяющих ее своеобразие. Географические образы могут формироваться в коллективном сознании стихийно, но могут быть выявлены, реконструированы, подчеркнуты заинтересованными силами. В этом смысле территориальные аспекты образа будущего связываются с вопросами границ страны, устройства административно-территориального деления, уникальности составных частей (регионов), их развитием и др.

Применительно к анализу большого корпуса текстов возникает важная методологическая развилка – выбор между, условно, априорным и индуктивным подходами (Laver et al., 2003). Первый заключается в выделении и анализе позиций по политическим и идеологическим параметрам, которые заранее известны, – результатам опросов экспертов, например, или некоего тезауруса, или референсного текста. Иными словами, суть подхода в том, чтобы, используя «предшествующие знания или предположения, свести задачу к эпистемологически простому вопросу оценки неизвестных позиций по известным шкалам» (Laver et al., 2003, р. 313). Проблема, однако, в том, что в этом случае мы присваиваем исследуемому пространству шкалу или шкалы, систему координат, которые могут не подходить или, по крайней мере, не полностью схватывать смыслы и позиции. Возможно, это как раз случай ГД РФ. Как было отмечено выше, мы не очень хорошо представляем детали практики публичного говорения депутатов, их мотивы, стимулы и ограничения, и само пространство дискурса, его размерность и ключевые характеристики нам неизвестны.

Возможной альтернативой является второй подход – индуктивный анализ с апостериорной интерпретацией (Laver et al., 2003). То есть сначала вычисляются некоторые закономерности частотного распределения слов и других параметров в исследуемых текстах, а затем исследователь качественным образом присваивает им содержательные значения, которые далее могут быть использованы для последующих интерпретаций политических позиций. Преимущества этого подхода довольно серьезные, потому что теоретически он позволяет исследовать неизвестное или плохо известное, не подстраивая это под свою систему координат. Но, во-первых, для его реализации требуются важные условия, например однородность исследуемого материала. В отношении совокупности стенограмм в техническом смысле оно соблюдается, но в содержательном, то есть в отношении самого смыслового пространства, например, во временном отношении, такой уверенности нет. А во-вторых, чисто индуктивный анализ политических позиций политических текстов

едва ли возможен. Мы все равно должны исходить из некоторых априорных предположений о характере дискурса и пространства.

Поэтому мы реализуем стратегию, которая некоторым образом совмещает оба подхода. Первым шагом является разработка кодификатора и качественное прощупывание смыслового пространства образа будущего России в территориальном измерении в депутатском дискурсе. При работе над кодификатором мы исходили из качественной традиции контент-анализа, которая близка к анализу дискурса. Как известно, ключевым моментом контент-анализа является кодирование, которое позволяет соотносить части текста с категориями. Работа над «словарем», с помощью которого осуществляется интерпретация данных – основополагающий этап исследования. Как отмечает А. Н. Олейник, различают несколько типов словарей (Олейник, 2009). Список кодов для интерпретации территориальных аспектов образа будущего России определялся в рамках логики качественного контент-анализа. Это подразумевает акцентирование тем и сюжетов, смыслов, идей, которые кристаллизуются вокруг базовых словоформ. Выбор количественно-качественного подхода был обусловлен необходимостью зафиксировать смысловые рамки, контекст, темы или сюжеты, которые присутствуют в тексте.

Поскольку их определение невозможно без прочтения текстов, здесь повышается субъективизм хода исследования. Поиск «объективных» критериев кодирования с целью повышения надежности контент-анализа связывается с расширением числа участников, причастных к составлению кодификатора. Для этого в период с 14 сентября по 10 октября 2020 года был проведен экспертный опрос среди участников Сети по исследованию идентичности⁴. Экспертов попросили составить список смысловых кодов и понятий, которые, по их мнению, операционализируют через конкретные слова на тему «территориальные аспекты будущего России в дискурсе депутатов ГД РФ». Всего в исследовании приняло участие 15 экспертов.

В рамках экспертного опроса было зафиксировано желание видеть (предвидеть) в дискурсе определенные темы, однако фиксировалось, что этого долженствования можно и не обнаружить при непосредственном исследовании: «В дискурсе депутатов могут присутствовать также такие понятия, как прорыв, инновации, цифровизация и другие определяющие поступательное движение / развитие категории. В том числе такая, как “территория развития” (хотелось бы ее видеть)»⁵.

На основании присланных анкет по принципу частоты упоминания было сформировано «смысловое ядро понятия» (учитывалось слово или фраза, которое было употреблено в пяти или более экспертных оценках) (табл. 1).

⁴ Экспертная Сеть по исследованию идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://identityworld.ru> (дата обращения: 07.09.2020).

⁵ Материалы экспертного опроса, 24.09.2020 // Из лич. арх. авт.

Таблица 1 / Table 1

Группировка слов в рамках операционализации территориальных аспектов будущего России (экспертный кодификатор) / Grouping words in the framework of operationalization of the future of Russia territorial aspects (expert codifier)

Категория	Единицы (ключевые слова)
Территориальное устройство	Федерализм и федерация Унитарное государство Держава Суверенитет Административно-территориальное деление (АТД) Империя Регион (в том числе названия регионов) Макрорегион Федеральный округ Территория опережающего развития (ТОР) Столица Экономические зоны Территориальное единство (целостность / распад страны)
Границы территории	Россия – РФ Европа – Азия – Евразия Арктика – Арктическая зона Дальний Восток Столица Город Мегалополис Наукоград Агломерация
Политические и социально-экономические процессы в территориях	Пространственное развитие Региональная политика Перераспределение (передача) полномочий Глобализация Пространственное развитие Урбанизация Укрупнение регионов Региональные проекты Цифровизация Инфраструктура Развитие села (сельских территорий)

Источник: составлено авторами по данным экспертного опроса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве примера приложения выработанного кодификатора проанализируем его работу на примере понятия «федерализм» как категории дискурса будущего России в депутатской риторике. Для этого используем представление о базовом слое концепта, его концептуальных сегментах и периферии кон-

цепта (Сенцов, 2013, с. 63). Указанные уровни позволяют погрузить базовый слой концепта, другими словами «узловые точки» дискурса в значении Лакло и Муффа (Laclau and Mouffe, 1985), в более широкие смысловые слои, определяющие контекстуальный фон конструируемых представлений о какой-либо ключевой категории. Выбор федерализма не является случайным. Категория федерализма в экспертных оценках консолидированно определялась как значимая для оценки будущего в дискурсе депутатского корпуса. Дискуссии о будущем территориальном устройстве напрямую связаны с представлением о том, какая модель взаимоотношения регионов и центра должна существовать в России, при этом поднимался вопрос о подлинности федерализма, а в ряде случаев потребности в его трансформации. Всего за исследуемый период зафиксировано 33 стенограммы заседаний, в которых употреблен термин «федерализм».

Анализ артикуляции базового смыслового концепта «федерализм» в дискурсе депутатов позволяет нам представить структуру концепта будущего федерализма в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

**Структура концепта «федерализм» в дискурсе депутатов ГД РФ VI – VII созывов /
Structure of the “federalism” concept in the discourse of deputies
of the State Duma of VI-VII convocations**

Базовый слой концепта	Концептуальные сегменты	Периферия концепта
Бюджетный федерализм	Подлинный бюджетный федерализм и справедливая налоговая политика. Совершенствование межбюджетных отношений	Ликвидация неравенства в финансировании регионов
Полномочия центра и регионов	Большая самостоятельность регионов. Четкое разграничение предметов ведения	Защита принципов федерализма
«Реформирование» федерализма	Отказ от федерализма VS движение в сторону западных моделей подлинного федерализма	Унитарный федерализм VS подлинная федерация. Перенос столицы

Источник: составлено авторами по данным контент- и дискурс-анализа стенограмм заседаний депутатов ГД РФ VI – VII созывов.

Первый слой рассуждений, который доминирует по доле внимания, – бюджетный и налоговый федерализм. В рамках данного слота обсуждение ведется в сторону будущего совершенствования межбюджетных отношений и необходимости укрепления финансовых основ муниципальных образований и регионов: «Должен быть бюджетный федерализм: если хотя бы треть средств давать на местные нужды, тогда не будет этого безобразия»⁶; «Получается, у одних с финансированием густо, а у других, что называется, пусто.

⁶ Стенограмма заседаний, 23.01.2020 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5381/> (дата обращения: 07.10.2020).

Такой перекося и неравенство в распределении финансово-экономического потенциала по субъектам Российской Федерации должны быть предметом серьезного рассмотрения в правительстве»⁷.

Необходимость развития бюджетных основ федерализма поддерживается разными политическими силами, при этом формируется коллективное согласие относительно потребности подлинного бюджетного федерализма: «*«Единая Россия» рассматривает, что Счетная палата, используя свой ресурс и авторитет, не только выработает рекомендации по приоритетной теме – теме проверок, но и всячески будет способствовать, конечно сообщая с фракцией, претворению в жизнь необходимых мер по совершенствованию межбюджетных отношений»⁸; «Тенденция распределения межбюджетных трансфертов носит ярко выраженное южное направление и что это в какой-то степени подрывает принципы бюджетного федерализма. При таком подходе и стратегии пространственного развития – а фракция ЛДПР считает, что должно быть равномерное, сбалансированное распределение со смещением этого вектора в первую очередь в сторону Дальнего Востока, Западной и Восточной Сибири»⁹.*

При этом вопрос о бюджетном федерализме пересекается в смысловом пространстве дискурса со слотом о полномочиях, поскольку речь идет о потребности в финансовых гарантиях и подкреплении региональных полномочий: «*Давать полномочия, точнее говоря, поручения субъектам Российской Федерации, прежде чем перекладывать на них ответственность, посчитаем, а смогут ли они выполнить эти поручения в силу формируемой доходной части. У нас разные регионы, и мы им отдаем те налоги, извините, на которые дорожку-то не отремонтировать. Вот в чем суть-то проблемы кроется. Давайте вернемся к теме бюджетного федерализма, мы ведь не унитарное, мы федеральное государство, правильно»¹⁰.*

Второй слой дискурса связан с вопросом о полномочиях (федеральные, региональные, местные). В данном случае смысловой контекст употребления связан с фразой «принцип федерализма», который заключается в потребности защиты конституционных основ, отказе от посягательств на базовые федералистские идеи: «это нарушение принципа федерализма», «твердо придерживаться принципов демократизма, парламентаризма и федерализма, заложенных в нашей Конституции», «отстаивать принципы федерализма» и др. («Я убежден, что такие фундаментальные конституционные ценности,

⁷ Стенограмма заседаний, 01.07.2015 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4314/> (дата обращения: 07.10.2020).

⁸ Стенограмма заседаний, 07.07.2020 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5482/> (дата обращения: 07.10.2020).

⁹ Стенограмма заседаний, 21.10.2016 // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4530/> (дата обращения: 07.10.2020).

¹⁰ Стенограмма заседания, 15.02. 2013 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3799/> (дата обращения: 07.10.2020).

как правовое государство, федерализм, социальный характер внутренней политики, а также свобода слова, информации и творчества, помогут укрепить огромные внутренние резервы российского общества, и содействовать этому процессу мы с вами, парламентарии, просто обязаны!»¹¹).

Реформирование и развитие федералистских принципов поднимается, например, в контексте уточнения ряда аспектов разграничения предметов ведения и большей самостоятельности регионов («Надо дать больше самостоятельности субъектам Федерации в решении экономических и инвестиционных проблем»¹²). В частности, депутатами обсуждался вопрос наделения депутатов федерального парламента правом внесения законодательной инициативы в региональные парламенты: «Не кажется ли вам несправедливым то, что депутаты представительных органов власти субъектов Федерации обладают правом внесения законодательной инициативы в федеральный парламент, а депутаты федерального парламента, наоборот, такого права по внесению инициативы в местный парламент не имеют?»¹³. При этом вопросы данного блока циркулируют в поле вопроса справедливости, недопущения разных правил в одном территориальном пространстве России. Так, в этом контексте обсуждались вопросы о необходимости возврата прямых выборов глав регионов в 2012 году¹⁴ и недопущения разных размеров штрафов за нарушения ПДД в регионах в 2013 году¹⁵.

Трансформация федеративных принципов рассматривается и в фокусе изменения баланса федеративного государства в сторону распыления столичных функций: «Мы понимаем, что передача функций расширяет базис федерального государства... А вот в перспективе не планируется ли – в связи с тем, что к нам присоединился Севастополь, – разместить там, допустим, Главный штаб ВМФ, а Министерство обороны, допустим, переместить в Новосибирск? И есть ли другие планы у президента и правительства в части передачи именно столичных функций другим субъектам Российской Федерации в целях укрепления федерализма?»¹⁶. При этом в качестве

¹¹ Стенограмма заседания, 16.09.2014 // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4120/> (дата обращения: 07.10.2020).

¹² Стенограмма заседания, 14.06.2013 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3881/> (дата обращения: 07.10.2020).

¹³ Стенограмма заседаний, 17.05.2016 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4483/> (дата обращения: 07.10.2020).

¹⁴ Стенограмма заседания, 24.04.2012 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3615/> (дата обращения: 07.10.2020).

¹⁵ «Ну сами подумайте, как можно, не противореча Конституции, назначать губернатора, если у нас в Конституции прописан федерализм...», – высказался Я. Е. Нилов, председатель комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, фракция «ЛДПР» (Стенограмма заседания, 08.10.2013 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3924/> (дата обращения: 07.10.2020).

¹⁶ Стенограмма заседания, 12.11.2014 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. 2014. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4169/> (дата обращения: 07.10.2020).

примеров используется риторический прием сопоставления с идеальными случаями, в рамках федералистского дискурса депутатов ими считаются Германия и Швейцария.

Третий смысловой слой – отказ от федерализма декларируется в риторике В. В. Жириновского, который продвигает идею усиления централизации, федерализм рассматривается им как инородный и чуждый российской политической культуре: *«Все должно быть стянуто в центр. Минусы есть: трудно реагировать на ситуацию в регионах. Но зато мощная страна, как скала, и никто не смеет напасть! А когда мы раздаем все, действуют центробежные силы, когда мы развиваем федерализм, который губителен для нас... Федерация – это гибель России. Демократия и частный сектор – это гибель России»*¹⁷.

В этом же контексте можно рассмотреть выступление не входящего во фракцию депутата Думы Р. Г. Шайхутдинова (партия «Гражданская платформа») от 22 декабря 2017 года, в котором будущее федерализма увязывается с трансформацией политической системы России в сторону закрепления института преемника, с усилением территориальной унификации. В нем автор даже предлагает назвать такую систему «унитарным федерализмом», имея в виду тренд к государству, где баланс федеральной и региональной власти смещается в сторону доминирования федерального центра: *«Предстоящие в марте 2018 года выборы президента открывают новый этап в развитии российской политической системы. Перед ней стоит трудная задача воспроизводства власти, и я убежден, что решение этой задачи будет включать в себя не только поиск, предъявление обществу и подготовку одного или нескольких преемников, но также, возможно, и создание, и конституционное закрепление самого института этого преемничества, укрепление общего государственного каркаса страны в направлении унитарного федерализма и гармонизации вертикали и горизонтали государственной власти»*¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение методологической задачи, поставленной в данном исследовании, показало перспективность сочетания количественных и качественных методов изучения политических текстов. Количественный контент-анализ позволил сгруппировать массивы по выделенным категориям, однако сами категории были созданы при помощи экспертного опроса и анализировались

¹⁷ Стенограмма заседаний, 12.02.2019 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5115/> (дата обращения: 07.10.2020).

¹⁸ Стенограмма заседаний, 22.12.2017 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4813/> (дата обращения: 07.10.2020). Само название «унитарный федерализм» не является новым термином и часто употребляется в контексте характеристики состояния российского федерализма (сужение федералистских принципов) после федеративной реформы 2000-х годов. См., например: Казаков А. Русское поле. Правовое. 10 лет Конституции и перспективы федерализма в России [Электронный ресурс] // Российская газета. 2003. 30 дек. URL: <https://rg.ru/2003/12/30/pole.html> (дата обращения: 09.10.2020).

в привязке к смысловому контексту через дискурс-анализ. Тем не менее стоит отметить, что и это не исключает выпадения из числа потенциально важных для дискурса будущего тематических блоков. Экспертный опрос показал, что внешний взгляд может иметь ограничения, поскольку при такой работе приходится «предугадывать и предполагать», исключая погружение в собственно смысловой контекст самого дискурса депутатов. На этот недостаток указывали и сами участники исследования¹⁹, поэтому при проведении дискурс-анализа важно фиксировать появление новых смыслов и работать с кодификатором по принципу «открытого формата», пополняя категории.

Исходя из принципа анализа, связанного с выделением смыслового ядра (базового слоя) категории, вокруг которой выстраивается дискурс, и его периферии, оказывается возможным группировать смысловые блоки области дискурсивности и фиксировать их пересечение и взаимопроникновение. Анализ понятия «федерализм» как категории дискурса будущего России в депутатской риторике показал, что соотношение выявленной структуры дискурса депутатов о «федерализме» и его место в экспертном кодификаторе относительно важности данного аспекта в картине будущего не совпали. Частотность (количество материалов) и характер дискурса (острота дискуссии) относительно федерализма не занимают в повестке представлений депутатов центральную роль в дискурсе, как это предположительно ожидалось исходя из данных экспертного опроса.

Категории и единицы анализа сложным и, возможно, не всегда очевидным образом на всем массиве связаны между собой в речах депутатов. Так, в экспертном кодификаторе отдельной категорией выделено «перераспределение (передача) полномочий». При анализе дискурса этот смысловой пласт был выявлен в качестве аспекта базового слоя внутри понятия «федерализм».

Стоит также отметить, что часть дискурса потенциально может выпадать из эмпирического поля, задействованного в анализе по принципу употребления ключевого слова «федерализм» без словоформ и учета составляющего область дискурсивности значения понятия «федерализм». В частности, дискуссии о макрорегионах, динамике границ федеральных округов (например, расширение границ Дальневосточного округа за счет включения в него новых субъектов, вопросы развития Сибири и Дальнего Востока) связаны с федералистским дискурсом. Рассуждения об угрозах территориальной целостности, например распаде страны, касаются вопросов федерализма, но за счет фиксации лишь ключевого слова не отражаются в поиске как связанные²⁰.

Выходом может стать разработка сложной структуры взаимопересечений в кодификаторе, что является перспективным направлением будущей работы. Кроме того, будет необходимо определить характер значимости того

¹⁹ Материалы экспертного опроса, 10.10.2020 // Из. лич. арх. авт.

²⁰ Например: Овсянников В. А., фракция ЛДПР: «...нельзя давать вот такое двусмысленное законодательное предложение субъектам: хотите – принимайте, хотите – не принимайте. То есть мы действительно создаем предпосылки суверенизации субъектов, а в итоге – вообще к переходу к конфедерации». (Стенограмма заседаний, 12.02.2019 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3784/> (дата обращения: 07.10.2020)).

или иного сегмента концепта (концептов) для конструируемого образа страны. Для этого будет использован лингвистический классификатор, «достраивающийся» к классификаторам и выделяющий в текстах слова/словосочетания с семантикой желательности и/или необходимости осуществления определенных действий для достижения желаемого результата, передаваемого на уровне лексической семантики с использованием модальных слов, суперлативов и пр.

В техническом плане будущая работа может быть выстроена следующим образом. На основании переструктурированного кодификатора будет произведена разметка всего массива, то есть тексту выступления будет приписано значение определенного класса (тега). При этом текст выступления может относиться к нескольким классам. Такая связанность означает связанность и сегментов концепта. Далее, протегированные тексты выступлений могут быть объединены в выборки (персональные, партийные, временные и др.); также можно составить серию выборок текстов выступлений группы депутатов по готовым срезам. На основе сформированных выборок автоматически генерируются таблицы: а) весов рубрик классификатора для данной группы по годам или иным параметрам; б) матриц, показывающих связь сегментов концептов друг с другом в текстах депутатов данной группы по годам или иным параметрам. Это, как мы надеемся, позволит выявить наличие согласия относительно будущего России, его степень и диапазон колебаний в динамике.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00624 «Будущее России: содержание, смыслы и границы национального согласия».

Библиографический список

Замятин Д. Н. Географический образ России и постсоветские языковые идентичности // Космополис. 2008. № 1. С. 97–105.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3. С. 26–50.

Замятин Д. Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 107–114.

Замятин Д. Н. Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 34–45.

Зимин В. А. Функциональность образа будущего в структуре политической культуры // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10–1. С. 67–72.

Колосов В. А., Зотова М. В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 170–186.

Комаровский В. С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 45–50. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7041.

Мартьянов В. С. Прогностика дальнего прицела: в поисках будущего для России и мира // Полития: анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2009. № 4. С. 61–74.

Олейник А. Н. Триангуляция в контент-анализе. Вопросы методологии и эмпирическая проверка // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 65–79.

Ослон А. Образ будущего в социальной реальности // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 4–5.

Розин В. М. Дискурсы и типы будущего // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 137–152. DOI: 10.5840/eps201752235.

Сенцов А. Э. Моделирование политического будущего в партийных программах: монография. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 193 с.

Солопова О. А. Методика когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего в политическом тексте // Омский научный вестник. 2011. № 6. С. 124–127.

Солопова О. А. Остаться с умирающей державой?.. (Когнитивно-дискурсивная модель будущего России) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 1. С. 34–45.

Солопова О. А., Чудинов А. П. Лингвополитическая прогностика: что говорят метафоры прошлого о будущем России (на материале политических дискурсов США и Великобритании XIX в.) // Политическая наука. 2017. № 2. С. 157–176.

Foucault M. The archaeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon Books, 1972. 245 p.

Laclau E. New reflections on the revolution of our time. London, New York: Verso, 1990. 263 p.

Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics. 2nd ed. London, New York: Verso, 1985. 198 p.

Lauderdale B., Herzog A. Measuring political positions from legislative speech // Political Analysis. 2016. Vol. 24, № 3. P. 374–394. DOI: 10.1093/pan/mpw017.

Laver M., Benoit K., Garry J. Extracting policy positions from political texts using words as data // American Political Science Review. 2003. Vol. 97, № 2. P. 311–331. DOI: 10.1017/S0003055403000698.

Nonhoff M. Discourse analysis as critique // Palgrave Communications. 2017. Vol. 3, № 1. P. 1–11. DOI: 10.1057/palcomms.2017.74.

Proksch S.-O., Slapin J. B. Institutional foundations of legislative speech // American Journal of Political Science. 2012. Vol. 56, № 3. P. 520–537. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2011.00565.x.

Quinn K. M., Monroe B. L., Colaresi M. et al. How to analyze political attention with minimal assumptions and costs // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54, № 1. P. 209–228. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2009.00427.x.

The handbook of discourse analysis // Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. Chichester, Malden: Wiley Blackwell, 2015. 872 p. DOI: 10.1002/9780470753460.

Van Dijk T. A. Critical discourse analysis // The Handbook of discourse analysis / Ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. Chichester, Malden: Wiley Blackwell, 2015. P. 466–485.

Van Dijk T. A. Principles of critical discourse analysis // Discourse and Society. 1993. Vol. 4, № 2. P. 249–283. DOI: 10.1177/0957926593004002006.

Van Dijk T. A. Society and discourse: How social contexts influence text and talk. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2009. 287 p. DOI: 10.1017/CBO9780511575273.

White M. D., Marsh E. E. Content analysis: A flexible methodology // Library Trends. 2006. Vol. 55, № 1. P. 35–36. DOI: 10.1353/lib.2006.0053.

Widdowson H. G. Discourse analysis: A critical view // Language and Literature. 1995, Vol. 4, № 3. P. 157–172. DOI: 10.1177/096394709500400301.

Wodak R. Critical discourse analysis and the study of doctor-patient interaction // The construction of professional discourse / Ed. by B.-L. Gunnarsson, P. Linell, B. Nordberg. Milton Park, New York: Routledge, 1997. P. 173–200.

Информация об авторах

Назукина Мария Викторовна – канд. полит. наук, научный сотрудник ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а; доцент кафедры политических наук ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-0190-0513

Researcher ID: L-8246-2016

E-mail: nazukina@mail.ru

Сулимов Константин Андреевич – канд. полит. наук, заведующий кафедрой политических наук ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-4277-3135

Researcher ID: N-9455-2018

E-mail: k.sulimov@psu.ru

Статья получена 15 ноября 2020 года

UDC 328

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18

ON MEASURING THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE DISCOURSE OF THE RUSSIAN STATE DUMA DEPUTIES (AS BASED ON TERRITORIAL-POLITICAL REPRESENTATIONS)

Mariya V. Nazukina

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin str., Perm, 614990, Russia

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-0190-0513

Researcher ID: L-8246-2016

E-mail: nazukina@mail.ru

Konstantin A. Sulimov

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-4277-3135

Researcher ID: N9455-2018

E-mail: k.sulimov@psu.ru

For citation:

Nazukina, M. V. and Sulimov, K. A. (2021), "On measuring the image of the future in the discourse of the Russian State Duma deputies (as based on territorial-political representations)", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 1–18, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18.

Introduction: the analysis of ideas about the future in the discourse of deputies of the State Duma is of interest for developing a coherent and consolidated vision of the country's fundamental future development. However, there has been a lack of study into the discursive features of parliamentary discourse and their research methods have not been thoroughly developed.

Objectives: to address the methodological issues arising in studying the image of the future in the discourse of the State Duma deputies.

Methods: content analysis, discourse analysis, expert survey.

Results: the article describes the methodological challenges that researchers face when analysing the discourse of deputies. Following the study of territorial-political views, a model of expert codifier has been created, a heuristic potential of which was tested while applied in the study of "federalism" category in the analysis of transcripts from the State Duma sessions (VI-VII convocations). The structure of semantic field of the federalist discourse has been highlighted, which includes ideas about the concept's basic layer, its conceptual segments and periphery. The prospects of combining quantitative and qualitative methods of studying political texts as well as potential directions for further work have been identified.

Conclusions: various limitations associated with the analysis of large volumes of texts have been covered. The ratio of the revealed structure of the deputies' discourse about "federalism" and its place in the expert codifier regarding the importance of this aspect in the picture of the future of Russia do not coincide. Categories and units under analysis appear to be linked in the deputies' speeches in rather a complex way. Word forms and the components of discursivity need to be taken into account while analysing the meaning of the concept within the category under study. It has been determined that developing a complex structure of intersections in the codifier can become a solution and a promising direction for further research.

Keywords: Russia; future; the State Duma; territorial image; codifier; federalism; unitary state; content analysis; discourse analysis

ACKNOWLEDGEMENTS

The research was supported within the grant provided by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-011-00624 "Russia's future: Content, rationale and boundaries of national consent".

References

- Zamyatin, D. N. (2008), "Geographical image of Russia and post-soviet language identities", *Kosmopolis*, no. 1, pp. 97–105.
- Zamyatin, D. N. (2010), "Humanitarian geography: Space, imagination, and interaction between contemporary human sciences", *Sociological review*, vol. 9, no. 3, pp. 26–50.
- Zamyatin, D. N. (2000), "Image of the country: Structure and dynamics", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 107–114.
- Zamyatin, D. N. (2003), "Political and geographical images of the Russian space", *Acta Eurasica*, no. 4, pp. 34–45.
- Zimin, V. A. (2014), "Functionality of the image of the future in the structure of political culture", *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, no. 10–1, pp. 67–72.
- Kolosoov, V. A. and Zotova, M. V. (2012), "Geopolitical vision of the world by the Russian citizens: Why Russia not Europe", *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 170–186.
- Komarovsky, V. S. (2020), "Image of the desired future of Russia: Problems of formation", *The Authority*, vol. 28, no. 1, pp. 45–50, doi: 10.31171/vlast.v28i1.7041.
- Martyanov, V. S. (2009), "The long-run forecast: In search of the Russian and world future", *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics "Politeia"*, no. 4, pp. 61–74.
- Oleinik, A. N. (2009), "Triangulation in content analysis. Methodology issues and empirical testing", *Sociological Research*, no. 2, pp. 65–79.
- Olson, A. (2006), "The image of the future in social reality", *Sotsial'naya real'nost'*, no. 11, pp. 4–5.
- Rozin, V. M. (2017), "Discourses and types of the future", *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 52, no. 2, pp. 137–152, doi: 10.5840/eps201752235.
- Sentsov, A. E. (2013), *Modelirovanie politicheskogo budushchego v partiynkh programmakh* [Modeling of the political future in party programs], Tomsk Polytechnic University Press, Tomsk, Russia.
- Solopova, O. A. (2011), "Methods of cognitive-discursive future studies", *Omsk Scientific Bulletin*, no. 6, pp. 124–127.
- Solopova, O. A. (2012), "To stay with the dying power?.. (Cognitive-discursive model of the future of Russia)", *Bulletin of Tomsk state University*, no. 1, pp. 34–45.
- Solopova, O. A. and Chudinov, A. P. (2017), "Linguistic political prognostics: What metaphors of the past tell us about Russia's future (based on the analysis of American and British political discourses of the XIXth century)", *Political Science*, no. 2, pp. 157–176.
- Foucault, M. (1972), *The Archaeology of knowledge and the discourse on language*, Translated from the French by Sheridan Smith, A. M., Pantheon Books, NYC, NY, USA.
- Laclau, E. (1990), *New reflections on the revolution of our time*, 2nd ed., Verso, L., UK, NYC, NY, US.
- Laclau, E. and Mouffe, C. (1985), *Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics*, Verso, L., UK, NYC, NY, US.
- Lauderdale, B. and Herzog, A. (2016), "Measuring political positions from legislative speech?" *Political Analysis*, vol. 24, no. 3, pp. 374–394, doi: 10.1093/pan/mpw017.

Laver, M., Benoit, K. and Garry, J. (2003), "Extracting policy positions from political texts using words as data", *American Political Science Review*, vol. 97, no. 2, pp. 311–331, doi: 10.1017/S0003055403000698.

Nonhoff, M. (2017), "Discourse analysis as critique", *Palgrave Communications*, vol. 3, no. 1, pp. 1–11, doi: 10.1057/palcomms.2017.74.

Proksch, S.-O. and Slapin, J. B. (2012), "Institutional foundations of legislative speech", *American Journal of Political Science*, vol. 56, no. 3, pp. 520–537, doi: 10.1111/j.1540-5907.2011.00565.x.

Quinn, K. M., Monroe, B. L., Colaresi, M. et al. (2010), "How to analyze political attention with minimal assumptions and costs", *American Journal of Political Science*, vol. 54, no. 1, pp. 209–228, doi:10.1111/j.1540-5907.2009.00427.x.

Schiffrin, D., Tannen, D. and Hamilton, H. E. (eds.) (2015), *The Handbook of discourse analysis*, Wiley Blackwell, Chichester, UK, Malden, MA, US.

Van Dijk, T. A. (2015), "Critical discourse analysis", in Tannen, D., Hamilton, H. E. and Schiffrin, D. (eds.), *The Handbook of discourse analysis*, Wiley Blackwell, Chichester, UK, Malden, MA, US, pp. 466–485.

Van Dijk, T. A. (1993), "Principles of critical discourse analysis", *Discourse and Society*, vol. 4, no. 2, pp. 249–283, doi: 10.1177/0957926593004002006.

Van Dijk, T. A. (2009), "Society and discourse: How social contexts influence text and talk", Cambridge University Press, Cambridge, UK, NYC, NY, US, doi: 10.1017/CBO9780511575273.

White, M. D. and Marsh, E. E. (2006), "Content analysis: A flexible methodology", *Library Trends*, vol. 55, no. 1, pp. 35–36, doi: 10.1353/lib.2006.0053.

Widdowson, H. G. (1995), "Discourse analysis: A critical view", *Language and Literature*, vol. 4, no. 3, pp. 157–172, doi: 10.1177/096394709500400301.

Wodak, R. (1997), "Critical discourse analysis and the study of doctor-patient interaction", in Gunnarsson, B.-L., Linell, P. and Nordberg, B. (eds.), *The construction of professional discourse*, Routledge, Milton Park, NY, US, pp. 173–200.

Received November 15, 2020

УДК 328.3

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-19-30

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ПАРЛАМЕНТАРИЯ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

М. А. ВОРОПАЕВА

Молодежный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания
Российской Федерации, г. Москва, Россия
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Э. Л. КАВШАР

Автономная некоммерческая организация «Центр развития политического
капитала», г. Москва, Россия

Для цитирования:

Воропаева М. А., Кавшар Э. Л. Символический капитал парламентария как фактор укрепления доверия к Государственной Думе // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 19–30. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-19-30.

Введение: в работе исследованы формальные и неформальные политико-коммуникативные практики на предмет их эффективности в улучшении восприятия парламентского института.

Цель: выделение особенностей формирования символического капитала депутата Государственной Думы с использованием политико-коммуникативных практик.

Методы: сравнительный анализ, контент-анализ, социологический, нормативно-правовой анализ.

Результаты: проанализированы политико-коммуникативные практики, применяемые депутатами Государственной Думы, и их влияние на формирование доверия к парламенту. Выделены неформальные практики, которые парламентарии применяют при реализации их представительской функции, как обладающие наибольшим потенциалом в условиях необходимости повышения доверия к Государственной Думе.

Выводы: доверие к парламентскому институту складывается из институционального (к Государственной Думе как органу государственной власти) и трансперсонального доверия (к депутатам). Парламентарий, которому Государственная Дума делегирует свой символический капитал, своими действиями может как повысить доверие к институту, так и понизить в силу разных причин (допущения коммуникативных неудач, неумения пользоваться современными технологиями, следования политической конъюнктуре и т.д.). Необходима разработка комплекса мер для повышения доверия к парламентскому институту.

Ключевые слова: государственная власть; демократия; парламентский институт; символический капитал; Государственная Дума; депутат

ВВЕДЕНИЕ

Доверие к политическим институтам в условиях ограничений из-за распространения коронавирусной инфекции, выступлений оппозиционных политических активистов в ряде государств становится необходимым условием для стабильного функционирования государственной власти.

Так, С. М. Липсет выявил роль легитимности в поддержании стабильности политической системы, рассматривая ее как «способность системы порождать и поддерживать веру, что существующие политические институты наиболее пригодны для общества» (Филиппов, 2002, с. 104).

Особого внимания заслуживают парламентские институты, поскольку они напрямую избираются гражданами и выступают важнейшим демократическим способом легитимации политической власти. Вовлечение граждан в процесс управления создает у них ощущение причастности к принимаемым властью решениям, позволяет им чувствовать себя участниками политической жизни, проникнуться ответственностью за дела в обществе (Керимов, 2015, с. 89).

Нижняя палата российского парламента – Государственная Дума – на сегодняшний день испытывает дефицит общественного доверия. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения в феврале 2021 года одобряли деятельность нижней палаты парламента 36 % опрошенных, не одобряли – 49,1 %¹. По результатам опросов Левада-центра в этот период положительно оценили деятельность Государственной Думы 40 % опрошенных, отрицательно – 57 %². Одновременно снизились рейтинги как парламентских партий, так и их лидеров³.

В этой связи необходимо применять целенаправленные меры для повышения доверия к парламентскому институту и парламентариям.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическую основу исследования формируют труды современных авторов, раскрывающие особенности политико-коммуникативных практик, применяемых политическими институтами, как элемента политической реальности (Витгенштейн, 1994; Фуко, 1996; Поцелуев, 1999; Grishin, 2012; Пушкарева, 2016). Они выступают одним из важнейших инструментов накопления, воспроизводства и реализации символического капитала власти.

В современных условиях парламентские институты (Leston-Bandeira and Norton, 2017; Cofelice, 2019) используют разнообразные ресурсы и средства, обеспечивающие эффективное выполнение ими своих функций и устойчивость политической системы. Наряду с прочими активно используются символические ресурсы. Н. П. Кирсанова определяет их как «знаковые средства конструирования политической действительности, контролируемые и используемые субъектом властных отношений, в соответствии с собственными целями, и оказывающие воздействие на сознание и нормы индивидов, определяющие порядок их социальных действий и взаимодействий в пределах конкретного социума» (Кирсанова, 2006, с. 16).

¹ Деятельность государственных институтов [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2021. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/ (дата обращения: 02.03.2021).

² Одобрение органов власти [Электронный ресурс] // АНО «Левада-Центр». 2021. URL: <https://www.levada.ru/indikator/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 02.03.2021).

³ Социологи отмечают снижение рейтинга Путина [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2020. 5 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4372137> (дата обращения: 10.01.2021).

Символические ресурсы обеспечивают символический капитал. В политическую науку данное понятие ввел французский философ и социолог П. Бурдьё, определив его как «капитал чести и престижа» (Бурдьё, 2001, с. 101). Суть символического капитала, методология его анализа, управление символическим капиталом и особенности его использования в публичной власти подробно рассмотрены в работах (Шмелева, 2016; Каминская, 2017; Федотова, 2017; Демидова, 2018; Баскаков-Будайли, 2018; Воропаева, 2019; Каминская, 2019; Feldman et al., 2015).

Обобщив рассуждения П. Бурдьё, М. В. Демидова выделяет следующие особенности символического капитала:

- единицей измерения символического капитала является услуга как эквивалент доверия, стоимость последнего определяется количеством вложенного в его создание труда, как следствие результатом функционирования символического капитала является доверие, выраженное в услугах;
- природа такого капитала – информационная, поэтому его преимущество заключается в мобильности;
- перспективой его развития является информационное накопление, которое ведет к символическому могуществу (конкретного общества или человека) (Демидова, 2014, с. 29).

В рамках политического поля символический капитал формируется во взаимодействии между агентами: единоличными (политическими лидерами) и коллективными (политическими институтами). Агент, который имеет больший символический капитал, может управлять медийным полем, «агенты располагают властью, которая пропорциональна их символическому капиталу» (Бурдьё, 1993, с. 71). Агенту в таком случае необходимо предоставлять гражданам символические гарантии в виде понятных и принимаемых символов. При этом агенту также может быть передан делегированный символический капитал от институции (Бурдьё, 1993, с. 83). Этот тип капитала является временным (например, мандат депутата Государственной Думы).

Следуя теории П. Бурдьё, необходимо сделать вывод о том, что депутат Государственной Думы представляет собой символический накопитель, который может оказать существенное влияние на формирование доверия к парламентскому институту. Исходя из этого, в настоящей работе рассматривается деятельность Государственной Думы VI созыва (2011–2016) и VII созыва (2016–2021) и депутатов, входящих в ее состав в рассматриваемый период.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Феномен восприятия парламента связан с совокупностью рациональных и иррациональных факторов, включающих институциональную и персональную составляющие. Институциональная – восприятие парламента как политического института (в том числе архетип парламента как законодательного органа); персональная – субъективное восприятие членов парламента индивидумом.

Гражданин конструирует отношение к парламенту в целом или его конкретным представителям на основе собственных знаний и социального опыта,

опираясь на принятые в обществе представления. При этом через положительное личное общение гражданина с депутатом формируется трансперсональное доверие, что в итоге повышает доверие к парламенту в целом.

Особую ценность парламентарий представляет как интерпретатор деятельности нижней палаты парламента, разъясняя ее решения, причины принятия или отклонения законопроектов, политическую повестку и т.д. и позволяя гражданам получать необходимую информацию. В публичном, медийном, открытом пространстве, где обсуждается интерпретация политической реальности, осуществляется символическая власть. Она, по мнению П. Бурдье, «есть в действительности такая невидимая власть, которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей. Это власть заставлять конструировать реальность, устанавливая непосредственное мироощущение, то есть чувство реального мира» (Бурдье, 1993, с. 211).

Конструируемый парламентарием политический дискурс оказывает влияние на групповую идентичность и восприятие в целом депутатского корпуса. При этом для формирования и обоснования политической реальности депутат должен использовать совокупность соответствующих инструментов, в том числе политико-коммуникативные практики.

Законодательством установлены общие требования к процедурам и процессам по реализации Государственной Думой политико-коммуникативных практик. Речь идет о формальных, или писанных практиках, что определяет их природу, обязательность, а также основные параметры, включая санкции за неисполнение. Эти практики имеют особое свойство универсальности и реализуются депутатами различных фракций и созов, тем самым обуславливая разработку наиболее эффективных механизмов их реализации.

К формальным можно отнести ряд практик, установленных Регламентом Государственной Думы⁴, в рамках представительской функции парламентария:

- рассмотрение обращений избирателей;
- организация личного приема не реже чем один раз в два месяца;
- проведение встреч с избирателями не реже чем один раз в полгода,
- в период заседаний Государственной Думы – рассмотрение поступивших предложений, заявлений и жалоб избирателей, по которым депутаты обязаны принимать меры, предусмотренные законодательством.

Наряду с этим депутатами используются такие устоявшиеся каналы коммуникации, как личные встречи с избирателями, участие в деятельности законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации и публичных мероприятиях и др.

Конечно, определенные на законодательном уровне политико-коммуникативные практики оказывают воздействие на поведение парламентария, но при этом не лишают его автономности. Согласно статье 7 Федераль-

⁴ О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации от 22.01.1998 № 2134-II ГД. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/> (дата обращения: 12.01.2021).

ного закона 1994 года «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁵ последний принимает участие в заседаниях парламента, комитетов, комиссий, вносит законопроекты и участвует в их обсуждении и т.д. Однако деятельность депутата может осуществляться также в иных формах, что означает определенную свободу в выборе политико-коммуникативных практик и независимость во взаимодействии с гражданами, при подготовке законодательных инициатив и пр. (особенно это касается депутатов, не входящих во фракции).

Впрочем, вышеназванные обстоятельства не должны означать утрату парламентарием необходимости руководствоваться в работе государственными интересами и нормами общественной нравственности. К сожалению, нередко депутаты Государственной Думы допускают деструктивные высказывания, что оказывает негативное влияние на доверие граждан к парламентскому институту в целом.

Например, в 2014 году лидер ЛДПР В. Жириновский оскорбил беременную корреспондентку⁶. В 2015 году депутат С. Калашников заявил, что сокращение солнечного дня ведет к распространению сезонной депрессии и для борьбы с этим явлением у населения необходимо ввести 12-часовой рабочий день⁷. В 2017 году В. Жириновский обещал «расстреливать и вешать» депутатов от партии «Единая Россия»⁸. А годом позже Т. Плетнева рекомендовала россиянкам не вступать в сексуальную связь с болельщиками, приехавшими на Чемпионат мира по футболу⁹. В 2019 году И. Гусева сравнила малоимущих россиян с уголовниками, которые становятся для государства обузой после выхода из мест заключения¹⁰.

Список таких коммуникативных неудач обширен. Его также можно дополнить случаями потасовок в стенах Государственной Думы, коррупционных и уголовных скандалов и т.д. Депутат Я. Е. Нилов справедливо упрекал депутатов в том, что они нанесли ущерб имиджу Государственной Думы

⁵ О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3637/ (дата обращения: 12.01.2021).

⁶ Жириновский в Госдуме оскорбил беременную журналистку [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». 2014. 14 апр. URL: <https://vz.ru/news/2014/4/18/682812.html> (дата обращения: 30.11.2020).

⁷ Калинина Н. «Лучшее лекарство от депрессии — работа!» В России введут 12-часовой рабочий день [Электронный ресурс] // Информационное агентство «URA.Ru». 2015. 25 сент. URL: <https://ura.news/news/1052424754> (дата обращения: 29.11.2020).

⁸ Демченко Н., Губернаторов Е., Холмогорова В. Володин призвал Жириновского извиниться за обещание вешать единокоросов [Электронный ресурс] // РБК. 2017. 15 марта. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/58c908a09a7947c9405cfdcf> (дата обращения: 29.11.2020).

⁹ Глава семейного комитета ГД призвала не вступать в интимные связи с иностранцами во время ЧМ [Электронный ресурс] // ГОВОРИТ МОСКВА.РУ. 2018. 13 июня. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/163495/> (дата обращения: 29.11.2020).

¹⁰ Депутат Госдумы из «ЕР» сравнила малоимущих с уголовниками [Электронный ресурс] // Общественно-политическая газета «Труд». 2019. 17 дек. URL: http://www.trud.ru/article/17-12-2019/1384112_deputat_gosdumy_iz_er_sravnila_maloimuschix_s_ugolovnikami.html (дата обращения: 30.11.2020).

своим бездельем, участием во всевозможных скандалах и околокриминальных схемах¹¹.

Негативный эффект усиливается в связи с тем, что деструктивные действия или высказывания парламентариев приобретают вирусный характер и становятся основой для Интернет-контента с высокой виральностью.

Помимо формальных, активно развиваются неформальные, неурегулированные законодательно политико-коммуникативные практики. В литературе встречается описание таких неформальных способов коммуникации, как политические граффити, слухи (Громович и Демина, 2014, с. 84–85). Но, безусловно, наиболее эффективными в современном мире являются политико-коммуникативные практики, основанные на информационных технологиях и позволяющие реализовывать двухстороннюю коммуникацию: социальные сети, видеохостинги, мессенджеры и др.

Так, социальные сети являются востребованным среди граждан каналом коммуникации, дающим возможность развития диалога между пользователями и получения депутатом обратной связи. Анализ социальных сетей депутатов Государственной Думы VII созыва позволяет сделать вывод, что большинство их ведет для одностороннего информирования граждан о своей деятельности и только у некоторых есть реальная потребность в создании двухсторонней коммуникации. К примеру, депутат «Единой России» В. Бурматов говорил, что воспринимает собственные социальные сети как интернет-приемную¹².

Наблюдается тенденция создания парламентариями каналов в мессенджере Telegram: свои каналы развивают Д. Ионин («Справедливая Россия»), В. Жириновский (ЛДПР), Г. Зюганов (КПРФ), Л. Слуцкий (ЛДПР), Н. Поклонская (ЛДПР), В. Рашкин (КПРФ), С. Шаргунов (КПРФ)¹³ и др. Менее активно для общения с избирателями используются видеохостинги (что объясняется сложностью производства контента).

Отметим, что для признания новых медиа политико-коммуникативными практиками необходим переход от преимущественного использования вертикальной коммуникации к горизонтальной и субъектно-субъектным отношениям.

Новые медиа обладают массой конкурентных преимуществ по сравнению с традиционными средствами массовой коммуникации: прямая коммуникация, высокая скорость передачи данных, анонимность, возможность создавать дискуссионное поле, формировать общественное мнение. Это обуславливает необходимость постоянного анализа медиапространства, работу с обратной связью, корректировки информационной стратегии депутата, выделения приоритетных направлений информирования.

¹¹ Уколов Р. Правила жизни депутатов в России [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2014. 2 дек. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/12/02/oniskazalipravdu/> (дата обращения: 14.12.2020).

¹² Чиновников научат вести соцсети [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2019. 30 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3868235> (дата обращения: 26.12.2020).

¹³ Депутаты продолжают эксплуатировать Telegram [Электронный ресурс] // Daily Storm. 2019. 27 сент. URL: <https://dailystorm.ru/vlast/deputy-prodolzhayut-ekspluatirovat-telegram> (дата обращения: 26.12.2020).

Для облегчения работы с новыми медиа создан ряд инструментов, например, автоматизированные системы мониторинга и анализа медиаполя. За последние годы рынок таких сервисов стремительно развивался: менялась технология аналитики (применение искусственного интеллекта, матлингвистики, машинного обучения), масштаб покрытия информационного поля, глубина и точность анализа, метрики, функции, а также источники.

Одной из российских систем медиааналитики является Медиалогия¹⁴. Она осуществляет автоматический мониторинг СМИ (61 тыс. источников), а также социальных сетей (900 млн аккаунтов). Система анализирует российские и зарубежные источники, может изучать ТВ-источники, даркнет, мессенджеры.

Brand Analytics¹⁵ специализируется на социальных медиа, позволяет контролировать репутацию за счет большого числа метрик, атрибутов сообщений, гибкой сегментации данных, доступа к полному потоку данных сети «ВКонтакте» в режиме реального времени.

Медиалогия, Brand Analytics и иные подобные системы рассчитаны на крупные объекты – бренды, продукты и т.д. и используются, как правило, большими компаниями, органами власти, подведомственными им организациями, способными тратить значительные ресурсы на мониторинг.

Приложение PolitAnalytic¹⁶ специализируется на персональном использовании политиком, общественным деятелем. Сервис анализирует упоминания персоналии от международных (русскоязычных) до местных интернет-изданий, а также в социальных сетях, Telegram-каналах и иных источниках (более 10 тыс. источников). Помимо этого, приложение имеет функцию конструирования постов для социальных сетей, что немаловажно при невысоком уровне владения информационными технологиями рядом депутатов Государственной Думы.

На наш взгляд, новые медиа обладают высоким потенциалом для повышения уровня доверия к парламентариям и, как следствие, к Государственной Думе в целом. При этом отсутствие должного опыта в ведении социальных сетей является обстоятельством, способным породить новые конфликты. Председатель Государственной Думы VII созыва В. Володин выступил с просьбой к депутатам ответственно относиться к своим публикациям в социальных сетях¹⁷.

Неформальные политико-коммуникативные практики, выраженные в использовании новых медиа, требуют разработки регламентных требований и методических рекомендаций для повышения политико-коммуникативных компетенций парламентариев. Это необходимо как для установления пери-

¹⁴ Медиалогия – разработчик автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и соц-медиа в режиме реального времени [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 14.01.2021).

¹⁵ Brand Analytics – система мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://br-analytics.ru/> (дата обращения: 14.01.2021).

¹⁶ PolitAnalytic [Электронный ресурс]. URL: <https://politanalytic.ru/> (дата обращения: 14.01.2021)

¹⁷ Юришина М. Законотворчество вышло в соцсети [Электронный ресурс] // Известия. 2017. 13 мар. URL: <https://iz.ru/News/669813> (дата обращения: 26.11.2020).

одичности реализации указанных политико-коммуникативных практик (в настоящее время зависит от позиции депутата), так и для их упорядочивания.

Все вышеназванное представляет особую актуальность в связи с активизацией депутатов в использовании новых информационных технологий, а также скором наступлении избирательной кампании по формированию Государственной Думы VIII созыва.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доверие к парламентскому институту складывается как сочетание институционального доверия и доверия к депутатам. Формирование доверия к Государственной Думе не может являться обезличенным процессом.

Депутат, которому Государственная Дума делегирует свой символический капитал, играет важную роль в повышении доверия к парламентскому институту, но его деятельность может носить противоречивый характер, в силу допущения коммуникативных неудач.

Политико-коммуникативные практики, являющиеся формальными, урегулированы законодательно и широко применяются реализуются депутатами. Неформальные практики, напротив, применяются в зависимости от позиции депутата, его опыта, желания и умения развивать коммуникацию с избирателями.

Эффективность реализации политико-коммуникативной практики (как формальной, так и неформальной) напрямую зависит от уровня доверия к конкретному парламентарии; в совокупности уровень доверия к депутатам определяет уровень доверия к Государственной Думе как политическому институту.

Библиографический список

Баскаков-Будайли Э. Н. Роль символического капитала в формировании имиджа компании // Научные труды центра перспективных экономических исследований. 2018. № 14. С. 165–171.

Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко / Отв. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр., под общ. ред. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. Ч. 1 / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 544 с.

Воропаева М. А. Особенности накопления символического капитала парламентским институтом (на примере Государственной Думы) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11, № 3. С. 401–415. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-3-401-415.

Громович Д. А., Демина И. Н. Использование неформальных методов политических коммуникаций в выборах // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 3. С. 82–91.

- Демидова М. В. «Символический капитал» П. Бурдьё и «Капитал» К. Маркса // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 11. С. 27–32.
- Демидова М. В. Место символического капитала в оценке деятельности российской публичной власти // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 10. С. 284–291.
- Каминская Т. Л. Предвыборный медиадискурс и символический капитал региона // Современный дискурс-анализ. 2017. № 2. С. 4–9.
- Каминская Т. Л. Символический капитал в визуальных практиках агитационных кампаний // Власть. 2019. Т. 27, № 5. С. 42–47. DOI: 10.31171/vlast.v27i5.6717.
- Керимов А. А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: общественные науки. 2015. № 1. С. 81–91.
- Кирсанова Н. П. Символические ресурсы политической власти: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2006. 24 с.
- Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // ПОЛИС. Политические исследования 1999. № 5. С. 62–75.
- Пушкарева Г. В. Символические формы конструирования политической реальности // Символическая политика: сб. науч. тр. / под ред. О. Ю. Малиновой. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 15–29.
- Федотова Н. Г. Роль медиакommunikаций в формировании символического капитала места // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 2. С. 65–76.
- Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть 2-я) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2002. № 2. С. 97–117. DOI: 10.30570/2078-5089-2002-25-2-97-117.
- Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова / Под общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
- Шмелева Л. А. Управление символическим капиталом: народный кредит доверия в условиях кризисной экономической ситуации // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/12/18519> (дата обращения: 04.02.2021).
- Cofelice A. Parliamentary institutions in regional and international governance: Functions and powers. Abingdon: Routledge, 2019. 210 p.
- Feldman G., Schmid H., Strier R. The performative magic of advocacy organisations: The redistribution of symbolic capital // British Journal of Social Work. 2015. Vol. 46, № 6. P. 1–17. DOI: 10.1093/bjsw/bcv088.
- Grishin S. E. Political communication. Saratov: Slovo Publishing house, 2012. 24 p.
- Leston-Bandeiras C., Norton Ph. Parliamentary institutions: basic concepts. Hanoi: Office of the National assembly of Vietnam, 2017. 56 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.26240.74245.

Информация об авторах

Воропаева Мария Александровна – председатель Молодежного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, 103265, Россия, г. Москва, ул. Охотный ряд, 1, аспирант Департамента

политологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125993, Россия, г. Москва, Ленинградский просп., 49

ORCID: 0000-0002-4610-2550

ResearcherID: –

Электронный адрес: mariavoropaeva@yandex.ru

Кавшар Элеонора Леонидовна – директор автономной некоммерческой организации «Центр развития политического капитала», 125080, Россия, г. Москва, Волоколамское шоссе, 2 / Ленинградское шоссе, 1

ORCID: 0000-0003-0848-855X

ResearcherID: –

Электронный адрес: kavshar@mail.ru

Статья получена 6 марта 2021 года

UDC 328.3

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-19-30

THE PARLIAMENTARIAN'S SYMBOLIC CAPITAL AS A FACTOR OF CONFIDENCE BUILDING IN THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mariia A. Voropaeva

Youth Parliament of the State Duma, 1 Okhotnyy ryad,
Moscow, 103265, Russia

Financial University under the Government of the Russian
Federation, 49 Leningradsky ave., Moscow, 125993, Russia

ORCID: 0000-0002-4610-2550

ResearcherID: –

E-mail: mariavoropaeva@yandex.ru

Eleonora L. Kavshar

Center for political capital development, 2 Volokolamsk
highway / 1 Leningrad highway, Moscow, 125080, Russia

ORCID: 0000-0003-0848-855X

ResearcherID: –

E-mail: kavshar@mail.ru

For citation:

Voropaeva, M. A. and Kavshar, E. L. (2021), "The parliamentarian's symbolic capital as a factor of confidence building in the State Duma", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 19–30, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-19-30.

Introduction: the article examines formal and informal political and communication practices for their effectiveness in improving the perception of a parliamentary institution.

Objectives: to identify the features of symbolic capital formation of a State Duma deputy using political and communicative practices.

Methods: comparative analysis, content analysis, sociological regulatory analysis.

Results: The article analyzes the political and communication practices used by the State Duma deputies and their impact on building trust in parliament. Informal practices that parliamentarians use while implementing the representative function are highlighted as having the greatest potential in the context of the need to increase trust in the State Duma.

Conclusions: trust to a parliamentary institution is a combination of institutional trust (to the State Duma as a body of state power) and transpersonal trust (in deputies). A parliamentarian, to whom the State Duma delegates its symbolic capital, can either increase confidence in the institution by their actions, or lower it due to the communication failures, inability to use modern technologies, the need to follow the political change, etc. It is necessary to develop a set of measures to increase confidence in the parliamentary institution.

Keywords: state power; democracy; parliamentary institution; symbolic capital; the State Duma; deputy

References

Baskakov-Budaili, E. N. (2018), "The role of the symbolic capital in the formation of the image of the company", *Nauchnye trudy tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovaniy*, no. 14, pp. 165–171.

Bourdieu, P. (2001), *Prakticheskii smysl* [Le sens pratique], Translated by Bikbov, A. T., Voznesenskaya, K. D., Zenkin, S. N. et al., in Shmatko, N. A. (ed.), Aleteiya, St. Petersburg, Russia.

Bourdieu, P. (1993), *Sotsiologiya politiki* [Sociologie de la politique], Translated by Shmatko, N. A. (ed.), Socio-Logos, Moscow, Russia.

Wittgenstein, L. (1994), *Filosofskie raboty, Chast' 1* [Philosophical works: in 2 parts, part 1], Translated by Kozlova, M. S. and Aseev, Yu. A., Gnozis, Moscow, Russia.

Voropaeva, M. A. (2019), "Features of symbolic capital accumulation by the parliamentary institution (based on the example of the State Duma)", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 3, pp. 401–415, doi: 10.17072/2218-9173-2019-3-401-415.

Gromovich, D. A. and Demina, I. N. (2014), "Using of informal methods for political communications in elections", *Theoretical and practical issues of journalism*, no. 3, pp. 82–91.

Demidova, M. V. (2014), "Symbolic capital" by P. Bourdieu and "Capital" by K. Marx", *Herald of Vyatka State University*, no. 11, pp. 27–32.

Demidova, M. V. (2018), "The place of symbolic capital in the evaluation of the Russian public power", *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, no. 10, pp. 284–291.

Kaminskaya, T. L. (2017), "Pre-election media discourse and symbolic capital of the region", *Discourse analysis*, no. 2, pp. 4–9.

Kaminskaya, T. L. (2019), "Symbolic capital in visual practices of agitation campaigns", *The Authority*, vol. 27, no. 5, pp. 42–47, doi: 10.31171/vlast.v27i5.6717.

Kerimov, A. A. (2015), "Legitimacy of political power: problems, definition and key theoretical models", *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3: Social and Political Sciences*, no. 1, pp. 81–91.

Kirsanova, N. P. (2007), "Symbolic resources of political power", Abstract of Ph.D. dissertation, 23.00.02 – Political institutions, ethnopolitical conflictology, national and political processes and technologies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Potseluev, S. P. (1999), "Symbolic politics: constellation of concepts for approaching a problem", *POLIS. Political studies*, no. 5, pp. 62–75.

Pushkareva, G. V. (2016), "Symbolic forms and construction of political reality", in Malinova, O. Yu. (ed.), *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics], Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia, pp. 15–29.

Fedotova, N. G. (2017), "The role of media communications in the formation of the symbolic capital of a place", *International journal of cultural research*, no. 2, pp. 65–76.

Filippov, A. F. (2002), "Political sociology. Fundamental problems and main concepts (part 2)", *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics (Politeia)*, no. 2, pp. 97–117, doi: 10.30570/2078-5089-2002-25-2-97-117.

Foucault, M. (1996), *Arkheologiya znaniya* [L'archéologie du savoir], Translated by Mitin, S. and Stasov, D., in Levchenko, Br. (ed.), Nika-Tsentr, Kiev, Ukraine.

Shmeleva, L. A. (2016), "Symbolic capital management: the people's credibility in a crisis economic situation", *Humanities scientific researches*, no. 12 [Online], available at: <http://human.snauka.ru/en/2016/12/18519> (Accessed February 4, 2021).

Cofelice, A. (2019), *Parliamentary institutions in regional and international governance: Functions and powers*, Routledge, Abingdon, UK.

Feldman, G., Schmid, H. and Strier, R. (2015), "The performative magic of advocacy organisations: The redistribution of symbolic capital", *British Journal of Social Work*, vol. 46, no. 6, pp. 1–17, doi: 10.1093/bjsw/bcv088.

Grishin, S. E. (2012), *Political communication*, Slovo Publishing house, Saratov, Russia.

Leston-Bandeiras, C. and Norton, Ph. (2005), *Parliamentary institutions: Basic concepts*, Office of the National assembly of Vietnam, Hanoi, Vietnam, doi: 10.13140/RG.2.2.26240.74245.

Received March 6, 2021

УДК 323.1:070

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-31-48

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАКТИК ЕЖЕДНЕВНОГО НАЦИОНАЛИЗМА НА ТЕЛЕКАНАЛЕ «РОССИЯ 1»

Ю. В. СУРСАНОВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Сурсанова Ю. В. Репрезентация практик ежедневного национализма на телеканале «Россия 1» // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 31–48. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-31-48.

Введение: в настоящей статье сфокусировано внимание на том, как ежедневные практики используются государством для проецирования образа российского патриота. Государственные и связанные с государством медийные дискурсивные модели традиционно изучаются сверху вниз. Мы же проанализируем, как государство и медиа управляют отображением ежедневного национализма, который обычно рассматривался снизу вверх. Таким образом, мы соединим банальный и ежедневный национализмы как подходы, привлекая внимание к заинтересованности государства поощрять россиян использовать свою версию патриотизма в повседневной жизни. Для этого проведено качественное исследование видеорепортажей программы «Вести недели» телеканала «Россия 1». Для контент-анализа был выбран период 2011–2012 годов, характеризующийся как «протестный год» и зенит новой политики идентичности современного российского государства.

Цель: характеристика использования государством ежедневных практик проецирования образа настоящего российского патриота.

Методы: теория банального национализма М. Билига, дискурс-анализ, контент-анализ.

Результаты: выявлены практики проецирования образа настоящего российского патриота. Одна из ключевых – это аскетизм русского человека и способность жить в самых скромных условиях. Она парадоксальным образом сочетается с невиданной щедростью российских людей. Способность соединять в себе эти полярности, как признак настоящей русскости, иллюстрируется сюжетами о нынешних и исторических персонах. Еще одна практика, воспроизводящаяся из сюжета в сюжет на телеканале – патернализм, выражающийся как в заботе о детях, женщинах и стариках, так и в покровительстве государства. Готовность жертвовать – центральная тема сюжетов программы «Вести недели» телеканала «Россия 1».

Выводы: превентивная мобилизация через ежедневные практики как цель политики идентичности, проводимой телеканала «Россия 1», легко читается в сюжетах «Вести недели» через рамку инструментов «банального национализма». Жертва, не только большая как на войне, но и малая – в ограничении потребления, в готовности работать и служить в трудных условиях, защищать честь страны в спортивных соревнованиях – все это с подключением национального гнева можно трансформировать из ежедневной практики в действие.

Ключевые слова: политика идентичности; банальный национализм; ежедневный национализм; патриотизм; телеканал «Россия 1»

ВВЕДЕНИЕ

Начало третьего президентского срока Владимира Путина ознаменовалось усилением государственной политики идентичности. Электоральный цикл 2011–2012 годов совпал с одним из первых крупных кризисов легитимности:

«протестный год» начался с выборов в Государственную Думу 2011 года и продолжился после рокировки тандема. Общественный подъем обнаружил острейший дефицит предложений на идеологическом рынке. Возникновение протестного ядра, сплотившегося вокруг «негативной повестки», требовало корректировки прежнего символического курса (Малинова, 2012, с. 76–93). В конечном счете изменения политического контекста побудили к пересмотру сложившегося в 2000-е годы курса символической политики (Ефремова, 2012, с. 294–307). На этом этапе определились три «склонения», конкретизировавшие выбранную «цивилизационную грамматику», – язык патриотизма, морали и национальной культуры (Laguelle, 2000).

Хотя украинский кризис 2014 года и оказал огромное влияние на рост националистической и патриотической риторики (McGlynn, 2020, p. 1069–1085), правительство начало риторический сдвиг в сторону вопросов идентичности раньше – еще в 2011–2012 годах. Так, вступая в должность Президента Российской Федерации в 2012 году, В. Путин подчеркнул, что российская идентичность находится под угрозой со стороны внутренних и внешних врагов¹.

Ключевым инструментом государственной политики идентичности стали федеральные телеканалы, среди которых «Россия 1», в частности программа «Вести недели», занимает особое место. Несмотря на рост новых медиа, российские федеральные каналы (преимущественно государственные) продолжают оставаться основным источником информации для многих россиян. Третий срок В. Путина был отмечен драматическим ростом политических обращений на государственных российских телеканалах², особенно возросла роль “softnews” (Merriman, 2003) – не связанных напрямую с политической повесткой дня историй. Этот глобальный медиаформат известен своей способностью привлекать политически не ангажированную аудиторию, создавая продукцию с сильным эмоциональным эффектом. Активизация использования таких инструментов в преддверии третьего президентского срока тесно связана с проводимой через телеканалы политикой идентичности. Последняя в рамках нашего исследования используется в широком смысле как совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности (Семененко, 2011, с. 162–167).

Для нас 2011–2012 годы важны тем, что они являются поворотным моментом в государственной политике идентичности в сторону языка патриотизма, морали и национальной культуры, который выразился в поощрении россиян задействовать собственную версию патриотизма в повседневной жизни. То, как государство и медиа управляют отображением практик ежедневного

¹ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2012. 23 янв. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html?insidedoc (дата обращения: 25.02.2020.)

² Tolz V., Chatterje-Doody P. N. Four things you need to know about Russian media manipulation strategies [Электронный ресурс] // The Conversation. 2018. 5 Apr. URL: <https://theconversation.com/four-things-you-need-to-know-about-russian-media-manipulation-strategies-94307> (дата обращения: 23.03.2020.)

национализма, интересно не только с практического, но и с методологического ракурса. В этой точке сходятся банальный и ежедневный национализмы, рассматривающие процесс повседневного воспроизводства нации как нисходящий и восходящий потоки.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Корни изучения повседневного национализма как подполя национализма восходят к попыткам М. Биллига (Billig, 1995) переключить внимание исследователей с традиционной озабоченности возникновением феноменов наций и национализма к воспроизводству национализма в повседневной жизни и массовой культуре (McGlynn, 2020, p. 1069–1085; Edensor, 2002). Тем не менее упор на нисходящие подходы к построению нации привел к различию между исследованиями «банального национализма» и анализом повседневных национализмов, когда люди потребляют и воссоздают национализм снизу вверх (Antonsich, 2016; Skey, 2011). Э. Нотт дает подробный обзор превращения повседневного национализма в подполе, которое фокусируется на простых людях и их посредничестве в воспроизведении националистических символов (Knott, 2015).

Работа М. Биллига «Банальный национализм» привлекла внимание исследователей к вопросу о том, как и с помощью каких инструментов нация воспроизводит себя изо дня в день. Рассмотрим, как работают предложенные автором инструменты в контексте политики идентичности, проводимой российским государством через телеканал «Россия 1».

М. Биллиг утверждает, что Фукуяма, провозгласивший в 1992 году «конец истории» и всемирную либеральную революцию, не прав относительно судьбы национализма, потому что, как и многие другие аналитики, отождествляет национализм с его «горячими» разновидностями. Фукуяма пишет, что национализм – одна из тех старых идеологий, которые постепенно исчезнут с триумфальным шествием либеральной демократии (Фукуяма, 2010, с. 45). «Банальное разнообразие уходит из категории, и провозглашается отсутствие идеологии», отмечает Биллиг (Billig, 1995, p. 93). Как же национализму удастся раствориться в повседневных практиках?

Национальность, распространяющаяся из Европы в Америку и в другие государства, была признана универсальной формой суверенитета (Billig, 1995, p. 22). Любая нация как народ должна иметь свою нацию как государство (Billig, 1995, p. 24). Тем не менее, несмотря на широкую распространенность, утверждение принадлежности государства к «народу», пишет Биллиг, не является утверждением внутренней психологической идентичности (Billig, 1995, p. 63). «В таких заявлениях обнаруживается мистическая связь между людьми и их землей» (Billig, 1995, p. 77). На первых страницах книги «Нации и национализм» Геллнер пишет, что «национализм – это прежде всего политический принцип, согласно которому политическая и национальная единица должны быть согласованы» (Gellner, 1983, p. 19). Биллиг же считает, что в сущности теория государственности предусматривает, что люди, место и государство должны быть связаны воедино (Billig, 1995, p. 77). Как утверждают Холл

и Хельд, в современной демократической стране «народ» представляет собой дискурсивное образование, которое используется в качестве синонима нации (Hall and Held, 1989, p. 94). Народ = нация, нация = народ, а, значит, народная история становится национальной историей, исключая из фокуса внимания сам национальный конструктор.

Временем, когда государственный национализм может проявить себя, М. Биллиг называет не только и не столько моменты национальной мобилизации по праздникам и международным событиям (такие моменты он атрибутирует к ситуации «развевающегося флага»). Ключевой темой его исследования стали ситуации «неразвевающегося флага», которые, незримо присутствуя, уходят на второй план сознания, но тем эффективнее вписывают нас в контекст Родины. В своем исследовании автор показывает, как это происходит, на примере британских СМИ.

Описанные маркеры мы выделили в несколько смысловых блоков и рассмотрим, каким образом они работают в российских СМИ:

- монополия на насилие. Сюжеты, в которых подчеркивается исключительное государственное право на насилие (один из признаков государства-нации);

- центр интерпретативной вселенной. Сюжеты, помещающие смотрящего в центр государства-нации, использующие дейктические выражения и другие знаки, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта – его участникам, его месту и времени;

- гегемония. Сюжеты, выделяющие универсальность того или иного признака, подающего как признак национального, подчеркивающие его «над»-идентичностный характер. То же относится к международному уровню, когда речь заходит о некой универсальной морали, поднимающейся над национальными интересами и устанавливающей свою гегемонию;

- универсальность мира наций. Существование нации-государства в неproblemатичном ключе как универсального правила организации обществ;

- язык. Ключевая черта национальной идентичности, которая, являясь признаком некоторых, признается ключевым признаком нации в целом;

- проекция в прошлое. Механизм укоренения национальной (короткой) истории в народную (длинную) с попыткой продлить свое существование как можно дальше в прошлое, а лучше во «всегда»;

- наш патриотизм – их национализм. Дуальность восприятия национальных практик, где за «нами» признаются позитивные проявления национализма, обобщенные под термином «патриотизм», а за «ними» – негативные, обобщенные под термином «национализм» в его «горячей» разновидности. Это позволяет прятать «наш» национализм и не осознавать его;

- границы. Дискурс границы между «своими» и «чужими», «чистыми» и «нечистыми»;

- зеркало нации. Политики, стремящиеся в своих речах превозносить нацию, одевая ее в метафорические одежды и являясь тем самым зеркалом, в которое нация может собой любоваться;

- жертва. Сюжеты, показывающие, что нация – то, ради чего стоит жертвовать жизнью;
- рутина, хабитуализация нации. Социальные практики, подчеркивающие национальную идентичность неосознаваемым способом или практики, приписываемые народу-носителю нации-государства.

Именно хабитуализация нации как инструмент ее ежедневного проникновения в жизни людей рассматривается нами в этой статье. Ежедневный (повседневный) национализм сосредотачивает внимание на агентах и социальных практиках больше, чем на социальных структурах (Goode, 2020, p. 1), и хотя банальный и ежедневный национализмы рассматриваются как отдельные подходы, есть контексты, в которых они сходятся. В условиях, когда государство инструментами банального национализма пытается наполнить повседневные практики своей версией национализма, первый трудно отделить от второго с надежной точностью (Dukalskis and Lee, 2020, p. 2).

Э. Ренан назвал существование нации «ежедневным плебисцитом». Своей метафорой плебисцита автор обращал внимание на психологическое измерение национализма. Нации не имеют абсолютного существования, без «четко выраженного желания продолжать совместную жизнь» нация исчезает в истории (Renan, 1990, p. 19). Понятие ежедневного плебисцита предполагает психологию сознательной воли, а более поздняя идея Б. Андерсона о воображаемом сообществе подразумевает психологию воображения (Anderson, 2016). В этом отношении метафора Ренана несколько вводит в заблуждение, пишет Биллиг, поскольку на самом деле не происходит осознанного ежедневного выбора. Граждане устоявшейся нации день ото дня сознательно не решают, что их нация должна продолжаться. С другой стороны, воспроизводство нации не происходит волшебным образом: требуются банальные практики, а не сознательный выбор или коллективные акты воображения. Так же как язык умрет скорее из-за отсутствия постоянных пользователей, так и концепт нации должен быть ежедневно использован (Billig, 1995, p. 95).

В своей работе Биллиг называет такие банальные практики ситуациями «неразвевающегося флага». Антрополог Р. Ферт в одном из исследований роли флагов в современной жизни провел различие между их символической и сигнальной функциями (Firth, 2013). Сигнал, если нужно, чтобы он был эффективным, должен пройти в сознательное восприятие его получателей. Однако символ не должен оказывать непосредственного эмоционального воздействия. «Эти рутины включают в себя дискурсивные привычки, позволяющие «людям» идентифицировать себя и таким образом воспроизводить себя как «сообщество» (Billig, 1995, p. 95). Неразвевающийся национальный флаг – будь то буквально или в рутинных фразах средств массовой информации – укоренился в нашей повседневной жизни (Billig, 1995, p. 42–43).

Согласно Хоггу и Абрамсу, есть три стадии в процессе идентификации группы. Во-первых, люди классифицируют себя как часть группы, присваивая себе социальную идентичность и выделяясь из соответствующей внешней группы. Во-вторых, они изучают стереотипные нормы, связанные с такой идентичностью. В-третьих, они примеряют эти нормы на себя, и, таким образом, их поведение становится более нормативным, а их членство

в этой категории становится членством «по умолчанию» (Hogg and Abrams, 1988, p. 172). Таким образом, связывается самоидентификация со стереотипами. Паттерны социальной жизни становятся привычными или рутинными, воплощая тем самым прошлое (Billig, 1995, p. 42).

М. Биллиг говорит в основном о лингвистических приемах, тогда как мы хотели бы заострить внимание на самих практиках. Какие же «рутины, включающие в себя дискурсивные привычки, позволяющие людям идентифицировать себя и таким образом воспроизводить себя как сообщество», транслируются как российские? Репрезентация социальных практик, подчеркивающих национальную идентичность неосознаваемым способом или практик, приписываемых народу – носителю нации-государства стал ключевым предметом нашего поиска. Данные смысловые блоки мы наложили на новостные выпуски программы «Вести недели» телеканала «Россия 1». Для контент-анализа был выбран декабрь 2011 года, когда начались первые протестные митинги, связанные с выборами в Государственную Думу 4 декабря 2011 года, и декабрь 2012 года, когда многими СМИ подводились итоги «протестного года».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обозначим ежедневные практики россиян, используемые для проецирования образа настоящего российского патриота и репрезентированные на телеканале «Россия 1».

Аскетизм. Одна из ключевых практик, показанных на телеканале «Россия 1» как составляющая национального характера – это аскетизм русского человека и способность жить в скромных условиях. В сюжете «Заполярные будни морской пехоты» она отмечается как добродетель: *«Там где мы, там – победа! ... У нас уже есть специалисты, способные воевать в условиях, в которых просто жить тяжело»*³. Более того, демонстративная роскошь осуждается. В сюжете «Роскошная жизнь серьезно подорожает» диктор с удовольствием отмечает, что Владимир Путин предложил ввести налог на роскошь: *«В России много граждан, которые обожают уличные демонстрации своего богатства, и делать это не то, что пошло, а отвратительно – вызывающе, со сладким пренебрежением к обществу. В ежегодном послании президент Путин призвал ввести налог на роскошь. Фискально результат вряд ли будет положительным. ... Но сам сигнал важен. Отношение общества и ясная позиция государства, не поощряющие богатства напоказ, оздоровит нашу жизнь. ... Цели налога на роскошь, который обсуждается в России, совсем другие. “Стимулирует и подсказывает, вот на это трать, на это, а вот это неприлично...” В России руководитель компании “Славянка”, работавшей за бюджетные деньги на Министерство обороны, выписал себе на юбилей Дженнифер Лопес. Отпраздновать не успел – оказался за решеткой»*⁴.

³ Заполярные будни морской пехоты [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 2 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346858/episode/02-12-2012/> (дата обращения: 22.05.2020).

⁴ Роскошная жизнь серьезно подорожает [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 16 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346823/episode/16-12-2012/> (дата обращения: 06.06.2020).

Этому вторят сюжеты из Китая, где *«встречать чиновников ковровыми дорожками, автомобильные кортежи велено сократить»*⁵.

Щедрость. При этом аскетизм удивительным образом сочетается со второй практикой – невиданной щедростью российских людей и, если есть ресурсы, способностью жить с размахом, не зная меры. В сюжете «Жизнь и смерть русского Лондона» «Вести недели» отмечают, что *«покупатели из России закрывают значительную часть всех сделок с недвижимостью в Великобритании, при этом они выбирают самые лакомые куски. ... Всегда покупается, может быть, на одну-две спальни больше, чем это нужно для семьи...»*⁶.

Способность соединять в себе эти две полярности, как признак настоящей русскости, показан в сюжете о Галине Вишневской. «Она была легендой»: *«была по-настоящему русской: она триумфально взлетала на новые высоты в искусстве и с благородным презрением воспринимала несправедливость. Щедро распоряжалась своим роскошным талантом и красиво управлялась с семьей. ... Марфа Посадница, княгиня Ольга, Анна Ахматова. В этом ряду и ставшая при жизни легендой и мерилom лучших черт национального характера... Галина Вишневская. Ее и называли царицей ... за бескомпромиссность, смелость, гордость. ... Гражданская и человеческая позиция – вот что у нее было с юных лет... Она могла отказаться от куска хлеба в молодости, от привилегий и комфорта в советское время, чтобы не идти на сделки с совестью»*⁷. Щедрость и аскетизм звучат рефреном во многих сюжетах «Вести недели», даже если эти категории не являются темой сюжета, используются сами слова. В сюжете «Жизнь и смерть русского Лондона» говорится: *«услышал кругом до боли знакомую родную речь, щедро приправленную крепкими словами»*⁸.

Патернализм. Третья рутинная практика, воспроизводящаяся из сюжета в сюжет на телеканале «Россия 1» – это патернализм. В репортаже «Путин ответил на самые острые вопросы» президент, комментируя запретительные меры в отношении американских граждан, которые хотят усыновлять российских детей-сирот, говорит: *«Недавно между Госдепом и МИДом было заключено соглашение. По поводу того, как и что могут делать представители России в ходе возникновения кризисных или конфликтных ситуаций. Что на практике получилось? На практике оказалось, что эта сфера деятельности отнесена американским законодательством на уровень штата. И когда наши представители приходят для того, чтобы исполнить свои обязанности в рамках этого соглашения, им говорят: это дело не федеральных властей, а штатов и на штатном уровне. У вас никаких соглашений нет, идите в Госдеп, с кем вы заключали соглашение, с тем и разбирайтесь. А в федеральных органах власти Соединенных Штатов отсылают на уровень штатов, и зачем такое соглашение? Дурочку включили просто и все. Даже не пускают в качестве наблюдателей, не только участников процесса. И я понимаю, что это такой эмоциональный ответ*

⁵ Там же.

⁶ Жизнь и смерть русского Лондона [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 2 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346853/episode/02-12-2012/> (дата обращения: 22.05.2020).

⁷ Она была легендой [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 16 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346825/episode/16-12-2012/> (дата обращения: 06.06.2020).

⁸ Жизнь и смерть русского Лондона...

Госдумы, но я считаю, что адекватный»⁹, отмечая тем самым, что забота о российских детях, несмотря на усыновление за рубеж, остается ответственностью российского государства и общества. В сюжете «Куда уходит детство» ведущий заявляет: *«Наши дети – наша ответственность. И Россия как государство должна иметь право проследить за судьбой рожденных здесь»*¹⁰. В сюжете «Сорняки жизни» с тревогой говорится: *«Реалити-шоу, показанное на одном из украинских телеканалов (СТБ), вызвало настоящий шок: какими безобразными и жестокими могут быть дети, которые находятся во власти компьютерных игр»*¹¹. Не только дети подлежат опеке и воспитанию. В сюжете «Необычное Послание президента» диктор обобщает слова президента об ограничении прав чиновников и политиков иметь зарубежные счета, ценные бумаги и акции так: *«...прозвучит обращение к чиновникам – надо научиться Родину любить лучше»*¹². Само начало сюжета похожим образом отражает понимание телеканалом отношений президент – народ. Фраза *«собранные волей Владимира Путина»*¹³, сказанная о депутатах и сенаторах, пришедших на оглашение ежегодного послания, не предполагает за ними гражданской самостоятельности.

Президент отмечает необходимость воспитания и для всего общества. *«Разрушение государства, его подрыв – это когда революционеры и политики цинично финансируются из-за рубежа. ... Моральные принципы, заложенные воспитанием, по мнению президента, сделают такое невозможным»*¹⁴, – пересказывает диктор слова В. Путина. *«В Послании президент подробно говорил о воспитательной функции школы. После распада Союза на десятилетия утвердилось правило: школа только учит. Правительству поручено разработать современные воспитательные программы. И сделать так, чтобы изменить отношение к учителю. ... Патриотическое воспитание должно продолжаться в армии. Это тоже один из тезисов Послания»*¹⁵, – резюмирует ведущий слова президента.

Подчеркивают репортажи «России 1» и социальный характер российского государства, больше заботящегося о гражданах, в сравнении с другими странами. В сюжете «Путин ответил на вопросы депутатов», президент говорит о Китае, но в этом зеркале видна и российская действительность: *«Китай встал на путь рыночного развития ... Китай ставить в пример не совсем корректно. Там не тратят столько денег на пособия и пенсии»*¹⁶.

Жертва. Национальное мышление подразумевает нечто большее, чем приверженность какой-либо группе и чувство отличия от других групп. В совре-

⁹ Путин ответил на самые острые вопросы [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 2 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346810/episode/23-12-2012/> (дата обращения: 22.05.2020).

¹⁰ Куда уходит детство [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 23 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346812/episode/23-12-2012/> (дата обращения: 08.06.2020).

¹¹ Сорняки жизни [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 18 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347408/episode/18-12-2011/> (дата обращения: 19.05.2020).

¹² Необычное Послание президента [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 16 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346829/episode/16-12-2012/> (дата обращения: 06.06.2020).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Путин ответил на вопросы депутатов [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 2 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346855/episode/02-12-2012/> (дата обращения: 22.05.2020).

менном мире вопрос, что есть нация – это не просто вопрос академический, «это касается вопросов, ради которых современные люди считают, стоит ли жертвовать жизнью» (Billig, 1995, p. 65). Политический кризис, который приводит к войне, может быть быстро создан, но готовность пожертвовать собой за страну – нет (Billig, 1995, p. 90).

Готовность жертвовать – центральная тема сюжетов программы «Вести недели» на телеканале «Россия 1». Так, сюжет «Крестьянский писатель» романтизирует быт крестьян, подчеркивая, что *«многовековой уклад русской жизни»* – это не только *«попариться в баньке»*, деревянное кружево, быт и душевная красота людей русского севера, но и хлеб, который *«доставался тяжелым трудом»*. Русские мужики – герои сюжета *«искренние, добрые и безответные»*, хотя *«жизнь колхозника все так же тяжела»*¹⁷. Сюжет «1812: битва версий», противопоставляя французских солдат русским крестьянам, повторяет практически слово в слово лейтмотив трудной, но доблестной крестьянской жизни: *«Ну где им русское житье-бытье вынести? От капусты раздует, от каши перелопачуются, от щей задохнутся»*¹⁸. Сквозь различные репортажи программы раз за разом сквозит мысль, что жертвенность – это черта русского характера, идет ли речь о русских крестьянах, советской актрисе или российских военных. Как итог всему этому звучит фраза из сюжета «Роскошная жизнь серьезно подорожает»: *«В нашей стране после XX века обостренное чувство справедливости и оно бунтует против таких проявлений этого кичливого, непристойного для XXI века богатства и расслоения»*, мир *«стоит на пороге принятия новых, необходимых решений. И смены потребительской цивилизации на самоограничительную»*¹⁹. Ежедневная способность жертвовать, ограничивать себя, сохраняя и даже преумножая при этом достоинство, – практика, воспитываемая телеканалом «Россия 1».

Как эта практика должна трансформироваться в чрезвычайных ситуациях, показывают многочисленные сюжеты про войну. Никита Михалков в сюжете «Утомленные солнцем 2 – телеэпопея» говорит: *«Ошибка немцев определенная заключалась в том, что они не рассчитали русского характера. Русский характер может быть терпелив, он может терпеть очень много, он не может стерпеть унижений. Когда его начинают унижать, тут он говорит: “знаете, что”. И все, уже потом не остановить»*²⁰. В этом сюжете, на наш взгляд, можно увидеть иллюстрацию мысли о том, что темой, ведущей молодых людей на поле битвы, является жертва, а не агрессия: «Молодой человек идет на войну не столько для того, чтобы убивать, сколько для того, чтобы умереть, чтобы утратить свое тело ради тела большего – тела политического» (Elshtain, 1993, p. 160).

¹⁷ *Крестьянский писатель* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 9 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346834/episode/09-12-2012/> (дата обращения: 02.06.2020).

¹⁸ *1812: битва версий* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 2 дек. URL: <http://old.vesti7.ru/archive/news?id=38806> (дата обращения: 22.05.2020).

¹⁹ *Роскошная жизнь серьезно подорожает...*

²⁰ *Утомленные солнцем 2 – телеэпопея* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 4 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347424/episode/04-12-2011/> (дата обращения: 12.05.2020).

Стыд легко превращается в гнев (Retzinger, 1991; Scheff, 1990). Среди риторических возможностей национализма есть этот знакомый монстр: самодовольный призыв к национальному гневу (Billig, 1995, p. 103). На телеканале «Россия 1» он разворачивается в противостоянии образу врага, который представлен США и западными странами. Этот сюжет едва ли не самый популярный в репертуаре программы «Вести недели». Помимо постоянных сравнений не в пользу США и западных стран, это всегда выявление тех или иных опасных намерений, которые несут угрозу для России. Так, в сюжете «Крушение Союза» говорится, что *«Расчленение Советского Союза – это был, конечно же, западный проект»*²¹, а в сюжете «США объявили России “войну списков”» – *«“список Магнитского” – это откровенно недружественный выпад со стороны США в адрес России»*²². *«...Президент США Барак Обама подписал закон о так называемом Списке Магнитского, в котором США официально берут на себя право карать граждан другой страны без суда и следствия. В отношении России теперь это часть государственной политики США»*²³, – продолжает сюжет «Симметричный закон». «Война», «друг-враг», «оружие», «карают» – все это язык противостояния, где ценой может быть жизнь. *«Лично у меня на этом фоне возникает полное “дежавю”. Помнится, накануне вторжения в Ирак госсекретарь США Колин Пауэлл предъявлял в качестве химического оружия от Саддама Хусейна некий белый порошок в стеклянной пробирке. Сейчас и этого нет. Просто слова. Считается, что прокатит»*²⁴, – нагнетает автор сюжета о Сирии. Пример военной агрессии, нападение на другую страну, делает угрозу западных сил и США в частности более реалистичной.

Угроза США и стран Запада – повод оставаться в постоянной боевой готовности. Сюжет «Кандидат номер один» приводит цитату Владимира Путина, который напоминает: *«Ну, чего там говорить-то. Мы – крупнейшая ядерная держава. И такой остаемся. И это вызывает определенные опасения у наших партнеров. И нас так покачивают, чтобы мы не забывали, кто здесь на нашей планете хозяин»*²⁵.

Агрессивность США подтверждается не только внешними, но и внутренними событиями. В сюжете «Американская трагедия» диктор говорит: *«Женщина страстно любила и коллекционировала огнестрельное оружие. С гордостью рассказывала соседям о каждом новом приобретении и часто брала детей на стрельбище. У Эдама был доступ как минимум к пяти винтовкам и пистолетам. Для расправы он выбрал три. Собственную мать Лэнза убил*

²¹ Крушение Союза [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 4 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347426/episode/04-12-2011/> (дата обращения: 12.05.2020).

²² США объявили России «войну списков» [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 9 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346832/episode/09-12-2012/> (дата обращения: 02.06.2020).

²³ Симметричный закон [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 16 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346826/episode/16-12-2012/> (дата обращения: 06.06.2020).

²⁴ Турция размещает «Патриот» у границы с Сирией [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 9 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346835/episode/09-12-2012/> (дата обращения: 02.06.2020).

²⁵ Кандидат номер один [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 11 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347412/episode/11-12-2011/> (дата обращения: 15.05.2020).

первой выстрелом в лицо»²⁶. Картина государства, где агрессия – норма жизни, идеально дополняет образ врага, которого стоит опасаться. Внутренняя агрессивность США раз за разом повторяется сюжетной линией в репортажах «Вести недели». Президент в сюжете «Путин ответил на самые острые вопросы» говорит: «Страна, имеющая тюрьму Гуантанамо, где узаконены пытки, учит морали весь мир». Внешняя угроза агрессивного изнутри государства – повод не расслабляться и быть в постоянной готовности, в том же сюжете Владимир Путин продолжает: «Американский законодатель нам как бы всем показал, кто здесь хозяин, чтобы мы не расслаблялись»²⁷.

Статус великой державы, мирового полюса напрямую связывается с самим существованием России, соответственно любая угроза этому статусу – экзистенциальная угроза и государству. В сюжете «Вести недели. Откровенный разговор» Владимир Путин говорит о США и странах Запада: «*Россию хотят некоторые подвинуть куда-нибудь в стороночку, чтобы она не мешалась и не мешала господствовать на земном шаре*»²⁸. «*Ничего подобного не было даже в самые морозные годы “холодной войны” между СССР и США*», – заявляют в сюжете «США объявили России “войну списков”»²⁹.

Россия как мировая держава, которая оказывает влияние на международную политику, раздражает потенциальных врагов – такое послание несут сюжеты «России 1». Враждебное окружение, агрессию которого приходится сдерживать, рисует сюжет «К чему ведет арабская весна?: «*Позиция России сначала по Ливии, а теперь и Сирии, когда в октябре Москва наложила вето на резолюцию Совбеза ООН и тем самым запретила бомбить Дамаск, в Катаре, претендующем на первенство в исламском мире, вызывает явное раздражение. Совпадение ли?*»³⁰.

Во многих сюжетах «Вести недели» подчеркивается, что США и Запад нечестны и несправедливы как международные партнеры: «*...американцы все валят на сирийские власти. Информационная война вошла в новую фазу*»³¹, «*Следствие и суд абсолютно несправедливы. Президент Обама, главнокомандующий США, сказал, что Бредли Меннинг виноват ... Это не похоже на честный суд. Это постановочные заседания, в результате которых Меннинг будет признан виновным*»³², «*Я его первый раз увидел в 2000-м году и тогда был поражен, что он очень далек от того образа капризного полупсихопата,*

²⁶ *Американская трагедия* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 16 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346828/episode/16-12-2012/> (дата обращения: 06.06.2020).

²⁷ *Путин ответил на самые острые вопросы...*

²⁸ *Вести недели. Откровенный разговор* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 18 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347402/episode/18-12-2011/> (дата обращения: 19.05.2020).

²⁹ *США объявили России «войну списков»...*

³⁰ *К чему ведет арабская весна?* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 25 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347392/episode/25-12-2011/> (дата обращения: 21.05.2020).

³¹ *Эпицентр сирийской войны* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 2 дек. URL: <http://vesti7.ru/archive/index?edate=02.12.2012> (дата обращения: 22.05.2020).

³² *Вести недели. Информатора «Викиликс» могут казнить* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 18 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347403/episode/18-12-2011/> (дата обращения: 19.05.2020).

диктатора, который мы почерпнули с западной пропаганды»³³, «когда у нас активно шла борьба с терроризмом на Северном Кавказе, я чего только про себя ни услышал и чего только ни увидел. Особенно, конечно, наши западные партнеры старались»³⁴. Специальный корреспондент «Вести недели» в сюжете «Анастасия Попова откровенно о событиях в Сирии» заявляет: «...западные СМИ, другие журналисты, они очень конкретно останавливаются на оппозиции. Они очень однобоко освещают именно деятельность оппозиции. Никто не говорит о другой стороне, о правительственной стороне. Как будто ее не существует»³⁵.

Враждебное окружение опасно не только на международной арене, говорят сюжеты «Россия 1», враги способны разрушить нашу политическую систему изнутри. В серии репортажей о выборах в Государственную Думу разворачивается сюжет о вмешательстве западных сил во внутреннюю политику России. В сюжете «Дума 0.6» Дмитрий Медведев предупреждает о том, что может случиться, если позволять Западу влиять на выборы в России: «Вопрос о достаточности и недостаточности партий относится к компетенции российских властей, а не к компетенции международных организаций. Если они следят за выборами, за качеством выборов, за нарушениями – это одно. А вопрос о том, как выглядит политическая система – это не их дело. Они скоро нам будут говорить, как Конституцию писать надо»³⁶. Запад не остановится ни перед чем, продолжает «Россия 1». В сюжете «Реакция США оказалась предсказуемой» диктор говорит: «Американская реакция на выборы в российский парламент была довольно симптоматичной. Восьмого декабря оскандалился “FoxNews”. Редакторы телеканала напутали с картинкой, когда делали заметку об акциях протеста. Под текст о России положили видео разгона греческих демонстрантов»³⁷.

Западные силы угрожают самой целостности страны. В сюжете «Кто подрыывает Юг России» говорится: «...пробовали вербовать уже дважды. НАТО и некая “британская школа Бенингсена”. “Предложили написать доклад с названием “Как будут чувствовать себя жители Ставропольского края в случае отделения Дагестана от России”, – рассказывает член Общественной палаты Ставропольского края Сергей Попов»³⁸. Стоит также опасаться формирования пятой колонны. В сюжете «Москва митингующая» именно вмешательством иностранных сил объясняются протестные движения:

³³ *Власть по наследству* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 25 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347396/episode/25-12-2011/> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁴ *Вести недели*. Откровенный разговор...

³⁵ *Анастасия Попова откровенно о событиях в Сирии* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 9 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346840/episode/09-12-2012/> (дата обращения: 02.06.2020).

³⁶ *Дума 0.6* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 11 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347414/episode/11-12-2011/> (дата обращения: 15.05.2020).

³⁷ *Реакция США оказалась предсказуемой* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 11 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347410/episode/11-12-2011/> (дата обращения: 15.05.2020).

³⁸ *Кто подрыывает Юг России* [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 9 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346842/episode/09-12-2012/> (дата обращения: 22.05.2020).

«В середине недели как-то почти одновременно стали известны некоторые странные детали. Интернет-сайт “Белая лента” (а лента – это символ митингов протеста), оказывается, был зарегистрирован в США еще девятого октября»³⁹.

Сюжеты подтверждают связь образа врага с вопросом собственного существования. Так, в новостном выпуске «Необычное Послание президента» В. Путин: «Ближайшие годы будут решающими и, может быть, даже переломными и не только для нас, а практически для всего мира ... ужесточается конкуренция за ресурсы. ... Кто вырвется вперед, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации, от ее внутренней энергии; как говорил Лев Гумилев, от пассионарности, от способности к движению вперед и к переменам»⁴⁰. Угроза вмешательства со стороны вражеского окружения, угроза суверенитету – это угроза самому существованию страны и «нас». «...Проблема сохранения традиций и собственной культурной идентичности для них в какой-то момент может свестись к гамлетовской дилемме быть или не быть», – говорится в сюжете «У Дании чуть не украли рождество»⁴¹. Это переворачивает формулу с «не будет страны – не будет нас» на «не будет нас – не будет и страны».

Кто же способен спасти страну от разрушения, от самого большого страха – исчезновения «нас»? Примеры жертв, которые готовы принести герои ради общего блага, постоянно встречаются в сюжетах «Вести недели» на телеканале «Россия 1». В сюжете «Последний эфир» рассказывается о гибели журналиста Владислава Геккиева: «Убили телевизионного журналиста, сам образ которого раздражал непримиримых: честный, красивый, мужественный. ... Всем нравилась улыбка Казбека Геккиева. Бесила лишь тех, кто хочет погрузить Северный Кавказ во мрак несвободы. ... Свобода слова – часть большой свободы, свободы жить без страха, в просторной и сильной стране. В такую свободу... метили бандиты. Застрелен привлекательный, манящий образ другой жизни. Образ, в котором звери животом чувствовали угрозу»⁴². В сюжете «1812: битва версий» напоминают, что за Отечество «воевали даже дети и женщины»⁴³. Приводятся также примеры готовности к самопожертвованию из других стран. В репортаже «Власть по наследству» говорится: «Ядерная программа КНДР – это и ответ Соединенным Штатам, и демонстрация своему народу: “мы готовы сражаться до конца”»⁴⁴. Примечательно, что в этом сюжете все тот же внешний враг – Соединенные Штаты, что еще больше объединяет этот пример с «нами».

³⁹ Москва митингующая [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 11 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347413/episode/11-12-2011/> (дата обращения: 15.05.2020).

⁴⁰ Необычное Послание президента...

⁴¹ У Дании чуть не украли рождество [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 2 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346851/episode/02-12-2012/> (дата обращения: 22.05.2020).

⁴² Последний эфир [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2012. 9 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/346843/episode/09-12-2012/> (дата обращения: 02.06.2020).

⁴³ 1812: битва версий...

⁴⁴ Власть по наследству...

Напряжение поддерживают сюжеты о враждебном окружении России на всех уровнях: от спортивного сражения, как в сюжете «Звездный матч», где *«В финале наши бились с Польшей и победили. ... Но эта игра с поляками с самого начала была принципиальной»*⁴⁵ до геополитических игр в сюжетах «Большой поход» и «Заполярные будни морской пехоты», где *«Норвегия открыто заявляет об усилении патрулирования этого региона, называя Арктику зоной своих стратегических интересов. Особое внимание к деятельности Северного флота России»*⁴⁶, а *«У западников, у Китая большой интерес: Россия собралась создавать арктические бригады»*⁴⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система общественно-политических координат ежедневно поддерживается невидимыми и незаметными нарративами, которые мы считываем вокруг нас, и новости играют в этом немалую роль. Создавая вторую реальность, новостной контекст вписывает нас в мир, показывая, какое место мы в нем занимаем, и, что важнее, создает это самое «мы».

Телеканал «Россия 1» – проводник политики идентичности современного российского государства. Если в книге М. Биллига рутинные практики, ежедневно воспроизводящие нацию – это прежде всего практики речевые, то на телеканале «Россия 1» это еще и демонстрация, подчеркивание и даже воспитание особенных бытовых практик, воспроизводство которых связывается с национальным характером: аскетизм, щедрость и патернализм. Все это работает на ключевой инструмент, описанный Биллигом, – готовность пожертвовать собой ради тела большего – тела политического. Ключевой сюжет репортажей «Вести недели» – жертва. Не только большая, как на войне, но и ежедневная – в ограничении потребительства, в готовности работать и служить в тяжелых условиях, защищать честь страны в спортивных соревнованиях. Все это с подключением национального гнева легко трансформируется из ежедневной практики в действие. Превентивная мобилизация как цель политики идентичности, проводимой телеканалом «Россия 1», легко читается в сюжетах «Вести недели» через рамку инструментов «банального национализма», описанных Майклом Биллигом в одноименной книге.

Библиографический список

Ефремова В. Н. Символическая политика государства в отношении российских праздников после 2012 г. // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 5: Политика идентичности / Под ред. О. Ю. Малиновой. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 294–307.

⁴⁵ Звездный матч [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 4 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347422/episode/04-12-2011/> (дата обращения: 12.05.2020).

⁴⁶ Большой поход [Электронный ресурс] // Россия 1. Вести недели. 2011. 11 дек. URL: <https://vesti7.ru/article/347418/episode/11-12-2011/> (дата обращения: 15.05.2020).

⁴⁷ Заполярные будни морской пехоты...

Малинова О. Ю. Символическое единство нации? Репрезентация макро-политического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина // Pro et contra. 2012. Т. 16, № 3. С. 76–93.

Малинова О. Ю. Современный русский национализм: Коллективный портрет в политическом интерьере (Рецензия) // Символическая политика: сб. науч. труд. 2017. Вып. 5: Политика идентичности / Под ред. О. Ю. Малиновой. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 348–355.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2011. 208 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, Полиграфиздат, 2010. 588 с.

Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. Revised ed. London, New York: Verso, 2016. 256 p.

Antonsich M. The “everyday” of banal nationalism – Ordinary people’s views on Italy and Italian // Political Geography. 2016. № 54. P. 32–42.

Billig M. Banal nationalism. London: SAGE Publishing, 1995. 200 p.

Dukalskis A., Lee J. Everyday nationalism and authoritarian rule: A case study of North Korea // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48, № 6. P. 1052–1068. DOI: 10.1017/nps.2019.99.

Edensor T. National identity, popular culture and everyday life. Oxford: Berg Publishers, 2002. 225 p. DOI: 10.4324/9781003086178.

Elshtain J. B. Sovereignty, identity, sacrifice // Reimagining the nation / Ed. by A. Lerner, M. Ringrose. Buckingham: Open University Press, 1993. P. 159–175.

Firth R. Symbols, public and private. Abingdon: Routledge, 2013. 469 p. DOI: 10.4000/rsa.1230.

Gellner E. Nations and nationalism. Oxford: Basil Blackwell, 1983. 152 p.

Goode J. P. Everyday nationalism in world politics: Agents, contexts, and scale // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48, № 6. P. 974–982. DOI: 10.1017/nps.2020.73.

Hall S., Held D. Citizens and citizenship // New times: The changing face of politics in the 1990s / Ed by S. Hall and M. Jacques. London: Lawrence and Wishart, 1989. P. 173–175.

Hogg M., Abrams D. Social identifications: A social psychology of intergroup relations and group processes. London: Routledge, 1988. 288 p.

Knott E. Everyday nationalism: A review of the literature // Studies on National Movements. 2015. № 3. P. 1–16.

Laruelle M. Russia as an anti-liberal European civilization // The new Russian nationalism: Imperialism, ethnicity and authoritarianism, 2000–15 / Ed. by P. Kolstø. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 275–297. DOI: 10.3366/edinburgh/9781474410427.003.0011.

McGlynn J. United by history: Government appropriation of everyday nationalism during Vladimir Putin’s third term // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48, № 6. P. 1069–1085. DOI: 10.1017/nps.2020.20.

Merriman E. Soft news, the rise of critical journalism, and how to preserve democracy [Электронный ресурс] // EDGE. 2003. 6 June. URL: <https://web.stanford.edu/class/e297a/Soft%20News.htm> (дата обращения: 24.06.2020).

Renan E. What is nation? // Nation and narration / Ed. by H. K. Bhabha. London: Routledge, 1990. P. 8–22.

Retzinger S. M. Violent emotions: Shame and rage in marital quarrels. Newbury Park, CA: SAGE Publications, 1991. 240 p.

Scheff T. J. Microsociology: Discourse, emotion and social structure. Chicago: Chicago University Press, 1990. 214 p.

Skey M. National belonging and everyday life: The significance of nationhood in an uncertain world. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 200 p.

Информация об авторе

Сурсанова Юлия Валерьевна – магистр политических наук, кафедры политических наук ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0001-8481-8018
ResearcherID: AAJ-6816-2021
Электронный адрес: giornata004@gmail.com

Статья получена 4 февраля 2021 года

UDC 323.1:070

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-31-48

REPRESENTATION OF EVERYDAY NATIONALISM PRACTICES ON “RUSSIA 1” TV CHANNEL

Iuliia V. Sursanova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0001-8481-8018
ResearcherID: AAJ-6816-2021
E-mail: giornata004@gmail.com

For citation:

Sursanova, Iu. V. (2021), “Representation of everyday nationalism practices on “Russia 1” TV channel”, *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 31–48, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-31-48.

Introduction: the article focuses on how everyday practices are used by the state to project the image of a Russian patriot. State-owned and state-related media discourse models are traditionally studied from the top down. We will analyze how the state and the media manage the display of daily nationalism, which has usually been seen in a bottom-up approach. Thus, the combination of both approaches – banal and everyday nationalisms – will highlight the state’s interest in encouraging Russians to use their version of patriotism in everyday life. For this, a qualitative study of the video reports of the “Vesti Nedeli” program on “Russia 1” TV channel was carried out. The period between 2011–2012 has been chosen

for content analysis which is known as a “protest year” and the zenith of the new identity policy of the modern Russian state.

Objectives: to describe how everyday practices are used by the state to project the image of a real Russian patriot.

Methods: M. Billig’s theory of banal nationalism, discourse analysis, content analysis.

Results: the key practices of projecting the image of a real Russian patriot have been identified. This is the asceticism of a Russian person and the ability to live in the most modest conditions. This paradoxically combines with the unprecedented generosity of the Russian people and, provided the resources are available, the ability to live on a grand scale, without knowing the measure. The ability to combine these two polarities, as a sign of true Russianness, is illustrated by stories about current and historical characters. The third routine practice, reproduced from story to story on “Russia 1” TV channel, is paternalism, which is expressed both in caring for children, women and the elderly, and in the patronage of the state. The readiness to sacrifice is the central theme of the “Vesti Nedeli” program on the “Russia 1” TV channel.

Conclusions: preventive mobilization through daily practices as the goal of identity politics implemented through “Russia 1” TV channel can easily be traced in the “Vesti Nedeli” stories using the framework of “banal nationalism” theory tools. A sacrifice, not only a great one as in war, but also small – in limiting consumerism, in the readiness to work and serve in hard conditions, to defend the honor of the country in sports competitions – all of these, with the involvement of national anger, can easily transform from daily practice into action.

Keywords: identity politics; banal nationalism; everyday nationalism; patriotism; “Russia 1” TV channel

References

Efremova, V. N. (2017), “Symbolic policy of the state in relation to Russian holidays after 2012”, in Malinova, O. Yu. (ed.), *Simvolicheskaya politika. Vypusk 5. Politika identichnosti* [Symbolic politics. Vol. 5. Identity politics], Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 294–307.

Malinova, O. Yu. (2012), “Symbolic unity of the nation? Representation of the macro-political community in the election rhetoric of Vladimir Putin”, *Pro et contra*, vol. 16, no. 3, pp. 76–93.

Malinova, O. Yu. (2017), “Contemporary Russian nationalism: A collective portrait in a political interior (review)”, in Malinova, O. Yu. (ed.), *Simvolicheskaya politika. Vypusk 5. Politika identichnosti* [Symbolic politics. Vol. 5. Identity politics], Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 348–355.

Semenenko, I. S. (ed.) (2011), *Politicheskaya identichnost’ i politika identichnosti: v 2 tomah. Tom 1. Identichnost’ kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar’ terminov i pony* [Political identity and identity politics: in 2 vol. Vol. 1 Identity as a category of political science: Dictionary of terms and concepts], ROSSPEN, Moscow, Russia.

- Fukuyama, F. (2010), *Konets istorii i poslednii chelovek* [The end of history and the last man], translated by Levin, M. B., AST, Poligrafizdat, Moscow, Russia.
- Anderson, B. (2016), *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*, revised ed., Verso, L., UK, NYC, NY, US.
- Antonsich, M. (2016), "The "everyday" of banal nationalism – Ordinary people's views on Italy and Italian", *Political Geography*, no. 54, pp. 32–42.
- Billig, M. (1995), *Banal nationalism*, SAGE Publishing, L., UK.
- Dukalskis, A. and Lee, J. (2020), "Everyday nationalism and authoritarian rule: A case study of North Korea", *Nationalities Papers*, vol. 48, no. 6, pp. 1052–1068, doi: 10.1017/nps.2019.99.
- Edensor, T. (2002), *National identity, popular culture and everyday life*, Berg Publishers, Oxford, UK, doi: 10.4324/9781003086178.
- Elstain, J. B. (1993), "Sovereignty, identity, sacrifice", in Lerner, A. and Ringrose, M., *Reimagining the nation*, Open University Press, Buckingham, UK, pp. 159–175.
- Firth, R. (2013), *Symbols, public and private*, Routledge, Abingdon, UK, doi: 10.4000/rsa.1230.
- Gellner, E. (1983), *Nations and nationalism*, Basil Blackwell, Oxford, UK.
- Goode, J. P. (2020), "Everyday nationalism in world politics: Agents, contexts, and scale", *Nationalities Papers*, vol. 48, no. 6, pp. 974–982, doi: 10.1017/nps.2020.73.
- Hall, S. and Held, D. (1989), "Citizens and citizenship", in Hall, S. and Jacques, M. (eds.), *New times: The changing face of politics in the 1990s*, Lawrence and Wishart, L., UK, pp. 173–175.
- Hogg, M. and Abrams, D. (1988), *Social identifications: A social psychology of intergroup relations and group processes*, Routledge, L., UK.
- Knott, E. (2015), "Everyday nationalism: A review of the literature", *Studies on National Movements*, no. 3, pp. 1–16.
- Laruelle, M. (2016), "Russia as an anti-liberal European civilization", in Kolstø, P. (ed.), *The new Russian nationalism: Imperialism, ethnicity and authoritarianism, 2000–15*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK, pp. 275–297, doi: 10.3366/edinburgh/9781474410427.003.0011.
- McGlynn, J. (2020), "United by history: Government appropriation of everyday nationalism during Vladimir Putin's third term", *Nationalities Papers*, vol. 48, no. 6, pp. 1069–1085, doi: 10.1017/nps.2020.20.
- Merriman, E. (2003), "Soft news, the rise of critical journalism, and how to preserve democracy", *EDGE*, June 6 [Online], available at: <https://web.stanford.edu/class/e297a/Soft%20News.htm> (Accessed June 24, 2020).
- Renan, E. (1990), "What is nation?", in Bhabha, H. K. (ed.), *Nation and narration*, Routledge, L., UK, pp. 8–22.
- Retzinger, S. M. (1991), *Violent emotions: Shame and rage in marital quarrels*, SAGE Publications, Newbury Park, CA, US.
- Scheff, T. J. (1990), *Microsociology: Discourse, emotion and social structure*, Chicago University Press, Chicago, US.
- Skey, M. (2011), *National belonging and everyday life: The significance of nationhood in an uncertain world*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.

Received February 4, 2021

УДК 323:371:2

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-49-70

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО КОМПОНЕНТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

О. С. ТОЛСТОГУЗОВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Е. А. ТРОИЦКАЯ

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Толстогузова О. С., Троицкая Е. А. Политико-правовая институционализация религиозного компонента в современном российском образовании // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 49–70. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-49-70.

Введение: статья посвящена институционализации религиозного компонента в российском образовании, обозначены основные этапы, определяющие специфику его проявления.

Цель: выявление этапов и особенностей политико-правовой институционализации религиозного компонента в современном российском образовании.

Методы: анализ документов органов государственной власти, анализ вторичных данных по изучаемой проблеме.

Результаты: выделено четыре этапа институционализации религиозного компонента в современном российском образовании: предварительный, характеризующийся широким общественным дискурсом относительно необходимости и правомерности включения в образование религиозного компонента; этап формализации и апробации норм; этап окончательной интеграции религиозного компонента в образование; этап обсуждения нового ФГОС и секуляризации модулей. Выявлены особенности процесса институционализации.

Выводы: законодателем сделаны попытки найти золотую середину между светскостью образования и духовно-нравственным воспитанием учащихся посредством преподавания курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Однако есть основания полагать, что формальные требования на местах соблюдаются не в полной мере или негласно игнорируются, что создает новые вызовы для законодательного регулирования и поле для дальнейших исследований.

Ключевые слова: религиозный компонент, образование, политико-правовая институционализация, духовно-нравственное воспитание, общественный дискурс

ВВЕДЕНИЕ

Возрастание роли человеческого капитала в развитии государства и общества обуславливает необходимость духовно-нравственного воспитания личности. Эта задача осложняется духовно-мировоззренческим кризисом (Гальцова, 2014), возникшим на фоне деструкции советской идеологии и характеризующимся «разрушением форм культурной, исторической и духовной идентификации человека, размыванием любых мировоззренческих основ его самоопределения и одновременно – призывом уповать только на свою собственную самость в качестве основы и смысла жизни» (Слободчиков, 2016, с. 85). Кризис усугубляется в условиях непримиримого социального противоречия между мировыми глобализационными процессами и российским изоляционизмом: глобализация предъявляет требования терпимости, толерантности к маркерам культурной и религиозной идентичности других народов, но в то же время влечет размывание границ национальной идентичности; возрастающая политическая, экономическая, культурная изоляция России, которая может способствовать сохранению российской идентичности, выступает также фактором враждебного отношения к культуре, традициям, идентичности других государств.

В этом контексте духовно-нравственное воспитание мыслится барьером, позволяющим сохранить исторически сложившиеся ценности национальной культуры, традиции и уклад жизни и заложить фундамент уважительного отношения к идентичности и традициям других народов. Поскольку духовно-нравственные ценности прививаются с детства, то государственная политика в области духовно-нравственного воспитания сосредоточена на детях школьного возраста.

В ретроспективе духовно-нравственное воспитание детей обеспечивал институт семьи. Сегодня в силу объективных изменений условий труда и жизненного уклада он не может исполнять эту функцию в полной мере. Так, увеличивающаяся деловая нагрузка на членов семьи и высокая вероятность материального неблагополучия при ее снижении, уход от многопоколенных семей, где вопросами воспитания могли заниматься представители старшего поколения, к нуклеарным, приводит к сокращению потенциала семьи в части духовно-нравственного воспитания младшего поколения. В результате некоторые аспекты воспитания, традиционно транслируемые этим институтом, делегируются системе образования – школе.

Ответом на возникшую потребность стала интеграция в школьную программу религиозного компонента как продуцирующего духовно-нравственные ценности в рамках реализации ключевых функций системы образования. Однако спорное отношение общественности к религиозному компоненту в образовании стало причиной широкого общественного дискурса и обусловило этапность и особенности его политико-правовой институционализации.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Функции религии остаются в фокусе внимания многих исследователей (Юмакулов, 2010; Budzei, 2011; Midlaj, 2016; Пехенько, 2017; Аликберов, 2017; Санцевич, 2019; Filina, 2020). Одним из первых, кто посвятил этому свои

труды, был Э. Дюркгейм, обнаруживший прямую взаимосвязь между проведением религиозных обрядов и повышением социальной солидарности людей, их более полным соответствием социальным ожиданиям (Дюркгейм, 2018).

Традиционно выделяют несколько социальных функций религии – мировоззренческую, коммуникативную, регулятивную, культурно-транслирующую и др. Все они демонстрируют, как с помощью определенных элементов культуры и институтов религия управляет сознательным и бессознательным поведением индивидов и групп (Пехенько, 2017). Важно подчеркнуть, что религия также выполняет функцию национальной, половозрастной, культурной идентификации личности. Речь идет о чувстве сохранения идентичности и принадлежности личности к той или иной группе, общине, нации (Санцевич, 2019; Морозов, 2017).

В исследовании *Pew Research Center* отмечается, что после падения Берлинской стены в православных странах произошел подъем религиозной идентичности, которая тесно связана с национальной, чувством гордости, поддержкой связей между национальными церквями и правительствами. Так, доля взрослых в России, называющих себя православными христианами, выросла с 37 % в 1991 году до 71 % в 2015 году, хотя уровень религиозной практики и остался низким¹, что делает закономерными попытки интегрировать религиозный компонент в образование.

Лейтмотивом для внедрения религиозного компонента в образовании выступает духовно-нравственное воспитание, которое, в свою очередь, является необходимым фактором социализации личности и в широком смысле способствует консолидации и солидаризации общества (Shutaleva et al., 2020). Так, в рамках данного исследования под духовно-нравственным воспитанием будем понимать «деятельность, направленную на формирование духовного мира человека, обеспечивающую гармонию человека с внутренним миром, природой, социумом, поиск смысла жизни и своего места в ней, определение критериев добра и зла, оценку по ним людей и событий, формирование мотивов поведения в согласии с общечеловеческими принципами нравственности» (Крестовский и Беловолов, 2007, с. 192).

Как отмечает М. А. Дьячкова, духовно-нравственное воспитание – это гарант безопасности государства и общества, так как духовность направлена на созидание, тогда как бездуховность – на разрушение, проявлениями которого служат «различные формы антикультуры и духовной деградации (душевная грубость, эгоизм, лицемерие, безволие, алкоголизм, наркомания и др.), противоправное поведение и преступность» (Дьячкова, 2008, с. 26).

Однако Ц. Гольдберг подчеркивает, что межконфессиональное образование, акцент на сходстве учащихся разных конфессий, а не на их различиях, не всегда способствует уменьшению предрассудков и преодолению религиозных и культурных стереотипов. Автор аргументирует позицию результатами исследования: участвовавшие в нем еврейские и мусульманские израильские подростки, которые изучали сходства и взаимосвязь между исламом

¹ *Religious belief and national belonging in Central and Eastern Europe* [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2017. 10 May. 176 p. URL: <https://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-FULL-REPORT.pdf> (дата обращения: 18.01.2021).

и иудаизмом, демонстрировали противоречивые реакции: первые частично избавились от предрассудков, в то время как вторые стали подвержены им в большей степени (Goldberg, 2020).

Для Запада также характерны процессы секуляризации, однако, на наш взгляд, проблемы, связанные с интеграцией религии и образования, на сегодняшний день там стоят острее, поскольку имеют более глубокие исторические корни по сравнению со странами бывшего СССР, прошедшими период отрицания религии.

Так, В. Альбертс отмечает, что школы в Европе практически не дают учащимся возможности получить светский, нетеологический взгляд на религию. При этом автор подчеркивает исключительное положение христианства среди конфессий и неоспоримую дискурсивную гегемонию христианского понимания религии, которое часто представляется как своего рода универсальное. В сочетании с фактическим отсутствием светских подходов к религии это создает атмосферу того, что можно назвать «малой идеологической обработкой» и является серьезной проблемой прав человека (Alberts, 2019, p. 53).

Многоконфессиональной среде и проблемам соблюдения прав человека на свободу вероисповедания противопоставляется растущий религиозный символизм в европейских школах и массовые преступления на религиозной почве², что обуславливает возникновение запрещающих правовых инициатив (Baltaci, 2017). Это усугубляется непоследовательной политикой государств относительно религиозного символизма в школах, запрет одних символов (чадра) и снисходительное отношение к другим (распятие, звезда Давида)³.

Отметим, что для европейских стран актуален вопрос не интеграции религиозного компонента в образование, а минимизации его негативных последствий и консенсус акторов относительно некоторых его аспектов, таких как, например, использование религиозных символов. В свою очередь, возросший интерес к религии в общественной и политической жизни Европы, особенно проявляющийся в образовании, по мнению Л. Гирона, свидетельствует не о контрсекуляризации, как принято полагать, а о возникновении европейской гражданской религии (Gearon, 2012).

Таким образом, интеграция в школьную программу религиозного компонента позволит решить проблему духовно-нравственного воспитания российских учащихся (Clay, 2015), но потенциально может привести и к негативным последствиям, о чем свидетельствует опыт европейских стран. Спорное отношение общественности к этому решению властей стало причиной поэтапной политико-правовой институционализации религиозного компонента в образовании.

² Сидорчик А. Необъявленная война. Теракты в Европе в 2015–2020 годах [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2020. 3 нояб. URL: https://aif.ru/incidents/neobyavlennaya_voyna_terakty_v_evrope_v_2015-2020_godah (дата обращения: 19.01.2021).

³ *Uniform dissent. New government guidance on religious symbols worn in school doesn't help much, says Jessica Shepherd* [Электронный ресурс] // The Guardian. 2007. 9 Oct. URL: <https://www.theguardian.com/education/2007/oct/09/schools.uk4> (дата обращения: 19.01.2021).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предварительный этап институционализации (1990–2009 годы) – общественный дискурс о религиозном компоненте в российском образовании

Изменение вектора государственной политики относительно религиозных конфессий с 1988 года⁴ привело к расширению их возможностей, в том числе относительно образовательной деятельности (Ерзылева, 2017). Главным актором отстаивания интересов религии в целом и в образовании в частности стала Русская православная церковь (РПЦ), которая публично напоминала о проблемах духовно-нравственного развития общества. Отметим, что диалог с властью и обществом велся иногда с агрессивным напором: как вспоминает первый министр образования России Э. Д. Днепров, в прессе от лица РПЦ звучали заявления, что они «завоюют школу» (Днепров, 2011, с. 245).

Светский характер образования подтверждался Законом «О свободе вероисповеданий»⁵. Однако предусматривалась и возможность преподавания в государственных учебных заведениях религиозно-познавательных, религиозно-еведческих и религиозно-философских дисциплин, не сопровождающегося совершением религиозных обрядов и имеющего информационный характер. Логическим продолжением данного подхода стало информационное письмо, направленное российским министром образования Е. В. Ткаченко в регионы, разрешающее факультативное преподавание ознакомительного предмета «Религиоведение» и акцентировавшее внимание на недопустимости религиозного или атеистического воспитания в любых формах⁶.

Такая практика просуществовала до 1997 года, когда вступил в силу Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁷. Хотя и с оговорками, он разрешил преподавание в школах религии⁸. Многие общественные деятели негативно отнеслись к нововведению, оценивая его как закрепленную в праве возможность вмешательства религиозных организаций в образовательный процесс. Например, А. Невзоров отме-

⁴ В 1988 было торжественно отмечено 1000-летие Крещения Руси.

⁵ *О свободе вероисповеданий* [Электронный ресурс]: закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1. URL: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-25101990-n-267-1-o/> (дата обращения: 21.12.2020).

⁶ *О светском характере образования в государственных образовательных учреждениях Российской Федерации* [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования Рос. Федерации от 19.03.1993 № 47/20-11п. URL: <http://tara-eparhiya.ru/obrazovanie/4138-v-shkole-ne-dopustimo-ateisticheskoe-obrazovanie-v-lyubykh-formakh-pismo-min-obrazovaniya-rf.html> (дата обращения: 21.12.2020).

⁷ *О свободе совести и о религиозных объединениях* [Электронный ресурс]: Федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-26091997-n-125-fz-o/> (дата обращения: 21.12.2020).

⁸ В статье 5.4 указано, что по письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы.

чал, что «религия вторглась в школу» и нужно «противостоять, желательно через демонстрацию предельно твердой родительской позиции и требовать ограждения ребенка от религиозной пропаганды», ведь ее попытки «запечатлены прямо в учебниках»⁹.

Нельзя обойти вниманием написанное несколькими годами позднее «письмо десяти академиков» Российской академии наук В. В. Путину, в котором они выражали обеспокоенность клерикализацией российского общества: «Не следует забывать, что провозглашенный государством курс на инновационное развитие может быть осуществлен лишь в том случае, если школы и вузы вооружат молодых людей знаниями, добытыми современной наукой. Никакой альтернативы этим знаниям не существует»¹⁰.

Однако в научной среде мнения относительно религиозного компонента в образовании были полярными, и ответом десяти академикам стало «письмо других академиков»¹¹, в котором критиковалась их атеистическая позиция и приводились аргументы в поддержку интеграции религии и образования.

К тому же противовесом мнению десяти академиков стало и обращение Патриарха Московского и всея Руси, Российской академии наук, президента Российской академии образования, ректора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова к Министру образования России от 21 января 1999 года. В нем говорилось, что «светский» не означает «атеистический», а «религиозно ориентированные дисциплины справедливо было бы включить в сетку обязательных предметов по принципу равноправной альтернативы... Родители, желающие воспитывать своих детей атеистами, могут избрать, например, «основы нравственности» вместо религиозно-нравственных уроков»¹².

Еще одним шагом к укреплению религиозного компонента в образовании стало принятие Министерством образования Российской Федерации предложения Патриарха о создании совместной светско-религиозной комиссии, цель которой, по мнению Э. Д. Днепров, состояла в «церковной цензуре государственных образовательных стандартов, учебных программ и учебников» (Днепров, 2011, с. 246). В итоге в 1999 году была создана не комиссия, а координационный совет по взаимодействию Министерства образования Россий-

⁹ Невзоров А. Православие в школах: что говорить детям? [Электронный ресурс] // YouTube. 2012. 17 сент. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t7iq7Y3NhrQ> (дата обращения: 25.12.2020). Автор приводит в пример учебник «Духовное краеведение Подмосковья».

¹⁰ Письмо десяти академиков об опасности клерикализации России [Электронный ресурс] // Успехи физических наук. 2007. 24 июля. URL: <https://www.ufn.ru/tribune/trib240707.pdf> (дата обращения: 22.12.2020).

¹¹ Письмо других академиков. Заявление представителей РАН в связи с «письмом десяти» [Электронный ресурс] // Интерфакс-религия. 2017. 1 нояб. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=681> (дата обращения: 22.12.2020).

¹² Обращение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, президента Российской академии наук Ю. С. Осипова, президента Российской академии образования Н. Д. Никандрова, академика РАН, ректора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и председателя Российского союза ректоров В. А. Садовниченко к Министру образования России от 21.01.1999 [Электронный ресурс] // Razum.ru. 2002. Дек. URL: <http://razumru.ru/atheism/rpc/letter.htm> (дата обращения: 22.12.2020).

ской Федерации и Московской патриархии РПЦ¹³. Функционал совета позволяет согласиться с мнением Э. Д. Днепров¹⁴.

Кроме того, министерство обещало принять меры для «более полного удовлетворения потребностей верующих в классах и аудиториях государственных образовательных учреждений» (Днепров, 2011, с. 246), что шло в разрез с установленными законом нормами¹⁵.

В 2002 году в регионы было направлено письмо «О примерном содержании образования по учебному предмету “православная культура”»¹⁶, где подчеркивалась объективность появления предмета и высокое значение православия в жизни российского общества.

В этот период активно разрабатываются региональные курсы религиозного содержания – «Истоки», курс «Основы православной культуры» А. В. Бородиной и др. В Новосибирской области с 2002 года реализовывался авторский курс «Православная культура России» протоиерея Б. Пивоварова.

В целях подготовки согласованных предложений по вопросу изучения истории и культуры религии (православия) приказом Минобрнауки России была создана рабочая группа¹⁷, в состав которой вошли представители РПЦ, профильного министерства, академических институтов, ведущих вузов. Рабочей группой в 2007 году разработано и направлено в регионы Примерное соглашение о сотрудничестве органа управления образованием субъекта Российской Федерации и епархии РПЦ¹⁸. Рекомендовалось заключать подобные соглашения с централизованными религиозными организациями других официальных религий. Оно подразумевало, например, что епархия предо-

¹³ О создании координационного совета по взаимодействию Министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской православной церкви [Электронный ресурс]: Приказ М-ва образования Рос. Федерации от 01.07.1999 № 58. URL: <http://docs.cntd.ru/document/58862681> (дата обращения: 21.10.2020).

¹⁴ В функции совета входили: организации экспертизы учебно-методического сопровождения, духовно-просветительских программ, проектов учебно-методической литературы, осуществление подготовки изменений и дополнений в нормативные акты, а также разработка инструктивных, рекомендательных и методических документов в сфере духовно-нравственного просвещения, светского и религиозного образования.

¹⁵ В статье 1 Закона «Об образовании» установлено, что в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, органах, осуществляющих управление в сфере образования, создание и деятельность организационных структур политических партий, общественно-политических и религиозных движений и организаций (объединений) не допускаются (См.: *Об образовании* [Электронный ресурс]: Закон Рос. Федерации от 10.07.1992 № 3266-1. URL: <http://base.garant.ru/10164235/> (дата обращения: 11.10.2020)).

¹⁶ О примерном содержании образования по учебному предмету «Православная культура» [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования Рос. Федерации от 22.10.2002 № 14-52-876ин/16. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901948205> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁷ О создании рабочей группы по проблемам изучения истории и культуры религии (православия) в системе образования [Электронный ресурс]: Приказ М-ва образования и науки Рос. Федерации от 17.03.2006 № 55. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901975204> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁸ О направлении в субъекты Российской Федерации Примерного соглашения о сотрудничестве органа управления образованием субъекта Российской Федерации и централизованной религиозной организации [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 13.07.2007 № 03-1584. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902073706> (дата обращения: 11.10.2020).

ставляет помещения для организации и проведения научно-практических, образовательных, воспитательных, просветительских мероприятий, создает условия для ознакомления с историческими и культурными ценностями, находящимися в ведении епархиальных учреждений (организаций).

В 2008 году Патриарх на ежегодном собрании Российской академии образования напомнил об опыте взаимодействия РПЦ и Минобрнауки России, отметил тесную связь между образованием и воспитанием и подчеркнул необходимость развития иммунитета против соблазнов, с которыми сталкивается молодежь¹⁹.

К тому времени государство также делало шаги навстречу РПЦ: помимо заключения уже упомянутых соглашений с профильным министерством, политика духовности в образовании поддерживалась российским президентом. Так, мысль об исключительной важности нравственной консолидации общества и необходимости его морального оздоровления последовательно проведена в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2007, 2008 и 2009 годов²⁰. В этой связи были внесены изменения в отдельные нормативные акты в части «формирования духовно-нравственной личности»²¹.

В июле 2009 года на встрече с религиозными лидерами президент поддержал предложение о преподавании в школах основ религиозной культуры и светской этики²².

Таким образом, двадцатилетний дискурс относительно интеграции в образование религиозного компонента характеризуется дихотомией позиций: православные религиозные деятели считают это шагом на пути к воспитанию духовно-нравственной личности и «спасением от соблазнов», в то время как многие общественные и государственные деятели видят здесь нарушение законов, клерикализацию образования и вероятность разжигания межконфессиональной розни. Последние также отмечают радикальный подход РПЦ к насаждению религии в школах, близкий к идеологической и политической экспансии в образование²³.

¹⁹ Речь Святейшего Патриарха Алексия на Общем собрании Российской академии образования [Электронный ресурс] // офиц. сайт Московского патриархата Русской православной церкви. 2008. 26 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/385925.html> (дата обращения: 13.10.2020).

²⁰ Перечень ежегодных посланий и бюджетных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения: 12.10.2020).

²¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта [Электронный ресурс]: Федер. закон от 01.07.2007 № 309-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12157429/> (дата обращения: 05.11.2020).

²² Дмитрий Медведев поддержал предложение о преподавании в школах основ религиозной культуры и светской этики [Электронный ресурс] // офиц. сайт Президента Рос. Федерации. 2009. 21 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/4864> (дата обращения: 18.10.2020).

²³ Разведопрос: Александр Панчин про вторжение религии в науку [Электронный ресурс] // YouTube. 2017. 5 июля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g7VnRwEcF6E> (дата обращения: 18.10.2020).

Так или иначе, на данном этапе складываются неформальные правила и границы взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций по интеграции религиозного компонента в образование, а также появляются первые формальные структуры (координационный совет). В этой связи возникла необходимость законодательной регламентации сложившейся практики взаимодействия и ее распространения.

Первый этап (2009–2011 годы) – формализация институциональных норм и их апробация

Формализация религиозного компонента в образовании стартовала с поручения Президента Российской Федерации от 2 августа 2009 года обеспечить решение организационных и финансовых вопросов, касающихся введения в образовательных учреждениях новых предметов²⁴. Отметим, что именно в поручении впервые названы модули учебного курса, посвященного духовно-нравственному развитию²⁵.

Уже в октябре 2009 года был принят Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС)²⁶, который предусматривал новый предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России». На наш взгляд, целесообразность принятия стандарта в разгар учебного года представляется сомнительной, так как учебные программы в школах на этот момент уже были приняты. В стандарте подчеркивалась направленность образования на духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся, становление их гражданской идентичности как основы развития гражданского общества.

Позже появился План по апробации в 2009–2011 годах комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики» (далее – ОРКСЭ)²⁷, который предполагал разработку и апробацию механизмов выбора модуля, учебно-методического обеспечения и т.д. Кроме того, был утвержден перечень субъектов Российской Федерации, участвовавших в апробации (всего было заявлено 19 регионов, позже список расширился до 21). Так, апробация должна была определить готовность системы образования к реализации религиозного компонента и общества – адекватно воспринимать нововведения.

²⁴ Поручение Президента Российской Федерации от 02.08.2009 № ВП-П44-4632 [Электронный ресурс] // офиц. сайт М-ва образования Оренбург. обл. URL: <http://www.minobr.orb.ru/obobraz/orkse/poruchenie-medvedeva.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).

²⁵ Курс предполагает 6 модулей: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур и основы светской этики.

²⁶ Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]: Приказ М-ва образования и науки Рос. Федерации от 06.10.2009 № 373. URL: <https://base.garant.ru/197127/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 24.10.2020).

²⁷ Об утверждении плана мероприятий по апробации в 2009–2011 годах комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики» и перечне субъектов Российской Федерации, участвующих в апробации [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.10.2009 № 1578-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6629274/> (дата обращения: 11.10.2020).

Также на этом этапе проводилось повышение квалификации педагогов, которые должны были преподавать новый учебный курс. «Практическая часть курсов повышения квалификации была организована на базе школ – стажерских площадок институтов повышения квалификации педагогических кадров, образовательных учреждений, являющихся базовыми для апробации курса. Методическая поддержка учителей организована тренерами-преподавателями на местах с дистанционным и консалтинговым сопровождением», – говорилось в отчете 2011 года Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования²⁸.

С 2012 года курс ОРКСЭ начали преподавать во всех регионах России на постоянной основе.

Второй этап (2012–2018 годы) – закрепление религиозного компонента в современном образовании

Индикатором окончательного закрепления религиозного компонента в образовании стало утверждение в январе 2012 года Плана мероприятий по введению с 2012–2013 учебного года во всех субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики»²⁹. План предполагал принятие необходимых нормативно-правовых актов, организацию мероприятий по выбору учебных модулей, информационное сопровождение курса и др. С 1 сентября 2012 года было установлено обязательное изучение курса ОРКСЭ.

Минобрнауки России подготовило письмо, где были представлены инструктивно-нормативные материалы и методические рекомендации для педагогов и организаторов курса, сформулированы его цели и задачи³⁰.

Несмотря на религиозный характер внедряемого компонента и прева-лирование модулей по изучению религий, был закреплён основной методологический принцип реализации ОРКСЭ – культурологический подход, что в теории должно было стать гарантом соблюдения светскости образования при преподавании рассматриваемого курса. Так, целью ОРКСЭ является формирование у обучающегося мотивации к осознанному нравственному поведению, основанному на знании культурных и религиозных традиций многонационального народа России и уважении к ним, а также к диалогу с представителями других культур и мировоззрений.

Однако при закреплении культурологического подхода в программе модулей отсутствуют понятия гуманизма и гуманистических ценностей.

²⁸ Рябко В. Анализ апробации курса ОРКСЭ в годах [Электронный ресурс] // Pandia. URL: <https://pandia.ru/text/79/549/27534.php> (дата обращения: 22.11.2020).

²⁹ План мероприятий по введению учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики» [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28.01.2012 № 84-р. URL: http://magschool66.ucoz.ru/document/pravitelstvo_rossijskoj_federacii.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

³⁰ О введении учебного курса ОРКСЭ [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 22.08.2012 № 08-250. URL: <https://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/orkse/normativno-pravovaya-dokumentatsiya/pismo-minobrnauki-rossii-ot-22-08-2012-g-08-250.html> (дата обращения: 15.11.2020).

Ряд авторов объясняют это тем, что РПЦ наложила «вето» на слово «гуманизм» как неподходящее для православных школьников, что привело к неформальному правилу не упоминать гуманизм, распространяющемуся на учебники по всем модулям (Blinkova and Vermeer, 2018, p. 201).

Интересно, что в письме говорится о педагогической эффективности курса, значительном влиянии на нравственное состояние обучающихся, их отношения с родителями (законными представителями), тогда как до сих пор отсутствует инструментарий для измерения эффективности как самого курса, так и отдельных его компонентов.

В декабре 2012 года был принят новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»³¹. Прежний закон не регулировал преподавание ОРКСЭ, хотя и содержал положения о духовно-нравственном воспитании и развитии. В действующем законе преподаванию основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации посвящена отдельная статья³².

В 2014 году Минобрнауки России было подготовлено еще одно письмо, в котором указывалось, что в качестве примера региональных материалов по обеспечению свободного, добровольного, информативного выбора родителями школьников модуля курса ОРКСЭ можно использовать документы, разработанные Департаментом образования города Москвы³³. Позже, в 2015 году, ведомством был направлен Регламент выбора одного из модулей курса³⁴, содержательно весьма близкий к московскому.

Стоит отметить, что данный регламент органично дополняет Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части установления единственного субъекта, ответственного за выбор курса, – родителей (законных представителей), а также в употреблении более широкого понятия «духовно-нравственная культура». Однако он не утвержден приказом Минобрнауки России, а представлен «в качестве примерного» и носит рекомендательный характер.

В 2018 году Минобрнауки России направило в адрес руководителей исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих управление в сфере образования, методические рекомендации по совершенствованию процесса реализации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» и предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России»³⁵.

³¹ Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 04.12.2020).

³² Статья 87. Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования (См.: Об образовании в Российской Федерации...).

³³ О реализации курса ОРКСЭ [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 21.04.2014 № 08-516. URL: <http://orkce.apkpro.ru/doc/reliz.pdf> (дата обращения: 02.12.2020).

³⁴ О направлении регламента выбора модуля курса ОРКСЭ [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 31.03.2015 № 08-461. URL: http://orkce.apkpro.ru/doc/psm_MO_08-461.pdf (дата обращения: 02.12.2020).

³⁵ О методических рекомендациях [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 19.01.2018 № 08-96. URL: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe->

Акцентируем внимание на разделе, посвященном взаимодействию с религиозными организациями.

Так, установлено, что в рамках курса ОРКСЭ не предусмотрено преподавание религии. Педагогам необходимо неукоснительно соблюдать статью 48 профильного федерального закона³⁶.

Привлечение к преподавательской деятельности представителей конфессий не допускается, они лишь могут взаимодействовать с педагогами для обеспечения внеурочной образовательной деятельности (за ее содержание и транслируемые учащимся сведения несет ответственность учитель). Не предусматривается посещение религиозных организаций (культовых сооружений), оно может происходить только с разрешения родителей.

Взаимодействие с религиозными организациями может осуществляться при разработке и реализации профессиональных образовательных программ, включая участие специалистов от конфессий в курсах повышения квалификации педагогов (чтение лекций по соответствующим содержательным разделам и др.), участие в научно-практических конференциях, семинарах и т.д.

Этим законодатель попытался дополнительно гарантировать права детей, установленные международными и федеральными нормативно-правовыми актами, оградить образовательный процесс и его участников от влияния и вмешательства религиозных организаций.

На этом этапе в концентрированном виде проявились острые проблемы преподавания курса ОРКСЭ:

- нарушение прав учащихся и их родителей (законных представителей) на местах (давление со стороны администрации школы относительно выбора модуля, посещение религиозных сооружений без письменного разрешения родителей, приглашение на урок церковнослужителей и т.д.);
- отсутствие возможностей обеспечить на базе одного образовательного учреждения преподавание всех модулей (это связано как с техническими трудностями, так и с отсутствием специалистов);
- отсутствие методических и дидактических материалов, низкая проработанность учебников (отметим, что сейчас данная проблема стоит не так остро);
- непонимание специфики курса и его задач как со стороны родителей, так и со стороны учителей;
- выставление оценок учащимся (напомним, что курс является безоценочным) и проч.

prostranstvo/odnknr/normativno-pravovaya-dokumentatsiya/pismo-minobrnauki-rossii-ot-19-01-2018-g-08-96-o-metodicheskikh-rekomendatsiyakh-odnkr.html (дата обращения: 11.10.2020).

³⁶ Статья 48 запрещает использовать образовательную деятельность для политической агитации, принуждения обучающихся к принятию политических, религиозных или иных убеждений либо отказу от них, для разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни, для агитации, пропагандирующей исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, их отношения к религии, в том числе посредством сообщения обучающимся недостоверных сведений об исторических, национальных, религиозных и культурных традициях народов (См.: *Об образовании в Российской Федерации...*).

Третий этап (с 2018 года – по настоящее время) – разработка нового ФГОС и внесение изменений в действующий стандарт

Третий этап стартовал с обсуждения концепции новых образовательных стандартов (ФГОС третьего поколения)³⁷. Проектом ФГОС, опубликованном на федеральном портале проектов нормативных правовых актов, предполагается преподавание в школе только двух модулей курса – «Основы религиозных культур народов России» и «Основы светской этики»³⁸.

Однако уже несколько лет подряд к наиболее востребованным, помимо указанного выше модуля «Основы светской этики», относится модуль «Основы православной культуры», тогда как «Основы религиозных культур народов России» находится на третьем месте³⁹.

Таким образом, можно заключить, что происходит отказ от монорелигиозных модулей в пользу тех, которые вызывают меньше всего дискуссий относительно их светского характера и соблюдения культурологического подхода в преподавании.

Синодальный отдел религиозного образования и катехизации РПЦ назвал нововведения «самоуправством разработчиков» нового документа и «ударом по нравственности»⁴⁰.

Острую реакцию РПЦ не разделяют представители других мировых религий в России. Например, Духовное собрание мусульман (ДСМ) не высказывало критики в публичном пространстве, а выступило с инициативой установить дополнительные требования к учителям, преподающим ОРКСЭ, для предотвращения возможных проявлений религиозной дискриминации. Председатель ДСМ муфтий Альбир Крганов отметил, что такая проблема возникала в Кавказском регионе, что противоречит идее ОРКСЭ как предмета, который будет преподаваться с точки зрения «культурологических аспектов, аспектов дружбы между народами и культурами, и что его будут преподавать светские учителя»⁴¹.

На сегодняшний день проект ФГОС находится на стадии общественного обсуждения. В этой связи нельзя сказать, каким будет окончательное решение законодателя относительно модулей ОРКСЭ, можно ли будет говорить о курсе как о религиозном компоненте в образовании.

Кроме того, в июле 2020 года в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» внесены изменения. В новой редакции понятие воспитания дополнено. Это «деятельность – направленная на ... формирование

³⁷ Новый ФГОС третьего поколения: изменения стандартов [Электронный ресурс] // Фоксворд. 2019. 5 дек. URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/fgos-2020#3> (дата обращения: 21.01.2021).

³⁸ Проект федерального государственного образовательного стандарта (начальное общее образование) [Электронный ресурс] // Федер. портал проектов норматив. правовых актов. 2019. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=94553> (дата обращения: 21.01.2021).

³⁹ Российские школьники чаще выбирают изучение этики, чем основ православия [Электронный ресурс] // Тасс. 2019. 12 июля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6659493> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴⁰ Удар по нравственности: новые ФГОСы не предусматривают изучения Основ православной культуры в школах [Электронный ресурс] // РИА Катюша. 2019. 20 сент. URL: <http://katyusha.org/view?id=12727> (дата обращения: 19.01.2021).

⁴¹ Мусульмане призвали установить допребования для преподавателей ОРКСЭ [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. 20 февр. URL: <https://ria.ru/20200220/1565025266.html> (дата обращения: 19.01.2021).

у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»⁴². Появилась статья 12.1, закрепляющая общие требования к организации воспитания обучающихся.

В этой связи законодатель внес изменения во ФГОС в части программы воспитания учащихся⁴³. Новая редакция предполагает, что программа воспитания направлена не только на духовно-нравственное воспитание, но и на укрепление психического здоровья и физическое воспитание.

Интересен акцент в обсуждаемых документах на национальной идентичности и российских ценностях при исключении положений о приобщении к общечеловеческим ценностям. Удивляет, что законодатель приравнивает общечеловеческие ценности к западным, что лишний раз красноречиво говорит о российском изоляционизме и в перспективе может стать фактором враждебного отношения к «другим».

Считаем также, что законодатель поторопился, исключив пункт о том, что программа воспитания должна предусматривать формирование целостной образовательной среды и учитывать историко-культурную, этническую и региональную специфику. ОРКСЭ, как религиозный компонент в образовании, и без того подвергается критике за то, что целиком находится в ведении государства, за излишнюю унификацию подходов и игнорирование региональной специфики (Blinkova and Vermeer, 2018, p. 202).

Таким образом, на данном этапе не меняется содержание религиозного компонента – меняется конечная цель его внедрения в систему образования. Прослеживается тенденция замены духовно-нравственного воспитания, сохранения национальной идентичности в контексте общечеловеческих ценностей на патриотизм и уважение норм российского общества и государства. Помимо этого, ставится вопрос о дальнейшем сохранении компонента в школьной программе.

Подводя черту обсуждению политико-правовой институционализации религиозного компонента в современном российском образовании, отметим также некоторые региональные особенности реализации ОРКСЭ.

В регионах и муниципалитетах с компактным проживанием одного этноса доминируют модули, соответствующие его религиозной культуре, тогда как особенностью поликонфессиональных территорий является стремление родителей к компромиссу – они выбирают неконфессиональные модули (Надыршин, 2016, с. 45). Проведенное авторами статьи исследование подтверждает, что сложившейся тенденции соответствует и Пермский край⁴⁴.

⁴² О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся [Электронный ресурс]: Федер. закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 20.01.2021).

⁴³ О внесении изменений в некоторые федеральные государственные образовательные стандарты общего образования по вопросам воспитания обучающихся [Электронный ресурс]: Приказ М-ва просвещения Рос. Федерации от 11.12.2020 № 712. URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/201/82/74/61828.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴⁴ С 19 марта по 22 апреля 2019 года О. С. Толстогузова провела анкетирование школьных учителей, которые в тот период преподавали ОРКСЭ (106 респондентов), и родителей учащихся

Так, в Республике Татарстан, интересной национальным составом (с небольшим разрывом преобладают две национальности – русские и татары), на региональном уровне закреплено решение о преподавании двух неконфессиональных модулей курса ОРКСЭ – «Основы светской этики» и «Основы мировых религиозных культур» (Надыршин, 2016, с. 45).

В Республике Башкортостан (основное население составляют три национальности – русские, башкиры и татары) также отдается предпочтение неконфессиональным модулям, хотя в ряде территорий республики есть «сильные» приходы, и с 2015 года представители духовенства могут принимать участие в родительских собраниях, где происходит выбор модуля, и акцентировать внимание на религиозных модулях (Надыршин, 2016, с. 45–46).

Не лишены региональных особенностей и подходы к реализации религиозного компонента в целом и преподаванию курса ОРКСЭ в частности.

Например, в Белгородской области с 2006 года во всех общеобразовательных учреждениях ведется обязательный для изучения во 2–11 классах предмет «Православная культура»⁴⁵. Принятие в 2011 году ФГОС затруднило его преподавание в рамках урочной деятельности, однако он до сих пор изучается в некоторых классах. При этом подавляющее большинство родителей в качестве модуля ОРКСЭ также выбирают «Основы православной культуры», не рассматривая такой выбор как дублирование материала: модули ОРКСЭ ограничены культурологическим подходом, тогда как предмет «Православная культура» имеет религиозное наполнение (Алехин, 2018, с. 15–17).

Учителя из Челябинской области отмечают, что при преподавании модулей ОРКСЭ они делают акцент не на культуре страны в целом, а на этнокультурных особенностях местного сообщества, изучении произведений уральских писателей, знакомстве с локальными ремеслами, взаимодействии с краеведческими музеями (Верещагина и др., 2017).

Особенности некоторых субъектов проявляются в механизмах методической поддержки учителей, преподающих ОРКСЭ. В Новосибирской области создан культурологический и религиозоведческий центр, где учителя могут пройти стажировку, разработаны порталы для взаимодействия учителей и специалистов по религиозной тематике (Ушаков, 2016, с. 93). В Удмуртии, где на первом и втором этапах ОРКСЭ вели педагоги начальных классов, далеко не всегда имеющие даже высшее педагогическое образование, сложилась ситуация постоянной ротации кадров, что не позволяло качественно преподавать курс. Для решения этой проблемы была создана межведомственная группа по методической поддержке учителей при планировании урока, содержательном наполнении уроков, ИТ-обеспечении и проч. (Матушанская и Сахарных, 2018, с. 681–682).

4-х классов, которые прослушали курс ОРКСЭ в 2018–2019 годах (634 респондента). В анкетировании принимали участие жители восьми муниципальных образований Пермского края. См.: Толстогузова О. С. Реализация государственной политики в области духовно-нравственного воспитания учащихся (на примере внедрения учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» в общеобразовательных организациях Пермского края) // Из арх. кафедры гос. и муницип. управления Перм. гос. нац. исслед. ун-та.

⁴⁵ Об установлении регионального компонента государственных образовательных стандартов общего образования в Белгородской области [Электронный ресурс]: Закон Белгород. обл. от 03.07.2006 № 57. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469028130> (дата обращения: 14.11.2020).

На наш взгляд, реализация религиозного компонента должна строиться исключительно с учетом региональных особенностей, в противном случае это не только не принесет положительных результатов в части духовно-нравственного воспитания учащихся, но и может послужить конфликтогенным фактором для местного сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итогом внедрения религиозного компонента в образование стало преподавание курса ОРКСЭ, который можно рассматривать как компромисс между сторонниками конфессионализации и строгими секуляристами.

Политико-правовая институционализация происходила в четыре этапа: предварительный характеризуется широким общественным дискурсом относительно обоснованности и корректности внедрения религиозного компонента в образование, первый – появлением формальных норм и их апробацией, второй – окончательной интеграцией компонента в образовательный институт, третий – секуляризацией модулей.

На основании изложенного отметим особенности политико-правовой институционализации религиозного компонента.

1. Доминирование РПЦ как актора общественного дискурса и «рупора» интеграции религии и образования и конфликтный нарратив данного процесса. Анализ содержания предварительного этапа показывает, что, несмотря на многоконфессиональность российского общества, идеологом интеграции выступала РПЦ. Прочие религиозные организации – представители мировых религий в дискурсе не отметились. Кроме того, как отмечалось экспертами, дискуссия вокруг религиозного компонента в образовании велась с агрессивным напором.

2. Происхождение курса ОРКСЭ «сверху» и незначительная роль родителей и школ в обсуждении необходимости внедрения религиозного компонента. С точки зрения полноты представления позиций заинтересованных сторон, активное участие в дискуссии должны были принимать следующие институты: государство (в лице органов управления образованием), религиозные организации (самые крупные по количеству последователей), школы и родители. В общественном обсуждении позиция родителей и школ, в отличие от прочих, не получила широкого распространения. В результате на первом этапе органы власти столкнулись с рядом организационных сложностей, а также с предубеждением родителей в отношении ОРКСЭ и восприятии его как религиозного. Однако еще большее недовольство родители проявляли из-за дополнительной учебной нагрузки на детей⁴⁶.

3. Трансформация содержания компонента и консенсус между сторонниками и противниками его внедрения. Несмотря на очевидный конфессиональный характер, компонент претерпел ряд изменений. Так, обучение проходит в русле культурологического подхода. Курс в целом нацелен не на знакомство детей с религией, а на формирование у ребенка осознанного нравственного

⁴⁶ Интервью с начальником отдела общего образования Министерства образования и науки Пермского края Е. И. Павловой, 27.05.2019 // Из лич. арх. О. С. Толстогузовой.

поведения, знание и уважение культурных и религиозных традиций многонационального народа России, готовность к диалогу с представителями других культур и мировоззрений. Кроме того, помимо монорелигиозных модулей, компонент представлен модулем по основам светской этики и основам мировых религиозных культур. Иными словами, нельзя не заметить переход от притязаний РПЦ на преподавание в школах православной религии под предлогом духовно-нравственного воспитания к знакомству детей с различными религиями и нормами этики с позиций культуры и только согласно выбору родителей.

Таким образом, были сделаны попытки найти золотую середину между светскостью образования и духовно-нравственным воспитанием посредством преподавания курса ОРКСЭ. Тем не менее есть основания полагать, что формальные требования на местах соблюдаются не в полной мере или негласно игнорируются, что обуславливает новые вызовы для системы регулирования. Какие неформальные практики преподавания курса ОРКСЭ сложились в регионах – предмет дальнейшего изучения.

Библиографический список

Алехин В. П. Преподавание религиозных дисциплин в современной школе: проблемы и перспективы // Вестник Белгородского института развития образования. 2018. № 3. С. 14–20.

Аликберов А. К. Исторические изменения социальных функций религии (индивидуальный аспект) // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2017. Т. 13, № 1. С. 147–165.

Верецагина Е. Н., Гайсарова М. Г., Солодкова Е. А. Особенности проектирования и реализации образовательного процесса с учетом национальных, региональных и этнокультурных особенностей (из опыта работы МКОУ «СОШ № 9 г. Аши (с профессиональным обучением)» и МАОУ «Лицей № 6» г. Миасса // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2017. № 1. С. 74–78.

Гальцова Е. С. Проблемы духовно-нравственного воспитания личности в современной России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2014. № 1. С. 25–32. DOI: 10.15382/sturIV201432.25-32.

Днепров Э. Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. М.: Мариос, 2011. 456 с.

Дьячкова М. А. Духовно-нравственное воспитание как социально-педагогический феномен // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 4. С. 23–28.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.

Ерзылева И. А. Интеграция светского и православного образования в современной России // Научный альманах. 2017. № 4–2. С. 163–173. DOI: 10.17117/na.2017.04.02.163.

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.

Крестовский А. В., Беловолов В. А. Духовно-нравственное воспитание как социально-педагогический феномен // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 3. С. 192–198.

Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. 654 с.

Матушанская Ю. Г., Сахарных Д. М. Реализация курса «Основы религиозных культур и светской этики» в Удмуртской республике // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43, № 4. С. 678–683. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-4-678-683.

Морозов Е. М. Концепт идентичности в социально-политическом дискурсе русской православной церкви // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23, № 4. С. 147–168. DOI: 10.24290/1029-3736-2017-23-4-147-168.

Надыршин Т. М. Проблемы преподавания конфессиональных модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики» в Республике Башкортостан // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 38. С. 45–47.

Пехенько А. А. Понятие «религия» и ее функции // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сб. ст. по материалам внутривузовских науч.-практ. студ. конф. «Актуальные проблемы гуманитарных наук» / Отв. ред. З. Р. Валеева, Р. Т. Фархтдинов. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 58–60.

Руденко В. А. Духовный кризис современного российского общества как следствие догоняющей модернизации // Общество: политика, экономика, право. 2009. № 1–2. С. 32–35.

Санцевич Я. С. Функции религии в жизни общества [Электронный ресурс] // Трансграничная экономика. 2019. № 3. URL: http://www.cross-bordereconomy.ru/2019_3/2019_3-11.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

Слободчиков В. И. В поиске оснований христианской психологии. Часть первая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1. С. 84–95.

Ушаков Д. В. Роль системы образования в гармонизации этноконфессиональных отношений молодежи (на примере Новосибирской области) // Философия образования. 2016. № 4. С. 89–98. DOI: 10.15372/PNE20160409.

Юмакулов Н. Х. Роль и значение Русской православной церкви в системе воспитательной работы российской армии // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. № 3. С. 140–143.

Alberts W. Religious education as small 'i' indoctrination: How European countries struggle with a secular approach to religion in schools // Center for Educational Policy Studies Journal. 2019. Vol. 9, № 4. P. 53–72. DOI: 10.26529/cepsj.688.

Baltaci A. The legality of religious symbols in European schools // Cumhuriyet İlahiyat Dergisi. 2017. Vol. 21, № 2. P. 793–825. DOI: 10.18505/cuid.356795.

Blinkova A., Vermeer P. Religious education in Russia: A comparative and critical analysis // British Journal of Religious Education. 2018. Vol. 40, № 2. P. 194–206. DOI: 10.1080/01416200.2016.1190687.

Budzei S. V. Spiritual and moral education of children in the general secondary education system // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы XVII Междунар. конф. / Под ред. В. П. Галенко, Н. А. Лобанова. СПб.: Изд-во СПГЭУ, 2011. P. 214–217.

Clay E. Multiculturalism and religious education in the Russian federation: The fundamentals of religious cultures and secular // *State, Religion and Church*. 2015. № 2. P. 44–74.

Filina N. V. Functions of religion as a social-political phenomenon // *Spirit Time*. 2020. № 2–1. P. 36–38.

Gearon L. European religious education and European civil religion // *British Journal of Educational Studies*. 2012. Vol. 60, № 2. P. 1–19. DOI: 10.1080/00071005.2012.671929.

Goldberg T. Religious education // *Religious Education*. 2020. Vol. 115, № 3. P. 245–254. DOI: 10.1080/00344087.2020.1770014.

Midlaj C. H. Religion and moral education. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/304552236_Religion_and_moral_education (дата обращения: 21.12.2020).

Shutaleva A., Dyachkova M., Tomyuk O. et al. Religious component in higher education programs and the formation of intercultural competences // *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2020. Vol. 113. P. 423–427. DOI: 10.2991/fred-19.2020.86.

Информация об авторах

Толстогузова Ольга Сергеевна – магистр кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0001-8573-0763

ResearcherID: –

Электронный адрес: tolstoguzova-olga@mail.ru

Троицкая Елизавета Александровна – канд. полит. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3710-4447

ResearcherID: M-5790-2018

Электронный адрес: troitzkaya@inbox.ru

Статья получена 30 января 2021 года

UDC 323:371:2

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-49-70

POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONALIZATION OF A RELIGIOUS COMPONENT IN MODERN RUSSIAN EDUCATION

Olga S. Tolstoguzova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0001-8573-0763

ResearcherID: –

E-mail: tolstoguzova-olga@mail.ru

Elizaveta A. Troitskaya

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3710-4447

ResearcherID: M-5790-2018

E-mail: troitskaya@inbox.ru

For citation:

Tolstoguzova, O. S. and Troitskaya, E. A. (2021), "Political and legal institutionalization of a religious component in modern Russian education", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 49–70, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-49-70.

Introduction: the article is devoted to institutionalization of the religious component in Russian education; the main stages that determine the specificity of its manifestation are outlined.

Objectives: identifying the stages and features of political and legal institutionalization of the religious component in modern Russian education.

Methods: analysis of public authorities documents, secondary data analysis.

Results: four stages in the institutionalization process have been highlighted: preliminary stage, characterized by a wide public discourse on the necessity and legitimacy of including a religious component in education; the stage of formalization and testing the norms; the stage of final integration of religious component into education; stage of discussing the new Federal State Educational Standard and the secularization of modules. The features of institutionalization process have been revealed.

Conclusions: attempts have been made to find a middle ground between the secularity of education and the spiritual and moral education of students by teaching the course on "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics". However, there is reason to believe that formal requirements are not fully met or are tacitly ignored locally, which creates new challenges for legislative regulation and a field for further research.

Keywords: religious component; education; political and legal institutionalization; spiritual and moral education; public discourse

References

Alekhin, V. P. (2018), "Teaching religious studies in modern school: Problems and prospects", *Bulletin of BelIED*, no. 3, pp. 14–20.

Alikberov, A. K. (2017), "Historical changes of social functions of religion (individual aspect)", *Islam in the modern world*, vol. 13, no. 1, pp. 147–165.

Vereshchagina, E. N., Gaisarova, M. G. and Solodkova, E. A. (2017), "The design and implementation features of the educational process with considering national, regional and ethno-cultural features (from the experience of the work of the munic-

ipal educational institution “School no. 9” in Asha (with vocational training) and “Lyceum no. 6” in Miass), *Scientific and methodical provision to assessment the education quality*, no. 1, pp. 74–78.

Galtsova, E. S. (2014), “Problems of spiritually-moral education of the personality in modern Russia”, *St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*, no. 1, pp. 25–32, doi: 10.15382/sturIV201432.25-32.

Dneprov, E. D. (2011), *Noveishaya politicheskaya istoriya rossiiskogo obrazovaniya: Opyt i uroki* [The latest political history of Russian education: Experience and lessons], Marios, Moscow, Russia.

Dyachkova, M. A. (2008), “Spiritual and moral education as a socio-pedagogical phenomenon”, *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 4, pp. 23–28.

Durkheim, E. (2018), *D'Elementarnye formy religioznoi zhizni* [The elementary forms of the religious life], Translated by Zemskova, V. V., in Kurakin, D. Yu. (ed.), *Elementary forms press*, Moscow, Russia.

Erzyleva, I. A. (2017), “Integration of secular and orthodox education in modern Russia”, *Nauchnyi al'manakh*, no. 4–2, pp. 163–173, doi: 10.17117/na.2017.04.02.163.

Zaslavskaya, T. I. (2004), *Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo. Sotsial'nyi mekhanizm transformatsii* [Modern Russian society. Social mechanism of transformation], Delo, Moscow, Russia.

Krestovskiy, A. V. and Belovolov, V. A. (2007), “Spiritual and moral education as a socio-pedagogical phenomenon”, *Siberian Pedagogical Journal*, no. 3, pp. 192–198.

Likhachev, D. S. (1999), *Razdum'ya o Rossii* [Reflections on Russia], Logos, St. Petersburg, Russia.

Matushanskaya, Yu. G. and Sakharnykh, D. M. (2018), “Implementation of the “Basics of religious cultures and secular ethics” course in the Udmurt republic”, *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, vol. 43, no. 4, pp. 678–683, doi: 10.18413/2075-4566-2018-43-4-678-683.

Morozov, E. M. (2017), “The concept of identity in the socio-political discourse of the Russian orthodox church”, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 23, no. 4, pp. 147–168, doi: 10.24290/1029-3736-2017-23-4-147-168.

Nadyrshin, T. M. (2016), “Problems of teaching religious modules of “The Basics of religious cultures and secular ethics” in the Republic of Bashkortostan”, *Problems of Modern Science and Education*, no. 38, pp. 45–47.

Pekhenko, A. A. (2017), “The concept of “religion” and its functions”, in Valeeva, Z. R. and Farkhtdinov, R. T. (eds.), *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk* [Actual problems of the humanities], Ufa, Russia, pp. 58–60.

Rudenko, V. A. (2009), “Spiritual crisis of modern Russian society as a consequence of catching up modernization”, *Society: Politics, Economics, Law*, no. 1–2, pp. 32–35.

Santsevich, Ya. S. (2019), “The functions of religion in society”, *Cross-border economy*, no. 3, [Online], available at: http://www.cross-bordereconomy.ru/2019_3/2019_3-11.pdf (Accessed October 10, 2020).

Slobodchikov, V. I. (2016), "In search of the grounds for Christian psychology", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 1, pp. 84–95.

Ushakov, D. V. (2016), "The role of the education system in harmonization of the ethno-confessional relations of the youth (on the example of Novosibirsk region)", *Philosophy of education*, no. 4, pp. 89–98, doi: 10.15372/PHE20160409.

Yumakulov, N. Kh. (2010), "The Russian Orthodox Church: Role and significance in the system of educational work in the Russian army", *Vestnik universiteta rossiiskoi akademii obrazovaniya*, no. 3, pp. 140–143.

Alberts, W. (2019), "Religious education as small 'i' indoctrination: How European countries struggle with a secular approach to religion in schools", *Center for Educational Policy Studies Journal*, vol. 9, no. 4, pp. 53–72, doi: 10.26529/cepsj.688.

Baltaci, A. (2017), "The legality of religious symbols in European schools", *Cumhuriyet İlahiyat Dergisi*, vol. 21, no. 2, pp. 793–825, doi: 10.18505/cuid.356795.

Blinkova, A. and Vermeer, P. (2018), "Religious education in Russia: A comparative and critical analysis", *British Journal of Religious Education*, vol. 40, no. 2, pp. 194–206, doi: 10.1080/01416200.2016.1190687.

Budzei, S. V. (2011), "Spiritual and moral education of children in the general secondary education system", in Galenko, V. P. and Lobanov, N. A. (eds.), *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': Nepreryvnoe obrazovanie v interesakh ustoichivogo razvitiya* [Life-long learning: Continuing education for sustainable development], St. Petersburg, Russia, pp. 214–217.

Clay, E. (2015), "Multiculturalism and religious education in the Russian Federation: The fundamentals of religious cultures and secular", *State, Religion and Church*, no. 2, pp. 44–74.

Filina, N. V. (2020), "Functions of religion as a social-political phenomenon", *Spirit Time*, no. 2–1, pp. 36–38.

Gearon, L. (2012), "European religious education and European civil religion", *British Journal of Educational Studies*, vol. 60, no. 2, pp. 1–19, doi: 10.1080/00071005.2012.671929.

Goldberg, T. (2020), "Religious education", *Religious Education*, vol. 115, no. 3, pp. 245–254, doi: 10.1080/00344087.2020.1770014.

Midlaj, C. H. (2016), "Religion and moral education" [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/304552236_Religion_and_moral_education (Accessed December 21, 2020).

Shutaleva, A. Dyachkova, M., Tomyuk, O. et al. (2020), "Religious component in higher education programs and the formation of intercultural competences", *Advances in Economics, business and Management Research*, vol. 113, pp. 423–427, doi: 10.2991/fred-19.2020.86.

Received January 30, 2021

УДК 316.334.3

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-71-88

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В. А. СМИРНОВ

Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия

В. В. ГРУЗДЕВ

Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия

Для цитирования:

Смирнов В. А., Груздев В. В. Семейная политика российского государства в условиях больших вызовов: основные проблемы и противоречия // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 71–88. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-71-88.

Введение: демографический переход является одним из важнейших больших вызовов и требует от государства выработки эффективной социальной политики, способной нивелировать негативные эффекты и деструктивные гибридные воздействия.

Цель: выявление особенностей трансформации дискурсивного и практического сознания жителей России относительно института семьи и близких отношений, выявление основных проблем и противоречий государственной семейной политики России, оценка ее соответствия трендам развития современных обществ.

Методы: формально-логический, сравнительный, анализ вторичных данных, контент-анализ, факторный анализ.

Результаты: выделены отдельные направления трансформации семейности, проанализированы основные дискурсивные и практические аспекты государственной семейной политики, выявлены ее ключевые дисфункции.

Выводы: жизнестойкость семьи как социального института существенно не изменились за последние 20 лет. Однако снижается числа россиян, готовых оправдать аборт и, наоборот, увеличивается число тех, кто готов оправдать развод. Семейность сегодня по-прежнему конструируется как институт социального контроля и воспроизводства жестких гендерных ролей. Более того, в последние десятилетия в отдельных сегментах российского общества обозначился возврат к традиционным консервативным моделям близких отношений.

Государственная семейная политика не в состоянии нивелировать негативные последствия больших вызовов и нуждается в переосмыслении. Ее ключевой дисфункцией является ригидность дискурсивных и социальных практик, попытка игнорировать реальные изменения, которые переживают сегодня близкие отношения. Кроме того, семейная политика слабо интегрирована с другими направлениями государственной политики: отсутствуют единые методологические и методические подходы к развитию человека на протяжении всей его жизни.

Ключевые слова: институт семьи; государственная семейная политика; дисфункции; большие вызовы

ВВЕДЕНИЕ

Мир сегодня сталкивается с целым рядом глобальных угроз техногенного и антропогенного характера, все они, в той или иной мере, оказывают влияние на трансформацию социальной структуры современных обществ,

приводя к изменениям социальных норм и ценностей, институтов и сообществ, повседневной жизни людей (Иванов, 2019; Владимиров, 2014), а также к попыткам переосмыслить механизмы управления обществами как на глобальном, так и на локальном уровне (Шабров, 2019). Именно это обстоятельство приводит к возникновению и активному воспроизводству в последние годы дискурса «больших вызовов» как необходимого адекватного ответа на глобальные угрозы.

Одним из важнейших больших вызовов является демографический переход, последствиями которого становятся изменение жизненных стилей людей, старение населения в развитых странах и увеличение доли молодежи в развивающихся, угроза продовольственных и энергетических кризисов и др. (Акаев и Акаева, 2011, с. 44).

Адекватность и эффективность ответа на большие вызовы зависит как от государственной политики, так и жизнеспособности традиционных социальных институтов, прежде всего, семьи. Демографический переход является одновременно и причиной, и следствием трансформации семейности, появления большого числа дискурсивных и практических экспериментов в этой сфере и обуславливает поиск политических, социальных и управленческих механизмов, способных гибко и адаптивно осуществлять «настройку» современного института семьи, учитывая, с одной стороны, те трансформации, которые он переживает, с другой – осознавая необходимость преодоления демографического перехода и воспроизводства российского общества в целом.

В рамках настоящей статьи мы проанализируем особенности трансформации дискурсивного и практического сознания жителей России относительно института семьи и близких отношений, а также выясним, насколько эффективной является государственная семейная политика.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепт больших вызовов проникает в общественно-политический дискурс с середины прошлого века (Kaldewey, 2018; Ulnicane, 2016; Mertens and Barbian, 2015). Д. Колдвей отмечает два дискурсивных сдвига относительно больших вызовов: во-первых, в научном поле слово «проблемы» все чаще заменяется на «вызовы», во-вторых, поскольку дискурс о больших вызовах уходит корнями в сферу соревнований, он привносит новый специфический набор социальных ценностей и практик в сферы науки и технологий. Это демонстрирует тенденцию изменения отношения к тому, что является проблемным, а также характеризует развитие науки, которое способствует самообилизации и в конечном итоге самооптимизации участвующих ученых, инженеров и политиков (Kaldewey, 2018, p. 161).

Сегодня большие вызовы стали частью национальных повесток практически всех государств, включая Россию. В президентском указе 2016 года «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» они определяются как «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых

таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов»¹. Наряду с прочими большими вызовами, наиболее значимыми с точки зрения научно-технологического развития государства, назван демографический переход, «обусловленный увеличением продолжительности жизни людей, изменением их образа жизни, и связанное с этим старение населения, что в совокупности приводит к новым социальным и медицинским проблемам, в том числе к росту угроз глобальных пандемий, увеличению риска появления новых и возврата исчезнувших инфекций»².

Демографический переход как причина и следствие трансформации семейности приводит к возникновению новых образцов близких отношений, вступающих в противоречие с моделью классической нуклеарной семьи (Крашенинников и Бадулина, 2020; Кудрявцева и Бурлаченко, 2018; Лафитский, 2021; Щелкин, 2019; Романовская, 2020; Шульга, 2019).

Е. Г. Петрова и М. И. Кадничанская выделяют ряд способствующих этому факторов: вестернизация системы ценностей, трансформация экономического уклада, свобода нравов, проявления индивидуализма; гендерная асимметрия, перераспределение социальных ролей между женщиной и мужчиной и т. д. (Петрова и Кадничанская, 2015, с. 193).

В настоящей статье мы выделим отдельные направления изменения дискурсивного и практического сознания россиян, проанализировав, во-первых, некоторые системообразующие концепты семейности, а во-вторых, затронув тему возникновения и воспроизводства различного рода социальных практик, изменяющих структуру и динамику близких и семейных отношений.

Процессы трансформации дискурса семейности анализируются нами посредством трех индикаторов:

- жизнестойкость семьи как социального института в современных условиях. Данный индикатор операционализируется через анализ диспозиций относительно таких явлений, как аборт и развод. Неспособность пары сохранять отношения в сложной жизненной ситуации (развод) и прерывание естественного процесса межпоколенческого воспроизводства (аборт) свидетельствуют о ее «хрупкости», невозможности противостоять не только «большим», но и повседневным вызовам;

- особенности воспроизводства традиционных гендерных ролей. В данном случае важно оценить, что происходит с восприятием ролей на уровне дискурсивного сознания, имеются ли попытки совладать с большими вызовами современности через их актуализацию или же, наоборот, отрицать как рудиментарные;

- ценностные ориентации, структурирующие близкие отношения. В рамках настоящего исследования проанализируем их через оценку тех качеств, которые, по мнению респондентов, необходимо прививать детям.

В качестве информационной базы анализа трансформации семейности использованы результаты лонгитюдного мирового исследования жизненных

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 02.02.2021).

² Там же.

ценностей населения и их влияния на социальную и политическую жизнь *World Values Survey*³. База данных исследования содержит информацию пяти волн опросов населения 87 стран с 1981 по 2007 год. Для решения задач, поставленных в статье, использовались результаты третьей (1995–1998 годы) и шестой (2010–2014 годы) волн исследования, что позволило проследить динамику социальных процессов за более чем десятилетний период.

Кроме того, анализируем основные дискурсивные и практические аспекты государственной семейной политики российского государства. В качестве информационной базы мы использовали основной нормативный правовой акт в этой сфере – Концепцию государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года⁴. А в качестве инструмента – концепт непреднамеренных последствий внешне конструктивных действий, который позволяет сделать прогнозы о результатах той или иной деятельности (Мертон и др., 2009).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Жизнестойкость семьи и динамика восприятия разводов и аборт

Участникам исследования *World Values Survey* был задан вопрос: в какой степени они готовы оправдать развод и аборт. Так, аборт в 1995 году были готовы оправдать 66,7 % респондентов, в 2014 году – 56,1 %. Развод в 90-е годы прошлого века оправдывался 72,9 % опрошенных россиян, в начале XXI века таких респондентов стало 76,9 %. Аборты по-разному оцениваются мужчинами и женщинами, при этом женщины оправдывают явление чаще, чем мужчины, независимо от волны исследования. Вероятно, это связано с тем, что женщина в ситуации разрыва отношений не готова к воспитанию ребенка одна.

Можно наблюдать рост неодобрения указанных явлений среди «семейных» респондентов. Так, например, процент «семейных» россиян, одобряющих аборт в 90-е годы, составлял 58 %, в 2000-е он сократился до 27 %, количество респондентов, живущих в зарегистрированном браке и одобряющих развод, составлял 51,5 и 30,7 % соответственно.

В целом можно констатировать, что оценка респондентами данных явлений, а значит и «хрупкость» семьи как социального института существенно не изменились за прошедшие десятилетия. Тем не менее наблюдается снижение числа респондентов, готовых оправдать аборт и, наоборот, увеличение числа опрошенных, оправдывающих развод. При этом число оправдывающих данные явления среди состоящих в браке снизилось больше. Сегодня российское общество по-разному оценивает важность семьи как социального института. Этот факт требует учета при разработке и реализации семейной политики.

³ *World Values Survey* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 10.01.2021).

⁴ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).

Особенности воспроизводства традиционных гендерных ролей

Рассмотрим три ситуации (вопросы анкеты), характеризующие трансформацию гендерных ролей в различных сферах жизнедеятельности (работа, политика, финансы) (табл. 1).

Таблица / Table

Динамика восприятия гендера, % / Dynamics of gender perception, %

Высказывание	Процент согласных с высказыванием	
	1995–1998 годы	2010–2014 годы
В ситуации нехватки рабочих мест мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины	49,0	29,1
В целом мужчины более эффективные политические лидеры, чем женщины	60,0	60,5
Если женщина зарабатывает больше, чем ее муж, это наверняка вызовет проблемы	41,7	23,9

Источник: составлено авторами по данным World Values Survey.

Анализируемые высказывания не просто репрезентируют разные сферы взаимодействия мужчин и женщин, они также отражают уровни пластичности гендерных границ в массовом сознании. Действительно, признать право женщины быть эффективным политическим лидером значительно сложнее, чем согласиться с ее правом претендовать на рабочее место или быть финансово успешной. Можно наблюдать постепенное размывание традиционных гендерных ролей. Количество положительных ответов, репрезентирующих консерватизм в восприятии гендера, снижается в начале XXI века. При этом мужчины значительно чаще демонстрируют консервативную позицию и традиционное восприятие гендерных ролей, чем женщины. Так, по результатам шестой волны (2010–2014 годы) исследования число женщин, не согласных с тем, что мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, практически в два раза превышает число мужских ответов. Таким образом, констатируем, что трансформация гендерных ролей во многом происходит именно за счет женщин, расширения их репертуара социальных практик и выхода за рамки традиционных социальных структур. Отметим также, что количество «несогласных» значительно выше среди респондентов, не состоящих в зарегистрированном браке. Этот факт означает, что семейность сегодня по-прежнему конструируется государством и обществом как институт социального контроля и воспроизводства жестких гендерных ролей.

Ценностные ориентации, структурирующие близкие отношения

Обратимся к анализу тех качеств, которые, по мнению респондентов, необходимо развивать у своих детей. В исследовании участникам предлагалось выбрать из 10 характеристик те, которые им хотелось бы видеть в своих

детях. Для выявления латентной структуры ответов был использован факторный анализ⁵, который позволил определить три фактора, репрезентирующих разные стратегии воспитания.

Первая стратегия (первый фактор) – это индивидуалистическая модель воспитания и, соответственно, близких отношений и семейности. Ключевыми ценностями, которые необходимо формировать у детей являются: воображение, решительность и настойчивость, независимость. Это типичная модель современности, которая активно воспроизводится различными институтами социализации и характеризуется структуриацией новых форматов близких отношений и семейности, основанных на индивидуализме, «текучем» характере отношений, расширении репертуара социальных и интимных практик.

Вторая стратегия (второй фактор) – традиционная, коллективистская модель воспитания. Ее аксиологические основы лежат в патриархальной, подданнической политической культуре, базирующейся на приоритете ценностей сообщества над личными и семейными интересами. Стратегия превозносит следующие ценности: трудолюбие, ответственность, терпимость и уважение к другим людям, бережливость. Данная модель в России тесным образом связана с советскими ценностными артефактами, попытками увидеть в этом некий «золотой век» семейности.

Третья стратегия (третий фактор) – это модель религиозного воспитания, и, соответственно, семейности, в основе которой лежит идея сакральности близких отношений, их структуриация посредством конфессионального контекста. В данную группу ценностей попали: религиозность, бескорыстие, послушание.

При этом отметим, что вторая и третья модели во многом сходны, их различие скорее в идеологемах, которые закладываются в основу структурирования близких отношений, нежели в дискурсе и социальных практиках семейности.

Если говорить о распределении данных моделей семейности среди опрошенных россиян, то ценности первой выбрали 33 %, второй – 38 %, третьей – 29 %. Такое достаточно равное распределение свидетельствует о серьезном расслоении российского общества. Если говорить о двух последних моделях как проявлении консервативной тенденции, можно констатировать, что на дискурсивном уровне в российском обществе сегодня наблюдается определенный возврат к некоей «традиционной» модели семейности, в основе которой лежит идея нуклеарной семьи, с достаточно четким гендерным распределением социальных ролей. Это подтверждается результатами исследований российских социологов. Некоторые авторы говорят о «консервативной мобилизации» (Sherstneva, 2014), другие о «гендерном откате» (Temkina and Zdravomyslova, 2014), подразумевая возвращение к жестким гендерным структурам в семейных и близких отношениях. Несомненно, такая ситуация тесным образом связана с государственной политикой в области семьи, активной интеграцией государства и официальных церковных организаций.

⁵ Факторный анализ проводился методом главных компонент и методом вращения «варианс». Полученные факторы объясняют 79 % дисперсии.

Таким образом, в последние десятилетия в отдельных сегментах российского общества обозначился возврат к традиционным консервативным моделям близких отношений, по крайней мере на дискурсивном уровне.

В то же время, как показывает проведенный анализ, не все жители России разделяют указанные ценности. Трансформация близких отношений на ценностном и дискурсивном уровнях носит асинхронный характер. Мужчины и женщины по-разному оценивают важность тех или иных типов социального поведения, границы гендерных ролей в современном мире. Несомненно, это связано с тем, что под влиянием целого ряда больших вызовов поменялись повседневные жизненные практики пар. Подобная асинхронность становится серьезной проблемой, поскольку отсутствие единого образа близких отношений у мужчин и женщин ведет к большему числу разводов и разрывов отношений. Этот фактор никак не учитывается при разработке и реализации государственной семейной политики. Не учтенным остается и то обстоятельство, что в нашей стране формируется не только консервативный тип семейности и близких отношений.

Несмотря на явно проявленный «консервативный» возврат, сегодня мы можем наблюдать возникновение целого спектра новых форм близких отношений и семейности, которые хотя и находятся на периферии социального поведения россиян, тем не менее не могут быть проигнорированы.

Во-первых, развитие высокоскоростного интернета приводит к появлению новых форм знакомства и отношений. Так в частности, опросы *Pew Research Center* позволяют констатировать, что порядка 59 % опрошенных американцев считают онлайн знакомства хорошим способом познакомиться⁶. Среди россиян этот процент значительно ниже. В частности, опросы ВЦИОМ показали, что в 2020 году лишь 12 % респондентов считают такой вариант знакомства приемлемым, а 5 % заявляют, что находятся в отношениях, начавшихся со знакомства в интернете⁷.

Распространение виртуальных форм знакомств и образования пар существенным образом меняет институт брачного выбора. Непринудительная стратегия выбора брачного партнера становится в условиях развития информационных технологий всеобъемлющей и практически не ограниченной. Легкость создания, изменения и прерывания отношений в интернете переносится на реальную жизнь, освоенная в виртуальном пространстве ценностная модель становится частью повседневной жизни и способствует трансформации института семьи.

Во-вторых, возникновение однополых и трансгендерных пар. Хотя в российском нормативном поле, в отличие от целого ряда европейских государств, отсутствует возможность для регистрации однополых браков, а государственная семейная политика ориентирована на жесткое неприятие подобных отно-

⁶ Part 2: Dating apps and online dating sites [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2013. 21 окт. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2013/10/21/part-2-dating-apps-and-online-dating-sites/> (дата обращения: 08.02.2021).

⁷ ВЦИОМ: каждый второй россиянин предпочитает искать любовь в кругу друзей [Электронный ресурс] // ТАСС. 2020. 14 фев. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7759177> (дата обращения: 12.02.2021).

шений, их существование в пространстве российского социума становится все более заметным. Так, например, исследование российских трансгендеров в возрасте от 15 до 25 лет свидетельствует о том, что 45 % из них планируют создание семьи (пусть и трансгендерной, но состоящей из двух родителей и детей) в будущем, 84 % активно выступают за легализацию однополых браков (Ушкова и Киреев, 2017, с. 92). Отметим, во-первых, наличие среди молодых россиян тех, кто определяет себя через призму трансгендерности, несмотря на жесткую стигматизацию этого явления в общественно-политическом дискурсе, во-вторых, тот факт, что эта категория молодых людей мыслит категориями классической нуклеарной семьи, пусть и однополый.

Сегодня мы наблюдаем активное информационное воздействие, объектом которого становится в первую очередь российская молодежь и российская семья. Одним из таких месседжей для молодого поколения является размывание гендерных границ, попытка придать гендеру политический смысл, форму протеста против косности и «серости» традиционных форматов семейности. В этом контексте особое значение приобретает государственная семейная политика, которая, с одной стороны, должна формировать ценности и модели поведения, способствующие сохранению и воспроизводству российского общества, с другой – гибко реагировать на обозначенные выше трансформации в сфере семейности. При этом институты, реализующие эту политику, должны использовать не только механизмы социального контроля дискурса и социальных практик, а использовать технологии, способные «перепрограммировать» деструктивные диспозиции и модели поведения в конструктивные.

Дискурс и практики государственной семейной политики

Трансформации института семьи становятся серьезным вызовом для государств. Попытки противодействовать им запретительными методами, усиливая механизмы социального контроля, нельзя рассматривать как эффективные. Атомизация современных обществ, широкое распространение интернета и социальных сетей, мгновенно делающих новые социальные практики и эксперименты общедоступными, требуют более гибких и адаптивных социальных технологий. С позиций управления необходимо балансировать между потребностью в воспроизводстве населения и теми социальными экспериментами с гендером, идентичностью, форматами отношений, которые сегодня захватывают весь мир. Недостаточно просто запретить гомосексуальные браки и убрать из официального дискурса эту тему, необходимо разработать целую систему социализации детей, подростков и молодежи, способную противостоять гибриднему информационному воздействию, формирующему подобный тип поведения.

В этом контексте возникает задача проанализировать основные дискурсивные и практические паттерны семейной политики в России, выделив те «узкие» места, которые не позволяют гибко и адаптивно реагировать на трансформационные процессы.

Для этого обратимся к основному документу, регламентирующему эту сферу – Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Концепция).

Семья в рамках Концепции рассматривается как фундаментальная основа российского общества, институт, способствующий его воспроизводству. При этом ключевым является понятие традиционных семейных ценностей, которые становятся приоритетом и целью реализации государственной семейной политики. Отметим, что сама по себе отнесенность к неким традициям и устоям прошлого зачастую является инструментом сохранения и развития того или иного общества. Достаточно посмотреть на азиатские культуры, где, несмотря на широкий спектр социальных инноваций, именно традиционные ценности лежат в основе развития этих стран. В то же время применительно к России содержание концепта традиционных ценностей не является очевидным. В рамках Концепции к традиционным семейным ценностям относятся: «ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению»⁸. Очевидно, что государственная семейная политика в нашей стране носит пронаталистский характер (подобная ситуация складывается практически во всех постсоветских государствах (Стрельник, 2014)). Основу ее составляет модель «кокона безопасности» (Giddens, 1992), а главной задачей является повышение рождаемости. При этом такая модель семейности начала формироваться еще во второй половине XVIII века и глубоко инкорпорирована в советское и постсоветское семейное право (Muravyeva, 2013). Дефициты подобного подхода видятся в следующем.

Во-первых, он не учитывает особенностей трансформации института семьи. Не говоря о каких-то серьезных девиациях, мы можем констатировать, что число официально незарегистрированных союзов мужчины и женщины в нашей стране, если и не растет, то по крайней мере не становится меньше. При этом очевидно, что такие пары, даже воспитывающие детей и проживающие совместно длительное время, не могут рассматриваться, например, как объект социальной поддержки со стороны государства, поскольку не являются семьей в консервативно-традиционном понимании, что, в свою очередь, может вести к их социальному исключению. При этом определенная часть из них может не регистрировать свой брак, например, по религиозным мотивам. «Традиционность» таких семей (выше мы говорили, что порядка 30 % россиян разделяют сугубо религиозный взгляд на воспитание детей и семейность) не меньше, чем официально зарегистрированной гетеросексуальной пары. В данном случае мы видим жесткие социальные структуры, которые исключают из фокуса внимания государства подобные союзы и препятствуют воспроизводству российского общества. Это связано с ригидностью государственной политики, неспособностью отказаться от декларативного подхода, заменив его более утилитарным и прагматичным. Несомненно, Концепция

⁸ Концепция государственной семейной политики...

как документ не содержит жестких предписаний, это лишь рамка государственной политики, тем не менее представляется, что именно в этом документе должна быть заложена некоторая вариативность моделей семейности.

Во-вторых, развитие институт семьи обладает более широкой функциональностью, чем деторождение и воспитание детей. Семья – это и экономический институт, институт социальной поддержки для всех членов семьи. Попытка авторов Концепции свести семейность только к рождению и воспитанию детей представляется явно ограниченной. Развитие мирового сообщества (включая Россию) и наблюдаемые нами социальные тренды демонстрируют, что сегодня остается все меньше межпоколенных семей, проживающих совместно. В этой ситуации родители рано или поздно остаются одни в первую очередь в социальном и психологическом плане. С точки зрения анализируемого документа, такая семья пожилых перестает быть интересной государству. Более того, собственно забота о пожилых родителях перекладывается государством на других членов семьи. Так, в третьем разделе Концепции утверждается, что «роль семьи предусматривает ее активное участие в...обеспечении заботы о пожилых и нетрудоспособных членах семьи и создании условий для их долголетия»⁹. Подчеркнем, что такой подход вступает в противоречие с ключевыми трендами современности, с трансформациями жизненных стилей людей. Думается, что расширенное понимание семьи (не только как института пронатализма) могло бы существенно снизить напряженность целого спектра социальных проблем, в частности социального благополучия пожилых. В рамках предыдущего исследования мы отмечали, что чем старше становятся россияне, тем чаще они не чувствуют поддержки со стороны окружения. Так, если в возрасте 18–35 лет данный ответ встречается в 22,62 % случаев, в возрасте 36–50 лет – 26,7 %, то в возрасте 51–65 лет он составляет уже 50,68 %. Такая динамика показателя позволяет констатировать фактическое социальное исключение значительной части зрелых россиян (Смирнов, 2020, с. 40). Таким образом, институт семьи в России на сегодняшний день не является социальным механизмом поддержки и социальной интеграции для людей старшего поколения, при этом Концепция на дискурсивном уровне лишь усиливает эту тенденцию.

Обратимся к рассмотрению социальных механизмов, с помощью которых должна реализовываться государственная семейная политика. Выделим те, которые, на наш взгляд, учитывают ключевые социальные тренды современности.

Во-первых, это экономическая поддержка семьи, создание условий для повышения уровня благосостояния ее членов. Наиболее привлекательным в данном аспекте представляется поддержка развития семейного бизнеса, создание условий для расширения экономической устойчивости семьи. В частности, в плане мероприятий по реализации первого этапа Концепции¹⁰ предлагалось разработать механизмы поддержки бизнес-проектов,

⁹ Там же.

¹⁰ Об утверждении плана мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 09.04.2015 № 607-р. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/government/166> (дата обращения: 02.02.2021).

реализуемых семьями, имеющими детей. При этом очевидно, что многие семьи нуждаются в государственной поддержке своего бизнеса до рождения ребенка, чтобы сформировать необходимый капитал для расширения семьи. Тем не менее наличие данного пункта в плане является значимым, поскольку учитывает тренд на развитие бизнеса и самозанятости среди россиян. В то же время, если проанализировать, каким образом план реализовывался¹¹, то окажется, что деятельность в рамках данного направления носит формальный и бюрократический характер. Авторы отчета указывают, что механизмы поддержки бизнес-проектов, реализуемых семьями, имеющими детей, содержатся в других государственных программах и реализуются в их рамках. В данном случае мы сталкиваемся с ярким проявлением «рекурсивного социального программирования», когда одна программа ссылается на другую, та на третью и т.д. В конечном итоге становится невозможным определить, достигнуты ли целевые показатели конкретного нормативного правового документа или нет.

Во-вторых, развитие социальной инфраструктуры для работы с семьей со стороны государства и некоммерческого сектора. В данном случае наибольший интерес вызывает стремление государства передать часть функций по работе с семьей социально-ориентированным некоммерческим организациям (СО НКО). Действительно, следуя логике теории «провалов рынка» (Vecchetti et al., 2019), нужно исходить из того, что общественные институты значительно эффективнее должны реализовывать отдельные направления семейной политики. К сожалению, сегодня проектную деятельность российских некоммерческих организаций вряд ли можно назвать эффективной и ориентированной на достижение конкретных измеряемых результатов. Значительное число проектов СО НКО носят мероприятийный характер и не решают значимых социальных проблем (Смирнов, 2016). Недостаточным в этом направлении выглядит и активность государства в области вовлечения социального бизнеса в сферу образовательных, информационных услуг для современной российской семьи.

Наконец, создание и тиражирование позитивного контента, направленное на укрепление традиционных форматов семейности. Отметим, что в условиях гибридного информационного воздействия, единственный действенный инструмент информационного сдерживания – это разработка и тиражирования привлекательного для разных категорий россиян контента, способного формировать ценностные и поведенческие установки. В плане по реализации Концепции представлено несколько групп мероприятий, ориентированных на эту деятельность. Мы вряд ли сможем оценить их эффективность, но выдвинем относительно нее несколько предположений, опираясь на результаты собственных исследований.

¹¹ *Информация о ходе выполнения плана мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.04.2015 № 607-р [Электронный ресурс] // офиц. сайт М-ва труда и соц. защиты Рос. Федерации. 2019. 28 мая. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/1333> (дата обращения: 02.02.2021).*

Очевидно, что информационное воздействие на человека, результатом которого становится формирование дискурсивного и практического сознания, происходит по всем направлениям. Чаще всего наибольший эффект имеет латентное воздействие, завуалированное в более широком информационном контексте. Для демонстрации этого эффекта нами были изучены 300 аннотаций современных книг, в названии которых в том или ином контексте упоминалась семья. Аннотации были взяты с сайта магазина электронных книг *ЛитРес*¹². Для анализа использовался свободно распространяемый язык программирования *Python*, в частности библиотека *Word2vec*¹³. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что основу данного вида литературы составляет контент, тем или иным образом способствующий разрушению традиционных семейных ценностей (как они представлены в Концепции). Так, например, в связке с термином «семья» в 30 % случаев встречается термин «развод», в то же время «любовь» появляется рядом лишь в 18 % случаев. Наиболее часто встречающаяся пара для термина «муж» – это «измена» (почти 35 % случаев), появление «любви» в данном случае снижается до 14 %. Таким образом, современная массовая литература содержит далекие от идеала Концепции модели и практики поведения людей в близких отношениях. Если взглянуть на продукт российского массового кино, то там данная тенденция еще более выражена. Ни один российский сериал сегодня не обходит стороной тему измен и разводов. В этой связи представляется, что система официальной государственной пропаганды семейных ценностей является неэффективной, поскольку ежедневно среднестатистический россиянин получает огромный объем латентной информации, содержащей совсем другие ценностные модели поведения. Это, несомненно, дисфункция семейной политики российского государства, не учитывающего данную ситуацию и полагающего, что прямые информационные указания обладают серьезным воспитательным эффектом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под воздействием глобальных угроз и больших вызовов институт семьи переживает целый спектр изменений. Те из них, что носят деструктивный характер, должны нивелироваться системной и продуманной государственной семейной политикой.

Однако проведенный анализ позволяет констатировать наличие целого спектра дисфункций семейной политики российского государства.

Самой серьезной из них, на наш взгляд, является ригидность дискурсивных и социальных практик, попытка игнорировать реальные изменения, которые переживают сегодня близкие отношения. Нормативный характер семейной политики не только не учитывает изменения жизненных стилей и практик людей, но и не позволяет создать действительно работающие социальные тех-

¹² *ЛитРес* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/?yclid=1417676080205563298> (дата обращения: 08.01.2021).

¹³ *Word2vec* 0.11.1 [Электронный ресурс]. URL: <https://pypi.org/project/word2vec/> (дата обращения: 08.01.2021).

нологии, способные противостоять деструктивному гибриднему информационному воздействию. Рассмотрение семьи как института, главной функцией которого является деторождение (пронатализм), приводит к потере целого спектра возможностей, которыми обладает этот институт, включая социальную поддержку, интеграцию, повышение уровня социального благополучия ее членов, сохранение профессиональной, социальной и гражданской активности.

Государственная семейная политика конструируется в достаточно простой бихевиориальной логике. Государственный дискурс относительно семьи, традиционных семейных ценностей и прочего транслируется в общество напрямую, в формате пропагандистских клише. На такой информационный стимул ожидается симметричный ответ, который в действительности не происходит, поскольку посыл теряется в огромном объеме другой информации, в большинстве своем ориентированной на разрушение этих самых традиционных ценностей. Решением подобной проблемы могло бы стать активное участие в семейной политике институтов гражданского общества. К сожалению, как показывают наши предыдущие исследования (Смирнов, 2016), современные российские некоммерческие организации не обладают достаточным потенциалом, чтобы в логике «провалов рынка» стать серьезным актором на этом рынке социальных услуг и технологий.

Наконец, семейная политика слабо интегрирована с другими направлениями государственной политики: отсутствуют единые методологические и методические подходы к развитию человека на протяжении всей его жизни. Одним из дисфункциональных проявлений этого является «рекурсивное» социальное программирование, ведущее к взаимным ссылкам одной государственной программы на другую.

Современная Россия нуждается в переосмыслении государственной семейной политики, поиску адекватных современности социальных технологий сохранения и развития семейности как ключевой ценности России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Костромского государственного университета на период 2020–2023 годы по теме «Близкие отношения и семья в жизненном пространстве современности: вызовы, совладание, ресурсы, развитие» (FZEW-2020-0005).

Библиографический список

- Акаев А. А., Акаева Б. А. Вызовы глобального демографического перехода и неотложность стратегических решений // Век глобализации. 2011. № 1. С. 44–66.
- Владимиров В. А. Современные угрозы человечеству и основные принципы и направления обеспечения безопасности на региональном уровне // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. Т. 4, № 1. С. 626–642.

Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 193–200.

Иванов О. Б. Современный мир: глобальные тенденции, вызовы и угрозы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 20–36. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10066.

Крашенинников П. В., Бадулина Е. В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24. DOI: 10.18572/1999-477X-2020-4-19-24.

Кудрявцева Л. В., Бурлаченко М. А. Однополые браки как одна из коллизиионо-правовых проблем брака и семьи // Аллея Науки. 2018. Т. 3, № 9. С. 587–589.

Лафитский В. И. Конституционные ценности семьи в борьбе цивилизации за выживание. М.: Проспект, 2021. 224 с.

Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

Романовская О. В. Конституция, либертарианский патернализм и приватизация брака // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 17–20. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-7-17-20.

Смирнов В. А. Проектная деятельность российских некоммерческих организаций: ключевые проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 62–69.

Смирнов В. А. Факторы социального самочувствия жителей российской провинции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 3. С. 24–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42.

Стрельник Е. А. Государственный неотрадиционализм и семейная политика в Украине // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 97–102.

Ушкова И. В., Киреев Е. Ю. Трансгендерность в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 82–96. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.05.

Шабров О. Ф. Глобальные факторы политического управления: новые возможности и новые риски // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 2. С. 236–244. DOI: 10.21638/11701/spbu23.2019.205.

Шульга Р. Ю. Вопросы морали и нравственности в фокусе правового регулирования: российский и зарубежный контекст // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 56–61. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-12-56-61.

Becchetti L., Bruni L., Zamagni S. The microeconomics of wellbeing and sustainability. Recasting the economic process. London; Oxford, San Diego, CA; Cambridge, MA: Academic Press, 2019. 480 p.

Giddens A. The transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies. London: Polity Press, 1992. 216 p. DOI: 10.2307/2075988.

Kaldewey D. The grand challenges discourse: Transforming identity work in science and science policy // Minerva. 2018. Vol. 56, № 2. P. 161–182. DOI: 10.1007/s11024-017-9332-2.

Mertens P., Barbian D. Researching “grand challenges” // *Business and Information Systems Engineering*. 2015. Vol. 57, № 6. P. 391–403. DOI: 10.1007/s12599-015-0405-1.

Muravyeva M. “A king in his own household”: Domestic discipline and family violence in early modern Europe reconsidered // *History of the Family*. 2013. Vol. 18, № 3. P. 227–237. DOI: 10.1080/1081602X.2013.817349.

Sherstneva N. Why are children’s rights so dangerous: Interpreting juvenile justice in the light of conservative mobilization in contemporary Russia // *Women’s history in Russia: (Re) visiting the field* / Ed. by M. Muravyeva, N. Novikova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 193–216.

Temkina A., Zdravomyslova E. Gender’s crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62, № 2. P. 253–270. DOI: 10.1177/0011392113515566.

Ulnicane I. “Grand challenges” concept: A return of the “big ideas” in science, technology and innovation policy? // *International Journal of Foresight and Innovation Policy*. 2016. Vol. 11? № 1/2/3. P. 5–21. DOI: 10.1504/IJFIP.2016.078378.

Информация об авторах

Смирнов Владимир Алексеевич – д-р социол. наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

ORCID: 0000-0003-1228-9318

ResearcherID: V-1007-2019

Электронный адрес: kano_igt@mail.ru

Груздев Владислав Владимирович – д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

ORCID: 0000-0001-6315-8399

ResearcherID: –

Электронный адрес: vgruzdev@ksu.edu.ru

Статья получена 11 февраля 2021 года

UDC 316.334.3

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-71-88

FAMILY POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE FACE OF GRAND CHALLENGES: MAIN PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Vladimir A. Smirnov

Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky str., Kostroma,
156005, Russia

ORCID: 0000-0003-1228-9318

ResearcherID: V-1007-2019

E-mail: kano_igt@mail.ru

Vladislav V. Gruzdev

Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky str., Kostroma,
156005, Russia

ORCID: 0000-0001-6315-8399

ResearcherID: –

E-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

For citation:

Smirnov, V. A. and Gruzdev, V. V. (2021), “Family policy of the Russian state in the face of grand challenges: Main problems and contradiction”, *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 71–88, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-71-88.

Introduction: one of the most important great challenges is the demographic transition which brings about changes in people's life styles, aging of the population and the expansion of various kinds of social, sometimes rather destructive, experiments. This, in turn, requires adequate actions on the part of the state, development of an effective social policy that can offset the effects of major challenges, as well as destructive hybrid influences both within the country and from outside.

Objectives: to identify the main problems and contradictions of the state family policy in Russia, to assess its adequacy against the trends in modern societies development.

Methods: formal-logical, comparative, secondary data analysis, content analysis.

Results: a number of directions in transformation of family life and their manifestations in Russia have been identified; main discursive and practical aspects of the state family policy have been analyzed as well as its key dysfunctions.

Conclusions: family resilience as a social institution has not changed significantly over the past 20 years. However, the number of Russians who are ready to justify abortion is declining, and, conversely, the number of those who are ready to justify divorce is increasing. The family today is still constructed as an institution of social control and reproduction of rigid gender roles. Moreover, in recent decades, certain strata of Russian society have returned to traditional conservative models of close relationships.

State family policy is unable to neutralize the negative consequences of grand challenges and needs to be rethought. Its key dysfunction is the rigidity of discursive and social practices, ignorance of the real changes that are taking place in close relationships today. In addition, family policy is poorly integrated with other areas of state policy: there are no uniform methodological approaches to lifelong human development.

Keywords: family institution; state family policy; dysfunctions; grand challenges

ACKNOWLEDGEMENTS

The research has been funded through the Russian Ministry of Science and Higher Education state target to Kostroma State University for 2020–2023

(topic FZEW-2020-0005: “Close relationships and family in the modern living space: Challenges, coping, resources, development”).

References

- Akaev, A. A. and Akaeva, B. A. (2011), “Challenges of the global demographic transition and the urgency of strategic decisions”, *Age of globalization*, no. 1, pp. 44–66.
- Vladimirov, V. A. (2014), “Modern threats to humanity and the main principles and directions of ensuring security at the regional level”, *Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya*, vol. 4, no. 1, pp. 626–642.
- Galkina, E. P. and Kadnichanskaya, M. I. (2015), “Transformation of the institution of family in today’s modernization process”, *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, no. 3, pp. 193–200.
- Ivanov, O. B. (2019), “Modern world: Global trends, challenges and threats”, *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, no. 1, pp. 20–36, doi: 10.24411/2071-6435-2019-10066.
- Krashennnikov, P. V. and Badulina, E. V. (2020), “The support of the family institute: Constitutional amendments”, *Family and Housing Law*, no. 4, pp. 19–24, doi: 10.18572/1999-477X-2020-4-19-24.
- Kudryavtseva, L. V. and Burlachenko, M. A. (2018), “Same-sex marriage as one of the conflict-of-laws problems of marriage and family”, *Alleya nauki*, vol.3, no. 9, pp. 587–589.
- Lafitsky, V. I. (2021), *Konstitutsionnye tsennosti sem’i v bor’be tsivilizatsii za vyzhivanie* [Constitutional values of the family in the struggle of civilizations for survival], Prospekt, Moscow, Russia.
- Merton, R. (2009), “The unanticipated consequences of purposive social action”, *Sociological journal*, no. 2, pp. 5–17.
- Romanovskaya, O. V. (2020), “Constitution, libertarian paternalism and the privatization of marriage”, *Constitutional and Municipal Law*, no. 7, pp. 17–20, doi: 10.18572/1812-3767-2020-7-17-20.
- Smirnov, V. A. (2016), “Project activity of Russian non-profit organizations: Key problems and contradictions”, *Sociological research*, № 2, pp. 62–69.
- Smirnov, V. A. (2020), “Factors of social well-being of the inhabitants of the Russian province”, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 26, no. 3, pp. 24–42, doi: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42.
- Strelnik, E. A. (2014), “Public neo-traditionalism and family policies in Ukraine”, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no. 9, pp. 97–102.
- Ushkova, I. V. and Kireev, E. Yu. (2017), “Transgenderism in modern Russian society”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 2, pp. 82–96, doi: 10.14515/monitoring.2017.2.05.
- Shabrov, O. F. (2019), “Global political management factors: New opportunities and new risks”, *Political Expertise: POLITEX*, vol. 15, no. 2, pp. 236–244, doi:10.21638/11701/spbu23.2019.205.
- Shulga, R. Yu. (2019), “Issues of morality and ethics in the focus of legal regulation: The Russian and foreign context”, *State Power and Local Self-government*, no. 12, pp. 56–61, doi: 10.18572/1813-1247-2019-12-56-61.

Becchetti, L., Bruni, L. and Zamagni, S. (2019), *The microeconomics of wellbeing and sustainability. Recasting the economic process*, Academic Press, L., Oxford, UK, San Diego, CA, Cambridge, MA, US.

Giddens, A. (1992), *The transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies*, Polity Press, L., UK, doi: 10.2307/2075988.

Kaldewey, D. (2018), "The grand challenges discourse: Transforming identity work in science and science policy", *Minerva*, vol. 56, no. 2, pp. 161–182, doi: 10.1007/s11024-017-9332-2.

Mertens, P. and Barbian, D. (2015), "Researching "grand challenges", *Business and Information Systems Engineering*, vol. 57, no. 6, pp. 391–403, doi: 10.1007/s12599-015-0405-1.

Muravyeva, M. (2013), "A king in his own household": domestic discipline and family violence in early modern Europe reconsidered", *History of the Family*, vol. 18, no. 3, pp. 227–237, doi: 10.1080/1081602X.2013.817349.

Sherstneva, N. (2014), "Why are children's rights so dangerous: Interpreting juvenile justice in the light of conservative mobilization in contemporary Russia", in Muravyeva, M. and Novikova, N. (eds.), *Women's history in Russia: (Re) visiting the field*, Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, UK, pp. 193–216.

Temkina, A. and Zdravomyslova, E. (2014), "Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy", *Current Sociology*, vol. 62, no. 2, pp. 253–270, doi: 10.1177/0011392113515566.

Ulnicane, I. (2016), "Grand challenges" concept: A return of the "big ideas" in science, technology and innovation policy?", *International Journal of Foresight and Innovation Policy*, vol. 11, no. 1/2/3, pp. 5–21, doi: 10.1504/IJFIP.2016.078378.

Received February 11, 2021

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

УДК 351.71:004

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-89-109

DIGITAL SKILLS VS SOFT SKILLS: НОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Ю. Ю. ЛЕКТОРОВА

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
г. Пермь, Россия

А. Ю. ПРУДНИКОВ

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
г. Пермь, Россия

П. В. МЕДВЕДЕВА

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Лекторова Ю. Ю., Прудников А. Ю., Медведева П. В. Digital skills vs soft skills: новые компетенции профессионального развития на государственной службе // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 89–109. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-89-109.

Введение: интенсификация взаимодействия органов государственной власти с населением на виртуальных коммуникативных площадках, включая активную разработку и воплощение идей электронного правительства, актуализирует вопрос развития профессиональных компетенций государственных служащих.

Цель: выявление концептуального подхода к содержанию программ цифрового профессионального развития государственных служащих, детализация стратегических знаний и тактических умений, необходимых им в условиях дигитализации социально-политической сферы жизни общества.

Методы: экспертное интервью, сравнительно-сопоставительный метод анализа digital-площадок повышения квалификации государственных служащих, контент-анализ комментариев участников конкурса «Лидеры России» и «Лидеры России. Политика».

Результаты: приводятся данные сравнительно-сопоставительного исследования образовательных площадок по повышению квалификации государственных служащих в области цифровой грамотности. Авторы предлагают схему необходимых цифровых знаний

в системе государственного менеджмента для структурных подразделений органов государственной власти, отвечающих за стратегические коммуникации с населением. Результаты экспертного интервью и данные контент-анализа актуализируют спрос на digital-компетенции среди государственных служащих.

Выводы: система профессиональной переподготовки кадров для государственной службы должна отвечать новым требованиям – обеспечивать эффективное функционирование сервисов электронного правительства, краудсорсинговых платформ, официальных ведомственных веб-ресурсов, групп и страниц в социальных сетях, поддерживать там диалог и взаимодействие с населением. Новый функционал государственного служащего, вытекающий из процесса дигитализации государственного управления, требует выработки новых подходов к компетентностной модели их подготовки и переподготовки. На первое место в этой связи выходят навыки владения цифровыми компетенциями, помноженные на постоянное совершенствование soft skills. Существующие на сегодня в России механизмы овладения данными компетенциями позволяют решать задачи совершенствования всей системы государственного управления, но не с максимальной эффективностью. Очевидно, что рынок услуг повышения квалификации государственных служащих недостаточно развит и затрачиваемые на эти цели ресурсы используются не самым оптимальным образом.

Ключевые слова: государственная политика; дигитализация государственного управления; электронное правительство; цифровые компетенции государственных служащих; digital skills; soft skills

ВВЕДЕНИЕ

В процессе развития информационно-коммуникационных технологий и постепенного внедрения их в систему государственного управления происходит формирование особой виртуальной коммуникативной площадки, где востребованными становятся новые компетенции, ориентированные на цифровые знания и умения (Bertot et al., 2016; Татарина, 2017; Васильева, 2018, 2019; Чичварова, 2018). Дигитализация политической коммуникации между властью и обществом предусматривает наличие у акторов способностей и опыта решения разноплановых задач в области использования информационно-коммуникационных технологий (Матвеев, 2019; Щекоцина и др., 2019).

На сегодняшний день требования федерального законодательства распространяются только на официальные сайты органов власти с целью обеспечения доступа населения к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления¹. При этом по данным исследования ВЦИОМ на 2018 год, 65 % россиян старше 18 лет пользуются социальными сетями хотя бы один раз в неделю, 45 % – ежедневно. При этом 55 % пользователей использует социальные сети в качестве источника общественных новостей (Ерышев, 2018, с. 33).

Виртуальная коммуникативная площадка в системе государственного управления включает официальные веб-сайты органов власти, интернет-порталы, блоги руководителей, аккаунты в социальных сетях и мессенджеры. Таким образом, у государственных служащих появляется дополнительный

¹ Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [Электронный ресурс]: Федер. закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 25.01.2021).

функционал, связанный с разработкой стратегии присутствия органа власти и руководителя в социальных сетях или на сайте, созданием контента, коммуникацией с пользователями и подписчиками, разработкой графического оформления интернет-ресурсов и аналитикой данных (сбор и анализ статистики).

Кроме того, в системе государственного управления используются информационно-коммуникационные технологии, направленные на предоставление государственных и муниципальных услуг для граждан в электронной форме. Реализация задач по развитию электронного правительства стартовала в 2002 году с принятием Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)»², продолжалась в рамках государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)»³ и на сегодня регламентирована указом Президента Российской Федерации 2017 года «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»⁴. Эти документы ориентированы, прежде всего, на рост качества предоставления государственных и муниципальных услуг, формирование имиджа открытости власти и условий двусторонней коммуникации между властью и обществом.

Одним из основных сервисов, обеспечивающих перевод услуг в электронную форму, является Единый портал государственных и муниципальных услуг⁵, а также региональные порталы государственных и муниципальных услуг, действующие почти во всех субъектах Российской Федерации. Портал «Госуслуги» позволяет гражданам, предпринимателям и юридическим лицам получать сведения о государственных и муниципальных услугах (функциях), включенных в федеральный реестр, и получать эти услуги в электронной форме. Сервис заработал в конце 2009 года, а уже к марту 2018 года на нем зарегистрировалось почти 70 млн человек, которые воспользовались им более 1,3 млрд раз⁶. Портал оказался востребованным инструментом и позволил повысить уровень доступности государственных и муниципальных услуг для населения, а для бизнеса – снизить бюрократическую нагрузку.

По данным Федеральной службы государственной статистики за 2018 год⁷ с органами государственной власти и местного самоуправления

² *Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)»* [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 28.01.2002 № 65. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/> (дата обращения: 21.05.2020).

³ *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 15.04.2014 № 313. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения: 18.05.2020).

⁴ *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы* [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 09.05.2017 № 203. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 18.05.2020).

⁵ *Единый портал государственных и муниципальных услуг* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 18.05.2020).

⁶ Кузаев М. Насколько хороши цифровые госуслуги в России по сравнению с другими странами? [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 18 февр. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6123128> (дата обращения: 20.05.2020).

⁷ *Индикаторы цифровой экономики: 2019: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2019* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2019> (дата обращения: 21.05.2020). С. 184.

в России взаимодействовали 72,9 % людей от общей численности населения в возрасте 15–72 лет.

Коммуникация с представителями органов власти в 2018 году в 54,5 % случаях осуществлялась через Интернет с использованием официальных сайтов и порталов. В 2017 году этот показатель составлял 42,3 %, в 2016 – 28,8, в 2015 – всего 18,4 (рис. 1). Статистические данные свидетельствуют о положительной динамике дигитализации политической коммуникации между властью и обществом: с каждым годом все больше россиян выбирают онлайн-формы взаимодействия.

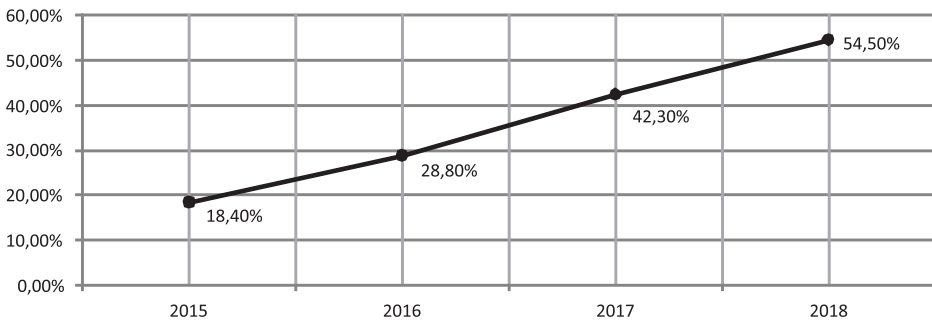

Рис. 1. Взаимодействие населения с органами государственной власти и местного самоуправления через Интернет / Fig. 1. Interaction of the population with government and municipal authorities via the Internet⁸

Анализируя индикаторы цифровой экономики, можно выделить ключевые направления онлайн-взаимодействия с органами власти (рис. 2).

Рис. 2. Наиболее распространенные цели онлайн-взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления / Fig. 2. Most popular objectives in online communication with the government and municipal authorities⁹

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 190.

Данные сводной диаграммы отражают рейтинг ключевых направлений взаимодействия власти и общества: получение информации через веб-сайты и порталы государственных и муниципальных услуг (71,7 %), запись на прием через интернет (57,1 %), осуществление обязательных платежей (45,9 %), получение результатов предоставления услуг (31,8 %), отправка заполненных форм и других документов (31,7 %), скачивание типовых форм для заполнения (29,6 %), получение уведомлений с порталов услуг на электронную почту и в СМС (23,9 %).

В настоящее время цифровая среда становится приоритетной для взаимодействия власти и общества: количество людей, получающих государственные и муниципальные услуги в электронной форме, с каждым годом растет. В 2018 году эта доля составила 74,8 % от общего числа россиян в возрасте 15–72 лет, получавших государственные и муниципальные услуги, в 2017 году – 64,3 %, в 2016 – 51,3 %, а в 2015 – 39,6 %¹⁰.

В целом работу портала Госуслуг можно признать удовлетворительной. По данным официальной статистики, почти три четверти населения оценивают качество предоставленных услуг в электронной форме положительно: 73,2 % – полностью удовлетворены, 25,8 % – частично удовлетворены, 1 % – не удовлетворены¹¹. Положительную оценку portalу ставят не только жители страны, но и международные эксперты. В 2018 году Россия заняла 32 место в рейтинге по Индексу развития электронного правительства¹² среди 193 стран. Самыми развитыми были признаны порталы Дании, Австралии, Республики Корея, Великобритании и Швеции. При этом отрыв от лидера незначительный: индекс Дании – 1, а российский – 0,92.

Еще одним каналом digital-взаимодействия власти и общества является внедрение краудсорсинговых платформ (чаще всего с использованием ГИС-технологий), призванных выступать не просто механизмом приема и обработки интернет-обращений граждан, но и действенным средством, позволяющим привлечь население к совместному решению различных государственных и общественных проблем (Прибытков, 2017). Примерами могут служить московские интернет-проекты: информационная система «Вместе.ру»¹³, интерактивный геоинформационный портал «Наш город»¹⁴, мобильное приложение и сайт для онлайн-голосований «Активный Гражданин»¹⁵, краудсорсинг-проекты Правительства Москвы «Город идей»¹⁶, а также пермский проект «Управляем вместе»¹⁷, созданный в апреле 2017 года по инициативе экс-губернатора Пермского края Максима Решетникова.

¹⁰ Там же. С. 185.

¹¹ Там же. С. 184.

¹² *Цифровая экономика: 2020: кратк. стат. сб.* М.: НИУ ВШЭ, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/icekr> (дата обращения: 21.05.2020). С. 67.

¹³ «Вместе.ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://vmeste.ru/> (дата обращения: 21.05.2020).

¹⁴ *Москва наш город.* Портал мэра Москвы Собянина С. С. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorod.mos.ru/> (дата обращения: 21.05.2020).

¹⁵ *Активный Гражданин* [Электронный ресурс]. URL: <https://ag.mos.ru/> (дата обращения: 21.05.2020).

¹⁶ *Город идей* [Электронный ресурс]. URL: <https://crowd.mos.ru> (дата обращения: 12.11.2020).

¹⁷ *Управляем вместе* [Электронный ресурс]. URL: <https://vmeste.permkrai.ru/> (дата обращения: 05.12.2020).

По примеру столицы на пермском портале регулярно обновляется информация и предлагаются в качестве тем для обсуждения и коллективного принятия решений те или иные инициативы и проблемные вопросы. За год эффективность площадки, по данным ее организаторов, выросла в пять раз. На «Управляем вместе» были зарегистрированы 86 тыс. пользователей, опубликовано 28,5 тыс. сообщений о проблемах, признаны таковыми 24 тыс., решены почти 21 тыс. Кроме того, проведены 11 голосований и реализованы два краудсорсинг-проекта¹⁸.

Стоит отметить, что сами по себе краудсорсинговые технологии несут немало выгод не только для граждан, которые с их помощью получают новые возможности для участия в управлении той или иной территорией, но и для власти, чье прямое предназначение – эффективная организация коллективных действий и придание им конструктивного созидательного характера.

При этом для власти проекты, реализуемые на принципах краудсорсинга, в случае их успешного претворения в жизнь и последующего стабильного функционирования, могут служить инструментами политической коммуникации и давать ощутимые выгоды, такие как:

- повышение эффективности управления территорией;
- интенсификация прямой коммуникации с гражданами;
- придание легитимности либо популярности управленческим решениям, сокращение рисков противодействия их реализации со стороны стейкхолдеров, групп интересов и общественности;
- доступ к дополнительным финансовым и нефинансовым ресурсам частных лиц для решения общезначимых проблем и задач;
- сбор и анализ информации пользователей, которую в дальнейшем можно использовать как в выборной кампании, так и в процессе формирования повестки дня;
- мобилизация электората;
- имиджирование ведомства или его подразделения, руководителя.

Таким образом, взаимодействие власти и общества по-новому, с одной стороны, сулит выгоду, а с другой стороны, чревато повышением рисков, если цифровые форматы диалога используются непрофессионально и преимущественно бессистемно. Очевидно, что немалую роль в нивелировании указанных рисков играет степень овладения государственными служащими дополнительными цифровыми знаниями, умениями, навыками. С целью подготовки государственных служащих к виртуальному диалогу с населением одним из направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы признано внедрение новых форм профессионального развития, в том числе предусматривающих использование информационно-коммуникационных технологий¹⁹.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 24.06.2019 № 288. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60815> (дата обращения: 21.05.2020).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

По оценкам Министерства финансов Российской Федерации, в 2019 году количество федеральных государственных гражданских служащих составляло 603 тыс. человек, региональных 252 – тыс. человек, муниципальных служащих в органах местного самоуправления – 395 тыс.²⁰ Профессиональное развитие такой группы обучающихся в короткие сроки представляется затруднительным без создания универсальных механизмов и алгоритмов реализации.

Говоря о новых компетенциях профессионального развития для государственных служащих, мы понимаем, что нужно создавать условия для оптимизации кадрового потенциала в системе государственного управления. В теоретическом дискурсе понятие «кадровый потенциал» не идентично понятию «кадры» – в него входят не только персонал, но и определенный уровень их совместных возможностей, которые могут быть использованы в определенный момент времени (Кречетников, 2014, с. 97). Таким образом, согласимся с определением Т. В. Зайцевой, которая под кадровым потенциалом государственной организации понимает «совокупность доступных организации человеческих ресурсов, чьи опыт, знания, компетенции и индивидуальные особенности могут быть использованы для реализации общественного предназначения государственного органа и достижения ее краткосрочных и долгосрочных целей (Зайцева, 2010, с. 181).

На данный момент в России не утверждена единая модель компетенций государственных служащих, которая бы учитывала все уровни и ветви государственной власти. При этом теоретики предпринимают попытки разработки компетентностных моделей, предлагая различные комбинации знаний, умений и навыков (Васильева, 2018, 2019, 2020; Васильева и др., 2018; Архипова, 2018). Несмотря на разнообразие моделей, исследователи сходятся во мнении, что важнейшим направлением государственной кадровой политики становится обновление аппарата управления и повышение профессиональной квалификации управленческого персонала.

С точки зрения формирования «совокупного портфеля компетенций» (“skills stock”), целесообразно выделять базовые компетенции для государственных служащих и управленческие компетенции для руководителей (Гохберг, 2019, с. 27). Дифференциация компетенций по линии субординации учитывает содержание необходимых знаний и умений для выполнения функционала занимаемой должности: hard skills и soft skills (Mergel, 2016; Mergel et al., 2020; Овчарук, 2020).

Так, hard skills (в переводе с английского языка «жесткие» навыки) – это профессиональные, узкоспециализированные компетенции, которые можно наглядно продемонстрировать и оценить (например, знание иностранных языков, навыки работы за компьютером, навыки финансового анализа, делопроизводство). Формирование же soft skills (в переводе с английского языка «мягкие» навыки) связано с универсальными социально-

²⁰ Калюков Е. Минфин назвал общую численность чиновников в России [Электронный ресурс] // РБК. 2019. 23 сент. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/09/2019/5d8868bb9a7947414a3753bd> (дата обращения: 21.05.2020).

психологическими качествами, присущими человеку независимо от занимаемой должности и профессии. К категории «мягких» навыков относят коммуникативные навыки, организованность, способность решать конфликты, умение убеждать, работать в команде, адаптивность, эмоциональный интеллект.

При этом digital skills (в переводе с английского языка «цифровые» навыки), которые учитывают цифровую грамотность и знания информационно-коммуникационных технологий, в равной степени востребованы как руководителями органов власти, так и специалистами, отвечающими за размещение контента на официальных интернет-ресурсах органа власти (Земскова, 2017a, 2017b, 2018, 2019a, 2019b). По оценкам экспертов, совокупный портфель компетенций государственных служащих высшего руководящего состава региона должен включать в себя: hard skills – 25 %, soft skills – 60 %, digital skills – 15 % (Ахунов и др., 2019, с. 6).

В большей степени digital skills востребованы в сфере стратегических коммуникаций органов власти с населением, за которые преимущественно отвечают службы по связям с общественностью и средствами массовой информации. Арсенал задач данных служб традиционно включает формирование и реализацию информационной и имиджевой политики органа власти. Сегодня в России практически у каждого федерального органа государственной власти есть пресс-служба, департамент по связям с общественностью и средствами массовой информации, информационно-аналитический отдел, пресс-секретарь или ответственный за эту функцию сотрудник.

Перечень digital skills в контексте стратегических коммуникаций власти с обществом включает стратегические задачи и тактические решения (рис. 3):

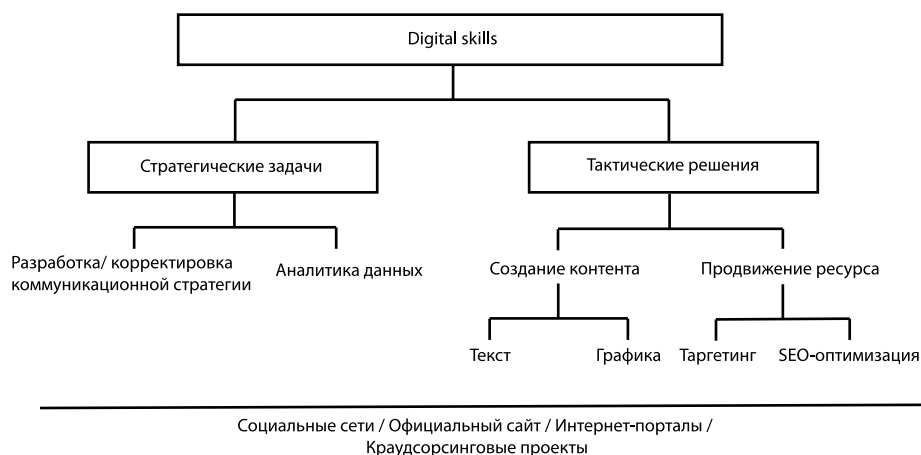

Рис. 3. Перечень digital skills государственных служащих в условиях дигитализации государственного управления / Fig. 3. The list of digital skills of civil servants within digital public administration

Digital skills относятся к области специальных знаний, приобретение которых возможно только при системной самоподготовке или в процессе профессионального обучения и переобучения. На этапе стратегических задач

государственные служащие сталкиваются с проблемой разработки и последующей корректировки коммуникационных программ присутствия органа власти в Интернет-пространстве и аналитикой больших данных. На уровне тактических решений от государственных служащих требуются умения и знания в области создания контента (визуализации данных, разработки конвергентного текста), а также продвижения интернет-ресурса (настраивание таргетинга в социальных сетях и SEO-оптимизация официальных сайтов).

Дефицит цифровой грамотности среди государственных служащих является существенным риском дискредитации всей системы государственного управления. Ситуация, когда среднестатистический школьник с минимальными издержками за считанные минуты создает авторский графический контент на своем смартфоне, а орган власти использует не лучшего качества готовые шаблоны из фотобанков (возможно, в нарушение авторского права), является компрометирующей для последнего.

Справиться с вызовами современности и соответствовать ожиданиям широкой общественности – проблема для органов власти как развитых, так и развивающихся стран. В мировой практике сложились системы повышения квалификации государственных служащих, позволяющие им восполнить недостающие знания и оптимизировать процесс государственного управления (Матвеева, 2014).

Так, для Франции характерно непрерывное профессиональное развитие государственных служащих. С этой целью действуют десятки административных школ и дистанционное обучение (CNED – Национальный центр дистанционного обучения), на платформе которого проводятся онлайн-семинары, электронные лекции, реализуются программы повышения квалификации, модули и т.д. (Чичварова, 2018). В Великобритании государственные служащие проходят повышение квалификации в Колледже гражданской службы (Civil Service College), здесь также существует образовательная онлайн-площадка Civil Service Learning²¹, на которой государственные служащие могут найти информацию о дистанционном обучении, онлайн-ресурсах и очных курсах (Стукало, 2017, с. 248). В США руководит подготовкой и повышением квалификации кадров государственного аппарата на федеральном уровне Управление кадровой службы (Office of Personnel Management) совместно с сетью профессиональных ассоциаций, главной из которых является Национальная ассоциация институтов государственной службы США (NASPAA). Дистанционные практики повышения квалификации в США сосредоточены на ресурсе USALearning²².

С целью анализа действующих механизмов повышения квалификации государственных гражданских служащих в России авторами было проведено исследование шести digital-площадок, предоставляющих услуги дистанционного обучения для этой категории обучающихся. Речь идет о таких площадках, как:

²¹ Civil Service Learning [Электронный ресурс]. URL: [https:// learn.civilservice.gov.uk/](https://learn.civilservice.gov.uk/) (дата обращения: 25.05.2020).

²² USALearning [Электронный ресурс]. URL: usalearning.gov (дата обращения: 25.05.2020).

- 1) единый специализированный информационный ресурс, предназначенный для профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации²³;
- 2) Санкт-Петербургский межрегиональный ресурсный центр²⁴;
- 3) онлайн-обучение на базе Московского городского университета управления Правительства Москвы²⁵;
- 4) онлайн-курсы на базе Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации²⁶;
- 5) дистанционное образование на базе Учебного центра «Бюджет»²⁷;
- 6) онлайн-курсы на базе Мастерской управления «Сенеж»²⁸.

Обоснование выбора случаев для сравнения определяется доступностью поиска образовательного ресурса в поисковых системах сети Интернет и высокой позицией в выдаче поисковых систем. Обозначенные выше образовательные ресурсы анализировались по следующим критериям:

- формат (дистанционные курсы / вебинары / самостоятельное изучение);
- доступность образовательной программы (платное / бесплатное обучение);
- возможность предоставления документа по итогам обучения;
- преимущества и недостатки образовательной площадки.

С 2019 года профессиональное развитие государственных гражданских служащих осуществляется в соответствии с указом Президента Российской Федерации²⁹. До его появления государственный служащий мог получить дополнительное профессиональное образование в двух формах: профессиональная переподготовка или повышение квалификации. При этом повышение квалификации осуществлялось по мере необходимости, определяемой представителем нанимателя, но не реже одного раза в три года³⁰.

В новом документе термин «дополнительное профессиональное образование» заменили термином «профессиональное развитие», которое предпо-

²³ Единый специализированный информационный ресурс «профессиональное развитие» [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.gosszluzhba.gov.ru/> (дата обращения: 24.05.2020).

²⁴ Санкт-Петербургский межрегиональный ресурсный центр [Электронный ресурс]. URL: srbmrgc.ru (дата обращения: 24.05.2020).

²⁵ Московский городской университет управления Правительства Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mguu.ru/> (дата обращения: 24.05.2020).

²⁶ Онлайн-курсы на базе Высшей школы государственного управления РАНХиГС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ranepa.ru/dopolnitelnoe-obrazovanie/onlain-kursy/> (дата обращения: 24.05.2020).

²⁷ Учебный центр «Бюджет» [Электронный ресурс]. URL: budget-edu.ru (дата обращения: 27.05.2020).

²⁸ Онлайн-курсы на базе Мастерской управления «Сенеж» [Электронный ресурс]. URL: polnuypered.rsv.ru (дата обращения: 22.05.2020).

²⁹ О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 21.02.2019 № 68. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72079524/> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁰ О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 28.12.2006 № 1474. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64958/ (дата обращения: 24.05.2020).

лагает широкий диапазон форм личностного и профессионального роста: профессиональную переподготовку и повышение квалификации, семинары, тренинги, мастер-классы, иные мероприятия, направленные преимущественно на ускоренное приобретение гражданскими служащими новых знаний и умений, конференции, круглые столы, служебные стажировки. Отдельное внимание в документе уделяется самостоятельному изучению гражданскими служащими образовательных материалов, тематика которых соответствует направлению их профессиональной служебной деятельности.

По мнению Е. В. Шестаковой³¹, важным звеном в профессиональном развитии государственных служащих в области soft skills является система мероприятий федерального уровня, предполагающая вовлечение участников на основе конкурсных процедур. Так, в 2018 году по инициативе В. В. Путина была создана некоммерческая организация «Россия – страна возможностей», объединившая в себе кадровые, социальные и образовательные проекты. Последние призваны выполнять роль, с одной стороны, акселераторов личностного и профессионального роста, а с другой, социального лифта, кооптирующего в бюрократический аппарат на руководящие позиции как действующих государственных служащих, так и специалистов из других сфер, из числа профессионалов, наиболее способных к решению актуальных задач государственного и муниципального управления. В результате деятельности этой некоммерческой организации свое развитие получили такие небезызвестные конкурсы, как «Лидеры России»³² и «Лидеры России. Политика»³³.

В контексте обозначенной исследовательской проблемы авторами статьи был проведен контент-анализ комментариев участников конкурсов в социальных медиа. Анализировался массив откликов пользователей социальной сети «ВКонтакте», оставленных под 36 постами в официальной группе конкурса «Лидеры России»³⁴, а также под 18 постами в официальной группе «Лидеры России. Политика»³⁵ за временной интервал с марта по апрель 2020 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Полученные данные сравнительно-сопоставительного анализа digital-площадок, предоставляющих услуги дистанционного обучения для государственных служащих, свидетельствуют о следующих закономерностях:

³¹ Интервью с и. о. руководителя пресс-службы Законодательного Собрания Пермского края Е. В. Шестаковой, 17.05.2020 // Из лич. арх. авт.

³² Всероссийский конкурс управленцев среди граждан Российской Федерации, а также русскоговорящих иностранных граждан возрастом до 55 лет, целью которого является выявление, развитие и поддержка перспективных руководителей из разных сфер бизнеса и государственного управления, обладающих высоким уровнем развития лидерских качеств и управленческих компетенций. Финалисты конкурса становятся участниками программы развития кадрового управленческого резерва страны.

³³ О старте нового проекта было объявлено в 2020 году. Цель конкурса – выявление, обучение и поддержка перспективных общественно-политических лидеров, обладающих необходимыми знаниями, навыками и мотивацией для законотворческой деятельности.

³⁴ Официальная группа ВКонтакте «Лидеры России» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/leadersofrussia/> (дата обращения: 03.05.2020).

³⁵ Официальная группа ВКонтакте «Лидеры России. Политика» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/politleaders20> (дата обращения: 03.05.2020).

- в основном площадки по профессиональному развитию государственных служащих находятся на базе образовательных организаций или созданы по инициативе Правительства Российской Федерации;
- в настоящее время существует большой выбор дистанционных образовательных программ и курсов для государственных служащих на самые разнообразные актуальные темы (в том числе программы, направленные на развитие digital skills);
- каждая площадка предоставляет удобный формат и авторские программы. Авторы и преподаватели курсов – практикующие эксперты;
- практически все площадки являются платными, но при этом предоставляют возможность участвовать в бесплатных вебинарах и онлайн-встречах, изучать базу бесплатных материалов. Диапазон цен варьируется от 1 499 руб. до 17 700 руб. за один курс;
- в 90 % случаях образовательные площадки предоставляют удостоверение о повышении квалификации после онлайн-обучения;
- не все площадки содержат подробную информацию о курсах;
- на площадках отсутствует конкурентная среда, которая создавала бы дополнительную мотивацию для участников.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что институционально созданы механизмы и алгоритмы для профессионального развития цифровой грамотности государственных служащих: разработаны соответствующие программы, внедрены дистанционные форматы обучения, практикуются бесплатные вебинары и мастер-классы. Так, в 2019 году 13 490 чиновников из 85 российских регионов прошли обучение в Центре подготовки руководителей цифровой трансформации Высшей школы государственного управления РАНХиГС³⁶, в 2021 году планируется обучить еще 12 000 человек³⁷ в рамках программы «Кадры для цифровой экономики»³⁸.

Тем не менее, по оценке самих государственных служащих, на практике ситуация отличается и за внешним благополучием институционального каркаса образовательной среды кроются серьезные проблемы: чаще всего курсы повышения квалификации проходят формально и не отвечают реальным потребностям государственных служащих в знаниях, навыках и умениях³⁹. Демпфером может быть осознанная заинтересованность руководителя структурного подразделения в частности и органа власти в целом в эффективности обучения и получении нужных результатов.

³⁶ Более 13 тысяч госслужащих прошли обучение в Центре подготовки руководителей цифровой трансформации [Электронный ресурс] // офиц. сайт М-ва цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Рос. Федерации. 2019. 30 дек. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/39606/> (дата обращения: 09.05.2020).

³⁷ Госслужащих начнут обучать цифровой экономике [Электронный ресурс] // Кадровое дело. 2021. 14 янв. URL: <https://www.kdelo.ru/news/386970-qqn-21-m01-gosslujashchih-nachnut-obuchat-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 17.01.2021).

³⁸ Кадры для цифровой экономики [Электронный ресурс] // офиц. сайт АНО «Цифровая экономика». URL: <https://data-economy.ru/education> (дата обращения: 11.12.2020).

³⁹ Результаты анонимного опроса государственных служащих, проведенного в ходе программы повышения квалификации по договору на оказание образовательных услуг от 09.12.2019 № 09.12-1/Э // Из лич. арх. авт.

Е. В. Шестакова в интервью авторам исследования обозначила подход к обучению в своем подразделении: «Мы стремимся не идти по формальному пути. Приносим в кадровую службу наши собственные запросы по образовательным курсам, после чего они занимаются уже их закупкой. Выбираем только те курсы, которые необходимы для эффективности работы: web-дизайн, ведение социальных сетей, написание грамотных текстов, составление пресс-релизов (эта область тоже меняется, меняется и восприятие читателя). В итоге всегда уходит много времени на то, чтобы найти хорошего преподавателя и хороший учебный курс, который действительно необходим и актуален»⁴⁰. По мнению представителя краевого парламента, в современных условиях на государственной службе востребованными становятся soft и digital skills, определяющие коммуникабельность сотрудников, их способности работать в команде, а также обучаемость новым цифровым технологиям.

Публичные конкурсы являются одним из эффективных инструментов профессионального роста государственного служащего. Результаты проведенного контент-анализа комментариев участников официального аккаунта конкурса «Лидеры России» актуализировали проблему исследования (рис. 4).

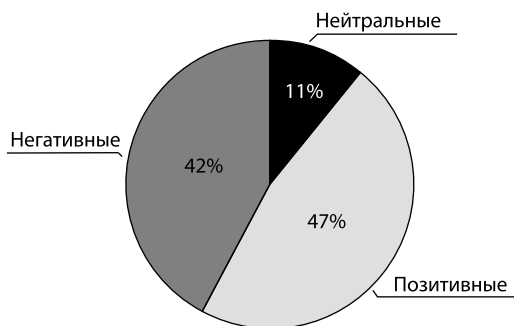

Рис. 4. Тональность комментариев участников о конкурсе «Лидеры России» /
Fig. 4. "Leaders of Russia" participants' comments sentiment

Мнения участников разделились практически поровну: 47 % можно отнести к позитивным, 42 % – к негативным. Тональность комментариев в большинстве случаев зависела от опыта участников: насколько успешно он прошел тестирование, оказался ли он в полуфинале.

Позитивные комментарии пользователей связаны с эмоциями от участия в полуфинале, общения с коллегами, получения нового опыта; работой организаторов; поддержкой прошедших в полуфиналы участников; возможностью строить карьеру; удовлетворением содержанием тестов и заданий для участников («Время за тестом пролетело незаметно, прошел с улыбкой», «Хоть понимаешь, что результат будет не лучшим, все равно есть чувство внутреннего удовлетворения»); возможностью получить рекомендации от экспертов («Чувствую прогресс с каждым годом»); возможностью испытать себя, повысить уровень управленческих компетенций; бесплатными вебинарами и другими полезными материалами в социальных сетях.

⁴⁰ Интервью с и. о. руководителя пресс-службы...

Негативные комментарии вызваны критикой относительно содержания тестов (они представляются участникам специфичными и рассчитанными на IT-специалистов, участники не понимают, как тесты на общие знания помогают определить их лидерские качества); недовольством результатами тестирования, критериями и системой оценки тестов (многие считают ее непрозрачной); техническими проблемами на сайте, плохой работой техподдержки; непониманием, почему много финалистов из Москвы и мало из других регионов России; мнениями о непрозрачности конкурса с целью продвижения в органы власти своих родственников, друзей и знакомых («очередное политическое шоу»).

Мнения участников конкурса «Лидеры России. Политика» отличаются большей позитивной тональностью (рис. 5.).

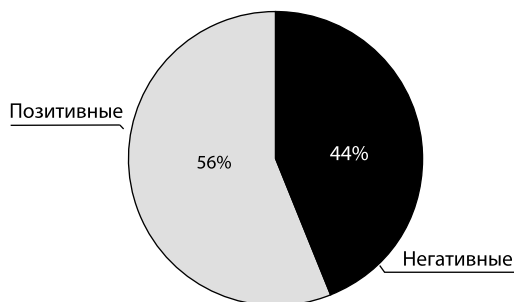

Рис. 5. Тональность комментариев участников о конкурсе «Лидеры России. Политика» / Fig. 5. "Leaders of Russia. Politics" participants' comments sentiment

Так, 56 % участников остались довольны конкурсом, 44 % оставили негативные комментарии. В позитивных отзывах участники отмечают: возможность реализовать себя и творческий потенциал; приобрести новые знакомства; овладеть дополнительными компетенциями; стать полезным всей стране; заинтересованность российского государства в социальных лифтах и новых кадрах; хороший опыт и новые знания, даже если не получилось пройти в полуфинал; мощный состав наставников, у которых есть чему поучиться.

Недовольство участников связано с субъективностью тестирования; продлением дедлайна для людей, не заполнивших анкеты и не записавших видеоподготовку, а также продлением голосования за участников; техническими сбоями на сайте, недостаточной информированностью участников; убежденностью в политической ангажированности членов оргкомитета конкурса.

Контент-анализ комментариев пользователей проиллюстрировал спрос на новый подход к формированию государственного аппарата, выявил потребность в digital skills (как среди участников, так и среди организаторов), обозначил дефицит компетенций soft skills.

Существующая потребность в профессиональном развитии государственных служащих предполагает системные изменения форм и методов обучения и создание качественных образовательных продуктов, отвечающих задачам современного менеджмента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дигитализация может выступать существенным фактором повышения качества государственного управления. Данный тренд обусловлен не только усилиями со стороны большинства развитых и развивающихся государств, направленными на воплощение в жизнь принципов электронного правительства, но и стремительным развитием социальных сетей и их проникновением в повседневную жизнь. В итоге на сегодняшний день социальные сети являются одним из наиболее эффективных каналов воздействия на общественное мнение и поведение отдельных людей и групп. Они дают возможность оперативно включать граждан в деятельность тех или иных институтов, более эффективно организовывать коммуникацию между государством и обществом, создать дополнительные возможности для имиджирования политического класса и государства в целом.

Одна из наиболее распространенных проблем в государственно-политической сфере – это недостаточно привлекательный имидж государственных служащих и политиков, дефицит доверия общества по отношению к государству в целом, из-за чего в немалой степени формируется нежелание граждан участвовать в политической и общественно-значимой деятельности в любых ее формах.

Очевидно, что эти проблемы хорошо осознаются элитами различных государств, в том числе и России. По данным СМИ с 2018 года по инициативе администрации Президента Российской Федерации в стране развернут мониторинговый проект «Инцидент-менеджмент», позволяющий «отслеживать информационные поводы в пяти социальных сетях и реакцию сообществ на действия властей»⁴¹.

Появление подобных мониторинговых систем является дополнительным свидетельством того, что ведение социальных сетей для федеральных и региональных органов власти и отдельных политиков становится де-факто обязательным. Среди основных целей данной инициативы – создать условия для региональных органов власти, при которых они смогут реагировать на максимальное количество негативных комментариев и просьб со стороны населения в социальных медиа. Модерирование персонального блога в этом случае позволит создать прочную двустороннюю коммуникацию между населением и политическим лидером, выстроить более доверительные отношения. Этот этап может стать важной отправной точкой для формирования подлинной политической культуры участия в России.

В этой связи нельзя не признать, что новые требования к государственным служащим, большей частью призванных активно поддерживать не только офлайн-коммуникацию с населением, но и онлайн-диалог, диктуют и новые правила игры: все большую значимость в структуре компетенций и навыков эффективного управленца на государственной службе приобретают digital skills. При этом очевидно, что такие навыки, как эффективное ведение диа-

⁴¹ Антонова Е., Дергачев В. Как Кремль будет реагировать на жалобы в соцсетях [Электронный ресурс] // РБК. 2018. 23 июля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2018/5b50d1579a7947c62c195e8b> (дата обращения: 17.05.2020).

лога, умение разрешать конфликтные ситуации, разбираться в обозначенных второй стороной проблемах в условиях множества стресс-факторов не появляются сами по себе. В этой связи необходимо создание системы совершенствования кадрового потенциала системы государственной службы на началах синхронного приращения государственными служащими своих digital и soft skills при условии непрерывности данного процесса.

Библиографический список

Архипова Т. Г. Компетентностный подход к подготовке современного специалиста государственной и муниципальной службы в условиях цифровой экономики // PRIMO ASPECTU. 2018. № 4. С. 113–116.

Ахунов Р. Р., Ислакаев Г. Р., Низамутдинов Р. И. и др. К вопросу о формировании профессиональных компетенций госслужащих региона // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 6. С.4–10. DOI: 10.34773/EU.2019.6.1.ахун

Васильева Е. В. Как изменится кадровый ландшафт государственной службы в цифровой эпохе? // Управленческие науки в современном мире: сб. докл. науч. конф. / Ред. О. С. Капполь. СПб.: Изд. дом «Реальная экономика», 2019. С. 61–66.

Васильева Е. В. Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 120–144.

Васильева Е. В. Управленческое превосходство как основа успеха цифровой трансформации государственных услуг // Управленческие науки. 2020. Т. 10, № 1. С. 81–89. DOI: 10.26794/2404-022X-2020-10-1-81-89.

Васильева Е. В., Пуляева В. Н., Юдина В. А. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации // Бизнес-информатика. 2018. № 4. С. 28–42. DOI: 10.17323/1998-0663.2018.4.28.42.

Ерышев А. Е. Открытость федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Экономика, управление, финансы: материалы IX Междунар. науч. конф. / Гл. ред. И. Г. Ахметов. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 32–35.

Зайцева Т. В. Кадровый потенциал государственной организации: методы комплектования и профессиональной расстановки кадров // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 1. С. 180–188.

Земскова И. А. Дигитализация как фактор повышения качества государственных услуг // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017а. № 5. С. 80–83.

Земскова И. А. Качество государственных услуг в цифровой экономике // Базис. 2017б. № 2. С. 92–98.

Земскова И. А. Качество электронных государственных услуг как основа развития цифровой экономики регионов // Наука и общество. 2019а. № 1. С. 52–58.

Земскова И. А. Миграция государственных органов в цифровое пространство // Цифровизация экономики России: институты, механизмы, процессы

/ Под ред. Н. С. Яшина. Саратов: Изд-во Саратов. соц.-экон. ин-та, 2019b. С. 58–70.

Земскова И. А. Трансформация качества государственных услуг под влиянием цифровизации государственных органов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 3. С. 23–28.

Кречетников К. Г. Смысл и содержание понятия «кадровый потенциал» // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 27. С. 96–100.

Матвеев А. А. Трансформация государственной гражданской службы в цифровую эпоху // Кадровик. 2019. № 11. С. 25–31.

Матвеева Н. С. Профессиональное развитие государственных служащих: опыт Европейских стран и США // Финансовый журнал. 2014. № 4. С. 155–162.

Овчарук К. В. Мягкие навыки в госсекторе. Что стоит изучать в 2020 году // Бюджет. 2020. № 1. С. 71–75.

Прибытков Ю. Б. Политический краудсорсинг в системе местного самоуправления как фактор проявления гражданской политической культуры России // Наука Красноярья. 2017. Т. 6, № 4. С. 69–85. DOI: 10.12731/2070-7568-2017-4-69-85.

Рынок труда и компетенции кадров в цифровую эпоху // Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. / Под ред. Л. М. Гохберг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 39–50.

Стукало М. Г. Зарубежный опыт организации работы с кадровым резервом на государственной (публичной) службе // Молодой ученый. 2017. № 51. С. 247–249.

Татарина Л. Н. Управление компетенциями на государственной гражданской службе // Человеческий капитал. 2017. № 12. С. 79–82. DOI: 10.25629/hc.2017.12.18.

Чичварова А. В. Современные практики переподготовки государственных служащих с применением инновационных технологий [Электронный ресурс] // Профессиональная ориентация. 2018. № 1. С. 155–158. URL: <https://career-journey.ru/journal/2019/10/743/> (дата обращения: 15.11.2020).

Щекоцихина С. В., Рыжакова Е. В., Хазми А. Цифровые технологии в определении перспективного облика государственной службы [Электронный ресурс] // Муниципальная академия. 2019. № 1. С. 43–49. URL: <http://elib.fa.ru/art2019/bv607.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

Bertot J., Estevez E., Janowski T. Universal and contextualized public services: Digital public service innovation framework // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33, № 2. P. 211–222. DOI: 10.1016/j.giq.2016.05.004.

Mergel I. Agile innovation management in government: A research agenda // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33, № 3. P. 516–523. DOI: 10.1016/j.giq.2016.07.004.

Mergel I., Ganapati S., Whitford A. Agile: A new way of governing // Public Administration Review. 2020. Vol. 81, № 1. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.13202>.

Информация об авторах

Лекторова Юлия Юрьевна – канд. полит. наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614013, Россия, г. Пермь, Поздеева, д. 13

ORCID: 0000-0002-6869-1923

ResearcherID: –

Электронный адрес: lektorova2015@yandex.ru

Прудников Андрей Юрьевич – канд. полит. наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29

ORCID: 0000-0002-8199-1736

ResearcherID: B-1202-2019

Электронный адрес: prudnikow@gmail.com

Медведева Полина Владимировна – бакалавр профиля «Связи с общественностью и реклама» ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29

ORCID: 0000-0001-6253-6001

ResearcherID: –

E-mail: polly.m@mail.ru

Статья получена 23 января 2021 года

UDC 351.71:004

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-89-109

DIGITAL SKILLS VS SOFT SKILLS: NEW PROFESSIONAL DEVELOPMENT COMPETENCES IN PUBLIC SERVICE

Julia Iu. Lektorova

Perm National Research Polytechnic University, 29

Komsomolsky ave., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-6869-1923

ResearcherID: –

E-mail: lektorova2015@yandex.ru

Andrei Iu. Prudnikov

Perm National Research Polytechnic University, 29 Komso-

molsky ave., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-8199-1736

ResearcherID: B-1202-2019

E-mail: prudnikow@gmail.com

Polina V. Medvedeva

Perm National Research Polytechnic University, 29

Komsomolsky ave., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0001-6253-6001

ResearcherID: –

E-mail: polly.m@mail.ru

For citation:

Lektorova, J. Iu., Prudnikov, A. Iu. and Medvedeva, P. V. (2021), “Digital skills vs soft skills: New professional development competences in public service”, *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 89–109, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-89-109.

Introduction: interaction on virtual communication platforms between the authorities and the population brings forward the issue of civil servants professional development.

Objectives: to define a conceptual approach to the content of digital professional development programs for civil servants, to detail the strategic knowledge and tactical skills required in modern public administration in the context of the socio-political sphere digitalization.

Methods: an expert interview; comparative-comparative method of analyzing digital platforms for advanced training of civil servants; content analysis of the “Leaders of Russia” and “Leaders of Russia. Politics” participants’ comments.

Results: the article presents the data on a comparative study of educational platforms for advanced training of civil servants in the field of digital literacy. The framework of the necessary digital knowledge in the public management system has been proposed, aimed at the structural subdivisions of authorities responsible for strategic communications with the population. The results of the expert interviews and content analysis actualize the demand for digital competencies among the civil servants.

Conclusions: the system of professional retraining of personnel for the civil service should meet the new requirements, namely to ensure the efficient functioning of e-government services, crowdsourcing platforms, official departmental web resources as well as groups and pages in social networks, and to maintain there a dialogue and interaction with the population. The new functionality of a civil servant arising from digitalization of the public administration system requires the development of new approaches to the competence-based model of his training and retraining. This brings forward the importance of digital competencies and skills complemented by a constant improvement of soft skills. The existing mechanisms for mastering these competencies in Russia make it possible to solve the problems of improving the entire system of public administration, but not with maximum efficiency. It is obvious that the market of advanced training services for civil servants is not sufficiently developed and the resources spent on these purposes aren’t used in the most optimal way.

Keywords: government policy; digitalization of public services; e-government; digital competencies of civil servants; digital skills; soft skills

References

Arkhipova, T. G. (2018), "Competence approach to the preparation of modern specialists of public and municipal service in terms of the digital economy", *PRIMO ASPECTU*, no. 4, pp. 113–116.

Akhunov, R. R., Islakaev, G. R., Nizamutdinov, R. I. et al. (2019), "On the point of forming public regional servants' professional competencies", *Economics and Management*, no. 6, pp. 4–10, doi: 10.34773/EU.2019.6.1.

Vasil'eva, E. V. (2019), "How to change the staffing landscape of public service in the digital era?", in Kappol', O. S. (ed.), *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire* [Management sciences in the modern world], "Real'naya ekonomika" Publishing House, St. Petersburg, Russia, pp. 61–66.

Vasil'eva, E. V. (2018) "Competence approach in public service: What knowledge and skills do civil servants choose?", *Public administration issues*, no. 4, pp. 120–144.

Vasil'eva, E. V. (2020), "Managerial excellence as the basis for the success in the digital transformation of public services", *Management Sciences in Russia*, vol. 10, no. 1, pp. 81–89, doi: 10.26794/2404-022X-2020-10-1-81-89.

Vasil'eva, E. V., Pulyaeva, V. N. and Yudina, V. A. (2018), "Digital competence development of state civil servants in the Russian Federation", *Business Informatics*, no. 4, pp. 28–42, doi: 10.17323/1998-0663.2018.4.28.42.

Eryshev, A. E. (2018), "Openness of federal executive bodies in social networks", in Ahmedov, I. G. (ed.), *Ekonomika, upravlenie, finansy* [Economics, management, finance], Svoe izdatel'stvo, St. Petersburg, Russia, pp. 32–35.

Zaitseva, T. V. (2010), "Personnel potential of the state organization: methods of recruiting and professional placement of personnel", *Public Administration Issues*, no. 1, pp. 180–188.

Zemskova, I. A. (2017a), "Digitalization as a factor of improving the quality of public services", *Bulletin of the Saratov State Social and Economic University*, no. 5, pp. 80–83.

Zemskova, I. A. (2017b), "The quality of public services in the digital economy", *Basis*, no. 2, pp. 92–98.

Zemskova, I. A. (2019a), "The quality of electronic public services as the basis for the development of the digital economy of the regions", *Science and Society*, no. 1, pp. 52–58.

Zemskova, I. A. (2019b), "Migration of state bodies into the digital space", in Yashin, N. S. (ed.), *Tsifrovizatsiya ekonomiki Rossii: instituty, mekhanizmy, protsessy* [Digitalization of the Russian economy: Institutions, mechanisms, processes], Publishing House of the Saratov Socio-Economic Institute, Saratov, Russia, pp. 58–70.

Zemskova, I. A. (2018), "Changes in the quality of e-government services in view of digitalization of public administration", *Bulletin of the Saratov State Social and Economic University*, no. 3, pp. 23–28.

Krechetnikov, K. G. (2014), "The meaning and content of the concept of "human resources", *Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad*, no. 27, pp. 96–100.

Matveev, A. A. (2019), "The transformation of public civil service in the digital age", *Kadrovik*, no. 11, pp. 25–31.

Matveeva, N. S. (2014), "Professional development of civil servants: The experience of European countries and the United States", *Financial Journal*, no. 4, pp. 155–162.

Ovcharuk, K. V. (2020), "Soft skills in the public sector. What is worth studying in 2020", *Budget*, no. 1, pp. 71–75.

Pribytkov, Yu. B. (2018), "Political crowdsourcing in the system of local self-government as a factor in the manifestation of the civil political culture of Russia", *Science of Krasnoyarsk*, vol. 6, no. 4, pp. 69–85, doi: 10.12731/2070-7568-2017-4-69-85.

Gokhberg, L. M. (ed.) (2019), "Labor market and human resources competencies in the digital age", in *Chto takoe tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie* [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement], HSE Press, Moscow, Russia, pp. 39–50.

Stukalo, M. G. (2017), "Foreign experience in organizing work with a personnel reserve in the state (public) service", *Molodoi uchenyi*, no. 51, pp. 247–249.

Tatarinova, L. N. (2017), "Competence management in the civil service", *Human capital*, no. 12, pp. 79–82, doi: 10.25629/hc.2017.12.18.

Chichvarova, A. V. (2018), "Modern practices of retraining of civil servants with the use of innovative technologies" [Online], *Professional'naya orientatsiya*, no 1, pp. 155–158, available at: <https://careerjourney.ru/journal/2019/10/743/> (Accessed November 15, 2020).

Shchekochikhina, S. V., Ryzhakova, E. V. and Khazmi, A. (2019), "Digital technologies in determining the perspective image of public service" [Online], *Municipal Academy*, no. 1, pp. 43–49, available at: <http://elib.fa.ru/art2019/bv607.pdf> (Accessed January 10, 2020).

Bertot, J., Estevez, E. and Janowski, T. (2016), "Universal and contextualized public services: Digital public service innovation framework", *Government Information Quarterly*, vol. 33, no 2, pp. 211–222, doi: 10.1016/j.giq.2016.05.004.

Mergel, I. (2016), "Agile innovation management in government: A research agenda", *Government Information Quarterly*, vol. 33, no 3, pp. 516–523, doi: 10.1016/j.giq.2016.07.004.

Mergel, I., Ganapati, S. and Whitford, A. (2020), "Agile: A new way of governing", *Public Administration Review*, vol. 81, no. 1, doi: <https://doi.org/10.1111/puar.13202>.

Received January 23, 2021

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 330.342

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-110-130

ГИБРИДНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ: ПРИМЕР ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Д. А. СИТКЕВИЧ

Центр региональных исследований и урбанистики Института прикладных
экономических исследований РАНХиГС, г. Москва, Россия
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
Россия

Для цитирования:

Ситкевич Д. А. Гибридные институциональные соглашения как эффективные промежуточные институты: пример Восточной Азии // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 110–130. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-110-130.

Введение: рассматривается вопрос влияния гибридных институциональных соглашений на экономическую динамику стран Восточной Азии.

Цель: оценка эффективности гибридных институциональных соглашений как промежуточных институтов, способствующих экономическому развитию, описание трансформации гибридов по мере их модернизации.

Методы: диалектический метод, метод системного анализа, метод сравнительно ориентированного “case-study”, индуктивный метод.

Результаты: выявлена положительная роль гибридных институциональных соглашений в догоняющем экономическом развитии; показано, что гибриды служат промежуточными институтами, которые по мере модернизации либо трансформируются, либо тормозят экономический рост; описана возможная экономическая политика по поддержке гибридов.

Выводы: гибридные институциональные соглашения распространены во многих государствах и регионах с преобладанием традиционных регуляторов, которые вышли на траекторию развития развитых стран. Так, гибриды характерны для «азиатских тигров» – Японии (в виде кейрэцу), Южной Кореи (в виде чеболей), Тайваня (в виде кластеров), а также для КНР (в виде промышленных районов). При этом в большинстве случаев гибридные институциональные соглашения играют роль промежуточных институтов – опираясь на существующие социальные связи, они способствуют экономическому росту, но по мере модернизации либо претерпевают изменения, либо тормозят последующее развитие. Анализ представленных кейсов показывает, что государство может способствовать формированию гибридов различными способами – от создания инфраструктуры до поддержки экспортной деятельности фирм.

Ключевые слова: гибридные институциональные соглашения; экономическое развитие; промежуточные институты; кейрэцу; чеболи; кластеры; индустриальные районы; Восточная Азия

ВВЕДЕНИЕ

Анализ экономической динамики за последние несколько десятилетий показывает, что подавляющее большинство стран мира в своем экономическом развитии движется по той же траектории, что и 100 лет назад: страны Африки, Латинской Америки и большей части Азии по-прежнему существенно отстают от англо-саксонских стран и государств Западной Европы. Однако, в XX веке появилось несколько государств, которые смогли перейти с траектории Б (по которой двигаются развивающиеся страны) на траекторию А (которая свойственна развитым странам) (Аузан, 2015). В первую очередь это «азиатские тигры» (Япония, Тайвань, Южная Корея, Гонконг, Сингапур), которые после Второй мировой войны смогли добиться крайне высоких темпов экономического роста.

Во многих «азиатских тиграх» модернизация проходила по тому же пути, что и в Южной Европе: возникли промежуточные институты в виде различных форм гибридных институциональных соглашений (одной из которых являются индустриальные районы), сыгравшие положительную роль в период экономического бума, однако впоследствии они либо стали претерпевать значительные трансформации, либо тормозить экономический рост.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоят в том, что авторами впервые анализируется формирование и динамика развития различных форм гибридных институциональных соглашений с точки зрения концепции промежуточных институтов. Эта методологическая конструкция оказалась достаточно продуктивной для анализа эволюции гибридов по мере экономического развития страны: она дает объяснение как эффективности подобных форм организации производства в модернизирующихся государствах, так и того, почему они оказываются неустойчивыми в долгосрочной перспективе.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование базируется на двух концепциях, активно используемых в новой институциональной экономической теории. Первая – это концепция промежуточных институтов, под которыми подразумеваются те институты, которые возникают в процессе экономической или политической трансформации и являются связующим звеном между существующими нормами и теми институтами, к построению которых стремятся авторы реформ (Полтерович, 2001; Qian, 2001). Иными словами, промежуточные институты позволяют постепенно изменять систему правил таким образом, чтобы реформы, пусть и медленно, но происходили и не были отторгнуты обществом. Промежуточные институты могут быть созданы двумя путями:

– с помощью «трансплантации» институтов, когда внедряются те институты, которые были в странах-донорах тогда, когда они находились на уровне развития страны-реципиента институтов (Полтерович, 2001);

– путем «выращивания» институтов, когда уже сложившиеся в обществе правила и нормы используются для создания желаемого института – к примеру, путем формализации имеющихся неформальных институтов (Furubotn and Richter, 2010).

Хотя постепенные институциональные преобразования избавлены от проблем радикальных трансформаций, данный способ изменений также неидеален. Во-первых, процесс изменений занимает долгий срок, что не всегда возможно по политическим причинам (Dabrowski, 1999). Во-вторых, «незавершенность реформ, характерная для постепенного подхода, создает широкие возможности для корыстной эксплуатации неполного институционального режима, в том числе путем нецелевого применения уже имеющихся институтов» (Полищук, 2008, с. 43). Промежуточные институты могут использоваться для обогащения, и у субъектов, принимающих политические решения, возникают стимулы не доводить трансформацию до конца (ибо в противном случае пропадет источник их дохода).

Вторая концепция, на которую опирается данная работа, – это гибридные институциональные соглашения (гибриды). Впервые данное понятие было предложено в 1985 году О. Уильямсоном (Williamson, 1985) для демонстрации существующих механизмов координации между экономическими агентами. Уильямсон выделяет два полярных типа механизма координации – рынок и иерархия. Рынок представляет собой добровольные сделки между двумя или более независимыми экономическими агентами; иерархия – систему управления индивидов, в которой одни экономические агенты отдают приказания другим. Гибриды же, согласно Уильямсону, являются промежуточной формой: участники гибридного институционального соглашения связаны более длительными отношениями, чем одна сделка, при этом они не теряют независимость и автономность в принятии решений. В рамках гибридов экономические агенты сохраняют свою автономию в принятии решений, при этом согласовывая свои действия с другими участниками соглашения; иными словами, агентов связывают не горизонтальные или вертикальные, а сетевые взаимоотношения.

Однако если гибриды – это лишь промежуточная форма между рынком и иерархией и учитывая, что чистые рыночные и чистые иерархические институциональные соглашения редки, не означает ли это, что практически все формы организации производства являются гибридными? Как отмечает К. Менард, такая неопределенность в понятии гибрида приводит к тому, что к гибридам причисляют многие непохожие друг на друга объекты, которых объединяет только то, что их нельзя отнести к рынку или иерархии, что неверно. Именно поэтому он выработал свой подход к пониманию гибридов, который далее и будет использоваться в данной работе. По его мнению, для гибридов характерно (Ménard, 2004):

– совместное использование ресурсов. Если рыночные институциональные соглашения не способны «адекватно соединять необходимые ресурсы

и мощности» (Ménard, 2004, p. 364), а иерархические соглашения недостаточно гибкие и подразумевают подчинение одних участников другим, то в гибридных институциональных соглашениях наблюдается активная кооперация и координация между независимыми друг от друга участниками. Более того, для гибридов характерны совместные инвестиции в создание специфических благ, используемых всеми участниками соглашения;

– **отношенческие контракты.** Если между участниками рыночных институциональных соглашений заключаются классические или неоклассические контракты, то в гибридных институциональных соглашениях наблюдаются **отношенческие контракты**, для которых характерны более длительные партнерские отношения между участниками и взаимные инвестиции в специфические активы;

– **конкуренция.** Если между участниками иерархических институциональных соглашений конкуренции нет (фактически они образуют единую фирму, участвующую на рынке), то между участниками гибридного институционального соглашения конкуренция возможна, причем как внутри него, так и между различными гибридами. Возможность кооперации некоторых фирм для конкуренции с остальными участниками рынка отличает гибриды от рыночных форм организации производства.

Перечисленным характеристикам соответствуют некоторые формы организации производства, которые, несмотря на их непохожесть, можно считать гибридами. Это предпринимательские сети (в том числе кейрэцу и чеболи), кластеры, индустриальные районы, субконтрактинг и аутсорс, франчайзинг, коллективные товарные знаки, партнерства, кооперативы, альянсы, виртуальные фабрики.

Исследования подтверждают выгоду гибридов для их участников (хотя их эффективность, безусловно, ограничена). Во-первых, в рамках гибридного институционального соглашения независимые друг от друга малые предприятия могут создавать общественные блага и цепочки стоимости, за счет чего достигать экономии от масштаба (Porter, 2009). Во-вторых, крупным фирмам зачастую выгоднее взаимодействовать с автономным долгосрочным партнером (если неопределенность невелика), а не с частью собственной фирмы, так как относительная независимость создает экономическим агентам стимулы повышать эффективность своего производства, что может быть выгоднее и самой крупной фирме (к примеру, если малая фирма занимается созданием инноваций) (Zenger, Hesterly, 1997).

Хотя сами по себе гибриды являются не институтами, а институциональными соглашениями (так как это лишь договоренность между фирмами-участниками, а не общие правила игры для всех), институтом можно считать распространенные нормы управленческой культуры, связанные с этими институциональными соглашениями. Иными словами, институтом можно считать не конкретный кейрэцу или кластер, а те нормы, которые подталкивают людей к определенным формам организации производства – как неформальным (в случае кейрэцу, чеболей и индустриальных районов, возникших во многом на основе традиционных производственных отношений), так и формальным (в случае тайваньских кластеров). Возможность того, что нормы

управленческой культуры могут быть не только институтами, но и промежуточными институтами, демонстрирует Полтерович (Полтерович, 2001). По его словам, институт обществ взаимного кредитования является промежуточным и позволяет странам Восточной Европы трансплантировать современный институт ипотечного кредитования. В данном кейсе институтом выступают именно нормы, на основе которых возникают данные общества, а не отдельные их примеры – и ровно по этому же принципу в данной работе гибриды, когда о них говорят как о распространенных управленческих практиках, будут называться институтами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Стоит отметить, что не про все страны Восточной Азии, в которых во второй половине XX века наблюдался экономический бум, можно однозначно сказать, что там произошла именно экономическая модернизация. Так, Сингапур и Гонконг являются городами-государствами, чье развитие уже в XIX веке было связано с торговой деятельностью Британской империи, поэтому к середине XX века их уже нельзя было отнести к традиционным сообществам, в которых может произойти модернизация. Поэтому далее речь пойдет о трех относительно крупных странах, где традиционные регуляторы в момент экономического бума играли значительную роль: Японии, Южной Корее и Тайване. Кроме того, нельзя обойти вниманием и материковый Китай, который, хотя и не относится обычно к «азиатским тиграм», но за последние 40 лет продемонстрировал впечатляющие темпы экономического роста.

Обозревая эти страны, можно заметить, что в годы экономического подъема там были распространены гибридные институциональные соглашения: в Японии и Южной Корее ключевую роль в экономическом буме сыграли кейрэцу и чеболи соответственно; инновационное развитие Тайваня во многом связано с местными кластерами; в КНР после реформ Дэн Сяопина широкое распространение получили индустриальные районы. Рассмотрим каждый из этих кейсов.

Кейрэцу. Кейрэцу – это появившиеся после Второй мировой войны в Японии кластерные объединения фирм (Gerlach, 1992). Они сформировались на основе дзаибацу – финансово-промышленных групп, которые возникли еще в период реформ Мэйдзи и были основаны на сложившихся в Японии к тому времени феодальных отношениях внутри кланов. После поражения Японии дзаибацу были запрещены, однако новые власти не препятствовали образованию схожих конгломератов, если они не были полностью подконтрольны старым владельцам. Отличия кейрэцу от дзаибацу заключаются в том, что центром предпринимательской сети был не определенный клан, а банк (как в случае с кейрэцу Mitsubishi и Sumimoto) или крупное промышленное предприятие (как, например, кейрэцу Toyota и Hitachi). В остальном кейрэцу были похожи на довоенные конгломераты, которые были привычны для японской экономики.

Хотя кейрэцу сформировались на уже исторически сложившихся связях между предпринимателями, их успех во многом являлся следствием эконо-

мической политики государства. Так, восстановление кейрэцу из остатков дзайбацу во многом обязано финансовой поддержке, которая была оказана тем банкам, вокруг которых формировались сети фирм (Grabowiecki, 2006). Успех кейрэцу также связан со снижением регуляторного (в первую очередь антимонопольного) давления и активной внешнеторговой политикой Японии, в ходе которой ограничивался импорт высокотехнологической продукции и поддерживался экспорт (Johnson, 1982).

Кейрэцу можно описать как сеть, в которой есть и горизонтальные, и вертикальные отношения (Lincoln et al., 1992). Горизонтальные отношения наблюдаются внутри ядра кейрэцу: туда входят крупные компании, занимающиеся разработкой и выпуском готовой продукции. Они объединены общей финансовой инфраструктурой (общий банк и страховая компания), общей торговой компанией (или несколькими компаниями), которые осуществляют сбыт производимой кейрэцу продукции, а также «советом директоров, который является общей площадкой для взаимодействия руководителей компаний – участников сети» (Gerlach, 1992, p. 112). Совет контролирует действия независимых компаний на предмет кооперации с другими участниками сети, имея возможность добиться увольнения ведущего себя оппортунистически менеджера. При этом зачастую, особенно в годы кризисов, роль гаранта исполнения правил в сети играет главный банк кейрэцу (Berglöf and Perotti, 1994).

Вертикальные отношения в кейрэцу существуют между главным банком и компаниями ядра, а также между компаниями ядра и субподрядчиками, которые создают для них промежуточные товары и услуги. Для кейрэцу характерны устойчивые и долговременные вертикальные связи – как формальные, заключенные в виде контрактов, так и неформальные, основанные на связях между руководством фирм. С одной стороны, субподрядчики практически не взаимодействуют с компаниями вне своей предпринимательской сети, с другой стороны, с ними не принято разрывать отношения, а в отдельных кейрэцу они могут даже влиять на принятие общих решений или иметь долю в главном банке сети.

За время своего существования кейрэцу показали себя как сравнительно устойчивая форма организации производства. Связано это с тем, что внутри кейрэцу диверсифицированы риски. Как отмечает М. Герлах, внутри одной и той же предпринимательской сети может производиться как лапша быстрого приготовления, так и космические ракеты (Gerlach, 1992). Это позволяет поддерживать только создающиеся или столкнувшиеся с проблемами предприятия за счет прибыли, которая создается в более успешных частях сети (Lincoln et al., 1996). Кроме того, наличие большого количества компаний, совместно сбывающих продукцию и использующих инновационную инфраструктуру, позволяет предприятиям сети экономить на транзакционных издержках (Goto, 1982). Впрочем, платой за устойчивость кейрэцу является то, что они в среднем менее прибыльны, чем независимые компании: внутри сетей у неэффективных фирм больше шансов выжить, а успешным компаниям нужно тратить ресурсы на поддержку отстающих (Lincoln et al., 1996).

Система кейрэцу оказала положительное влияние на экономическую модернизацию Японии после Второй мировой войны: истоки японского эко-

номического чуда стоит искать именно в кейрэцу, которые позволяли экономить на масштабе, совместно разрабатывать инновации, а также защищали фирмы сети от внешних потрясений (Hoshi and Kashyap, 2004).

При этом уже по завершении процесса модернизации в 1990-е годы роль кейрэцу в японской экономике стала снижаться. Толчком для этого стал экономический кризис, разразившийся в Японии в 1989 году и затянувшийся на десятилетие. По мнению некоторых исследователей, попытка кейрэцу вывести часть своего производства на аутсорсинг в другие страны Азии привела к тому, что малый бизнес внутри кейрэцу столкнулся со снижением спроса на свою продукцию (Cowling and Tomlinson, 2000). Вследствие этого неконкурентные вне предпринимательской сети фирмы разорились, что привело к снижению темпов экономического роста.

Снижение значимости кейрэцу связано с несколькими происходившими в японской экономике процессами:

- трансформацией рынка капитала. Если в эпоху расцвета кейрэцу финансовая система страны базировалась на нескольких крупных банках, то в дальнейшем значительно возросла роль фондового рынка. Из-за этого новым компаниям было необязательно выстраивать отношения с каким-либо банком, а значит, и вступать в предпринимательскую сеть;

- иерархизация сетей. Некоторые существовавшие в годы японского экономического чуда кейрэцу (например, Toyota) в 1990-е годы начали внедрять более иерархичную структуру производства: конкуренты начинали сливаться в одну фирму, в которую также интегрировали часть субподрядчиков (Ahmadjian and Lincoln, 2001);

- поиск контрагентов вне сети. Многие высокотехнологические кейрэцу (например, автопроизводители) из-за стандартизации производства стали чаще использовать рыночный механизм координации при поиске контрагента. Закупки комплектующих не внутри сети, а на рынке называют «вестернизацией» кейрэцу, отмечая при этом, что компании ядра сетей продолжают коммуницировать с субподрядчиками, лишь диверсифицируя каналы поставки (Kosaka et al., 2020).

Сохранившиеся кейрэцу также претерпевают изменения: на смену неформальным отношениям между участниками сети пришел более формализованный подход с четким разграничением обязанностей между фирмой и кейрэцу (при росте независимости отдельных фирм) и разделением процессов управления сетью и контроля за соблюдением правил. Описывая эти изменения, Дж. МакГир и С. Доу утверждают, что современные кейрэцу существуют по инерции как привычный для банков и крупных компаний способ организации производства, а также в качестве страховки на случай финансовых затруднений. Признавая роль кейрэцу в эпоху экономического бума, авторы утверждают, что на данный момент они, скорее, сдерживают инновационное развитие Японии, так как способствуют инвестициям финансовых корпораций и крупных инвесторов не в наиболее перспективные проекты, а в менее успешные компании, которые находятся с инвестором в одной предпринимательской сети (McGuire and Dow, 2009).

Чеболь. Под чеболями подразумеваются конгломераты фирм, распространенные в Южной Корее. Они появились в 1960-х годах, когда южно-

рейское правительство стало оказывать аналогичную японской внешнеторговую помощь ориентирующимся на экспорт промышленным компаниям, которые стали возникать после Второй мировой войны (Beck, 1998). Чеболи по своей структуре скорее напоминают японские дзайбацу: в них сохранились иерархичные отношения, характерные для японских предпринимательских сетей начала XX века (на момент расцвета дзайбацу Корея была оккупирована Японией). Д. Мюрилло и У. Сонг описывают чеболи как вертикальные сети из автономных фирм, которые подчиняются решениям головной фирмы. От описанных выше японских кейрэцу чеболи отличаются следующим образом (Murillo and Sung, 2013):

- если кейрэцу формируются в основном вокруг банков, то чеболи – вокруг одной семьи или клана. Более того, главные менеджеры в чеболях, скорее, являются представителями управляющего клана, тогда как менеджеры в кейрэцу обычно не связаны с владельцами семейными узами;

- в кейрэцу действия фирм лишь координируются и контролируются вышестоящими органами, состоящими из менеджмента участников сети, тогда как в чеболях все фирмы подчинены центральному офису планирования, который управляется головной компанией;

- в кейрэцу основным источником кредитования является ключевой банк гибрида, а в чеболях фирмы могут получать финансирование напрямую от главной фирмы или за счет трансакций с другими участниками сети.

При этом во многих чеболях управляющему клану принадлежат значительные доли в компаниях-субподрядчиках, из-за чего компании внутри сети, обладая управленческой независимостью, связаны с головной фирмой значительно теснее, чем субподрядчики в кейрэцу. Это достигается не только формальными, но и неформальными методами: так как чеболь зачастую образовывается вокруг клана, то на коммуникацию между головной компанией и субподрядчиком могут влиять внутрисемейные отношения (Murillo and Sung, 2013).

Как и в случае с кейрэцу в Японии, чеболи в Южной Корее способствовали экономической модернизации (Jeong, 2015). Кооперация между фирмами позволяла достичь экономии на масштабе и содействовала обмену технологиями между участниками сети, что способствовало росту экспорта высокотехнологичной продукции. Тем самым участники соглашения экономили на трансакционных издержках, так как благодаря самому факту нахождения в чеболе они имели доступ к новым разработкам других участников сети. С. Парк и К. Юн, анализируя данные корейских фирм, пришли к выводу, что фирмы, входящие в чеболи, более производительны (Park and Yuhn, 2012); согласно Дж. Киму, они также менее склонны оформлять банкротство (Kim, 2020).

В то же время многие проблемы, возникшие у кейрэцу, по мере повышения благосостояния Японии, характерны и для чеболей. Так, они позволяют выживать слабыми фирмам, за счет чего прибыльность чеболей в среднем ниже, чем у независимых корейских компаний ⁷. В некоторых случаях слабые фирмы чеболя могут привести к проблемам как для чеболя, так и для всей корейской экономики. Так, азиатский финансовый кризис 1997 года в Южной

Корею оказался более болезненным из-за того, что некоторые чеболи объявили о банкротстве (самый крупный и известный из них – Daewoo), что серьезно ударило по крупным банками-кредиторам (Lee, 2000). Более того, руководство чеболей активно вмешивается в южнокорейскую политику, вследствие чего связанные с чеболями партии добиваются максимально благоприятной для них (и не всегда благоприятной для их конкурентов) политики со стороны государства (Lee, 2008).

Эти недостатки приводят к постепенным трансформациям. После кризиса 1997 года головные компании сети стали выкупать акции контрагентов, в результате чего система управления стала более пирамидальной и иерархичной (Sung and Kim, 2017). Даже там, где не происходит концентрация всей собственности в руках головной компании, наблюдаются схожие процессы. Например, чеболи Samsung и SK Telecom за последние 10 лет выстроили более формальные системы, в которых головной офис получает большие полномочия в обмен на прописанные схемы вознаграждения для малых фирм (Cho et al., 2018). Некоторые трансформации связаны и с реформой чеболей, принятой южнокорейским правительством после 1997 года под давлением международных организаций. По новым правилам чеболи должны были сконцентрироваться в отдельных отраслях и перестать гарантировать всем компаниям сети, что главная фирма сможет выплатить их долги. Таким образом, чеболи, оказавшие положительное влияние на экономическое развитие Кореи во второй половине XX века, сейчас аналогично кейрацу стали трансформироваться в иерархичные корпорации.

Кластер. Кластеры – это сконцентрированные в одной географической зоне и связанные между собою группы компаний и институты развития, которые играют решающую роль как в создании среды для зарождения новых фирм, так и в предоставлении им клубных или общественных благ (Porter, 1998). Из данного определения вытекает, что кластеры – не только географический феномен, но и особая структура взаимодействия фирм: между ними существуют долгосрочные контракты, для фирм также характерно совместное использование имеющейся научной и технологической инфраструктуры (например, совместное внедрение изобретений, созданных на территории кластера). В основном кластеры функционируют в развитых странах, однако есть примеры того, как они возникают в развивающихся странах, например на Тайване.

История появления и развития тайваньских кластеров рассматривается в исследовании П. Герриери и К. Пьетробелли. В конце 1980-х годов благодаря созданию государством двух технопарков на их базе возникли малые и средние предприятия в сфере IT и электроники. Зарождение в технопарках прорывных стартапов привело к тому, что к концу 1990-х годов Тайвань занял 3-е место в мире по производству компьютеров, уступая лишь США и Японии. Авторы объясняют успех Тайваня сетевым эффектом и экономией на транзакционных издержках: компании внутри кластера обменивались ноу-хау, что способствовало инновационному развитию. При этом кластер, по мнению авторов, образовался благодаря участию государства, которое создало для него всю необходимую инфраструктуру (от коммуникаций до системы

«одного окна» для регистрации бизнеса), а также благодаря присутствию на Тайване иностранных корпораций, которые еще до бума кластеров появились обеспечили страну достаточным количеством специалистов в области электроники (Guerrieri and Pietrobelli, 2004).

На Тайване выделяются лишь шесть технологических кластеров, однако они играют значительную роль в экономике острова. По оценкам экспертов, в одном технопарке в городе Синьчжу в 1999 году создавалось 13 % ВВП всей страны, при именно наиболее передовые отрасли тайваньской экономики базируются именно в кластерах (Lee et al., 2017). На сегодняшний день признаков того, что тайваньские кластеры по мере достижения успеха начинают увядать, нет. Однако необходимо признать, что с момента зарождения высокотехнологических отраслей в стране прошло слишком мало времени для точного ответа на вопрос, являются ли кластеры в данном случае промежуточным институтом. Вполне возможно, что данный кейс станет примером успешной «трансплантации» института. Такой успех для формы организации производства, которая встречается в основном только в высокоразвитых странах, может быть связан с тем, что кластеры возникают в развивающихся странах за счет отдельных уникальных научных центров (наличие которых, впрочем, является большой редкостью) (Porter and Ketels, 2009). Тайвань как раз оказался уникальным примером такого рода развивающейся страны, где за счет относительно развитой научной сферы и присутствия в стране иностранных технологических компаний были подходящие компетенции для формирования индустрии микроэлектроники.

Индустриальные районы. Индустриальные районы – это разновидность гибрида, для которой характерно «активное участие в ней как сообщества людей, так и местных фирм, в одной естественно и исторически ограниченной области» (Becattini, 1990, p. 32). Хотя во многом индустриальные районы похожи на кластеры, их отличает локализм: участниками индустриальных районов являются местные жители (тогда как кластеры более открыты для приезжих); выбор товара, производимого в индустриальном районе, связан с традиционными навыками его жителей. Данная разновидность гибрида особенно распространена в Южной Европе, и, как показывают исследования, также была там промежуточным институтом, способствующим модернизации экономики (Ситкевич, 2019). Однако некоторая вариация индустриальных районов наблюдается не только в Европе, но и в Китае.

Описывая историю китайских индустриальных районов, Дж. Ванг и Л. Мэй отмечают, что данные предпринимательские сети сложились во многих селах и малых городах прибрежных провинций Китая после реформ Дэн Сяопина в 1980-х годах. При этом реформы не предполагали поддержку индустриальных районов (Garnaut et al., 2018). В то же время либерализация внешнеторговой политики, создание особых экономических зон, а также расширение свободы предпринимательства упростили экономическую деятельность жителям КНР, и индустриальные районы оказались удобной ее формой. При этом у сложившихся в 1980-х годах в Китае предпринимательских сетей был разный генезис: если одни возникали в селах на основе традиционных сетей коопераций между крестьянами, то другие – вокруг существующих

научных центров и промышленных предприятий. Последние чаще принимали фокальную форму, в которой коммуникация в основном происходит между малым предприятием и центральной компанией (или научной организацией) индустриального района (Wang and Mei, 2009).

Большая иерархичность – не единственная особенность китайских индустриальных районов по сравнению с европейскими аналогами. Ванг и Мэй выделяют следующие специфичные черты китайских индустриальных районов:

- они зависят не только от внешнего спроса на продукцию, но и от иностранных инвестиций, в связи с чем в первую очередь возникали в особых экономических зонах;
- их основное конкурентное преимущество не уникальность товара, а низкая стоимость, связанная, в свою очередь, с низкой стоимостью рабочей силы;
- выбор специализации кластера связан не с традициями производства, а с экспортным спросом;
- низкий уровень добавленной стоимости: фирмы внутри китайских индустриальных районов в основном не разрабатывают свои собственные товары, а занимаются производством по лицензии;
- менее институционализированные отношения между фирмами и меньший объем совместной инфраструктуры;
- преобладание в наименее прибыльных секторах экономики (тогда как многие европейские индустриальные районы присутствуют в люксовом сегменте) (Wang and Mei, 2009).

В результате китайские индустриальные районы обеспечили рост благосостояния тех сообществ, на территории которых они появились. Изначально, способствуя координации между новыми предпринимателями, индустриальные районы были одной из движущих сил перехода от плановой к рыночной экономике (Bellandi and Lombardi, 2012). При этом по мере становления современной рыночной экономики в КНР роль индустриальных районов стала снижаться – некоторые из них становились полноценными технологическими кластерами, в которых занимались не только сборкой чужих товаров, но и созданием своих (Fleisher et al., 2010), другие стали интегрироваться в цепь поставок транснациональных корпораций или даже полностью ими выкупались (Jia et al., 2017). Таким образом, китайские индустриальные районы, став важной стадией экономического развития Китая, в итоге также оказались лишь промежуточным институтом, на смену которому пришли более технологичные и свойственные для развитых стран формы организации производства.

ОБСУЖДЕНИЕ

Гибридные институциональные соглашения связаны с экономической модернизацией в отдельных странах догоняющего развития. Более того, гибриды поспособствовали не только экономическому росту, но и переходу от плановой к рыночной системе (Китай), становлению инновационных тех-

нологических компаний (Япония, Южная Корея, Тайвань), развитию не только крупных агломераций, но и малых городов и сел (Китай). Более того, все примеры перехода стран с траектории Б на траекторию А связаны с гибридами, причем практически повсеместно последние стали основными локомотивами экономического бума.

Истории развития «азиатских тигров» показывают, что успех гибридов недолговечен и в большинстве случаев они выступают в качестве промежуточных институтов. Гибриды возникают в модернизирующейся стране на основе существующих традиционных форм организации производства (клановой системы в Японии и Южной Корее, крестьянской и ремесленной кооперации в Китае). По мере развития они делают свое производство более конкурентоспособным, за счет чего достигается рост благосостояния. Однако с определенного момента, как фиксирует большинство кейсов, данная кооперация становится неэффективной, в результате чего гибриды либо становятся более иерархичными структурами (или даже единой вертикально интегрированной компанией), либо начинают значительно чаще использовать рыночные механизмы трансакций, либо распадаются. Фактически гибриды трансформируются в более распространенные в развитых странах формы производства – неслучайно процесс перехода от гибридных институциональных соглашений к рыночным в японских кейрэцу исследователи назвали «вестернизацией». Отдельно стоит отметить динамику развития корейских чеболей. Хотя в них наблюдаются процессы иерархизации, трансформация институциональной среды застопорилась, поскольку группы интересов, связанные с чеболями, смогли повлиять на решения властей и добиться наиболее благоприятных условий для себя. Данная проблема отражена в научной литературе: переход к желаемому институту может быть прерван из-за тех, кому выгодно сохранение промежуточного института (Полищук, 2008).

В то же самое время не все из описанных примеров гибридных институциональных соглашений можно с уверенностью назвать именно промежуточными институтами. На Тайване это связано с тем, что созданные с помощью государственной поддержки технологические кластеры изначально были формой организации производства, по своему дизайну характерной для развитых стран. Этот пример демонстрирует, что не всякий гибрид является промежуточным институтом – более того, как показывает опыт КНР, процесс институциональной трансформации может привести к тому, что одна разновидность гибридных институциональных соглашений (индустриальный район) превратится в другую, более характерную для стран с высоким уровнем дохода (технологический кластер).

Говоря о гибридах как о промежуточных институтах, нельзя не обратить внимание на политику, которой придерживались государства для их формирования. Опыт проанализированных выше стран показывает, что единых механизмов экономической политики, направленной на стимулирование развития гибридных институциональных соглашений, нет. Тем не менее, можно выделить несколько направлений:

– активная внешнеторговая политика. Успешные предприятия не могут возникнуть, если на их продукцию нет спроса. Так как внутренний рынок

в развивающихся странах зачастую сравнительно небольшой, для появления спроса необходимо поддерживать экспортную деятельность гибридов. Именно этим активно занимались правительства Японии и Южной Кореи, способствуя экспорту технологической продукции и ограничивая ее импорт. При этом уже с 1970-х годов, когда Япония стала догонять развитые страны, она отказалась от протекционизма в пользу свободной торговли, что в итоге способствовало повышению конкурентоспособности японской экономики (Johnson, 1982). Иными словами, поддержка экспортной деятельности местных компаний может быть эффективна до некоторого предела, после которого фирмы начинают в конкурентной борьбе полагаться в первую очередь на преференции, которые предоставляет государство;

- либерализация экономической деятельности. Это стало толчком для развития индустриальных районов в Китае: как только государство ослабило контроль за экономикой, сельские предприниматели и сотрудники научно-исследовательских организаций получили возможность открыть свой бизнес и кооперироваться друг с другом;

- прямая поддержка кластеров и индустриальных районов. В некоторых случаях государство напрямую помогает сформировавшимся или потенциальным гибридам. Так, на Тайване государство оказывало как инфраструктурную, так и правовую поддержку в технопарках, на базе которых возникали кластеры. Похожую помощь получали и китайские индустриальные районы: государство создавало особые экономические зоны в прибрежных провинциях с современной инфраструктурой, а также особыми условиями для иностранных инвесторов (Garnaut et al., 2018).

Таким образом, государственная политика может способствовать формированию гибридов в модернизирующихся странах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гибридные институциональные соглашения, как показывает опыт Восточной Азии, могут быть объектом государственной политики и способствовать экономической модернизации. Кроме того, гибридные институциональные соглашения могут выступать в качестве промежуточных институтов. Опыт существования индустриальных районов показывает, что они способствуют экономическому росту в обществах с преобладанием традиционных регуляторов, однако позже, по мере модернизации общества и роста благосостояния, гибриды либо превращаются в единую иерархичную корпорацию, либо распадаются на не связанные друг с другом компании.

Впрочем, некоторые вопросы, поднятые в исследовании, остались открытыми. Так, из представленного анализа ясно, почему в «азиатских тиграх» возникли подобные эффективные формы организации производства, но не до конца понятны причины, по которым они отсутствуют в остальных развивающихся странах. Кроме того, остается не до конца понятным механизм, благодаря которому гибриды в модернизированных странах претерпевают трансформацию. Хотя в научной литературе существуют предположения, связанные с разрушением традиционных связей внутри сообщества

и распадом социального капитала, данный вопрос требует отдельного исследования, выходящего за пределы тематики настоящей работы.

Впрочем, несмотря на то, что механизмы трансформации гибридов в традиционных и посттрадиционных сообществах еще не до конца изучены, полученных фактов достаточно, чтобы говорить об эффективности как самих гибридов, так и мер, направленных на их поддержку. Таким образом, добиться высоких темпов экономического роста возможно не только масштабными инвестиционными проектами и поддержкой крупных корпораций, но и более тонкими, но не менее действенными инструментами.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации на 2021 год по теме «Общие подходы к модернизации экономических и социальных отношений на Северном Кавказе: институциональные альтернативы».

Библиографический список

Аузан А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.

Полицук Л. Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 28–44. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-8-28-44.

Полтерович В. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.

Ситкевич Д. А. Индустриальные районы как инструмент модернизации традиционного общества: пример Южной Европы // *Ars Administrandi*. 2019. Т. 11, № 4. С. 632–653. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-4-632-653.

Ahmadjian C. L., Lincoln J. R. Keiretsu, governance, and learning: Case studies in change from the Japanese automotive industry // *Organization science*. 2001. Vol. 12, № 6. P. 683–701. DOI: 10.1287/orsc.12.6.683.10086.

Becattini G. The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // *Revue d'économie industrielle*. 1990. Vol. 157, № 1. P. 13–32. DOI: 10.4000/rei.6507.

Beck P. M. Revitalizing Korea's chaebol // *Asian Survey*. 1998. Vol. 38, № 11. P. 1018–1035. DOI: 10.2307/2645683.

Bellandi M., Lombardi S. Specialized markets and Chinese industrial clusters: The experience of Zhejiang Province // *China Econ. Rev.* 2012. Vol. 23, № 3. С. 626–638. DOI: 10.1016/j.chieco.2012.03.001.

Berglöf E., Perotti E. The governance structure of the Japanese financial keiretsu // *Journal of Financial Economics*. 1994. Vol. 36, № 2. P. 259–284. DOI: 10.1016/0304-405X(94)90026-4.

Campbell T. L., Keys P. Y. Corporate governance in South Korea: The chaebol experience // *Journal of Corporate Finance*. 2002. Vol. 8, № 4. P. 373–391. DOI: 10.1016/S0929-1199(01)00049-9.

Cho M. H., Bae J., Chung J. et al. Competitive strategy and the challenges for the chaebol // Strategic, policy, and social innovation for a post-industrial Korea / Ed. by J. N. Choi, Y. S. Lee, G.-W. Shin. New York: Routledge, 2018. P. 42–51. DOI: 10.4324/9781351183024-3.

Cowling K., Tomlinson P. R. The Japanese crisis – a case of strategic failure? // Economic Journal. 2000. Vol. 110, № 464. P. 358–381. DOI: 10.1111/1468-0297.00545.

Dabrowski M. Different strategies of transition to a market economy: How do they work in practice? // Policy research working paper. 1996. № 1579. 56 p. DOI: 10.1596/1813-9450-1579.

Fleisher B., Hu D., McGuire W. et al. The evolution of an industrial cluster in China // China Economic Review. 2010. Vol. 21, № 3. P. 456–469. DOI: 10.1016/j.chieco.2010.04.004.

China's 40 years of reform and development: 1978–2018 / Ed. by R. Garnaut, L. Song, C. Fang. Acton: ANU Press, 2018. 708 p. DOI: <http://doi.org/10.22459/CYRD.07.2018>.

Furubotn E., Richter R. Institutions and economic theory: The contribution of the new institutional economics. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2010. 672 p. DOI: 10.3998/mpub.6715.

Gerlach M. L. The Japanese corporate network: A blockmodel analysis // Administrative Science Quarterly. 1992. Vol. 37, № 1. P. 105–139. DOI: 10.2307/2393535.

Goto A. Business groups in a market economy // European Economic Review. 1982. Vol. 19, № 1. P. 53–70. DOI: 10.1016/0014-2921(82)90005-8.

Grabowiecki J. Keiretsu groups: Their role in the Japanese economy and a reference point (or a paradigm) for other countries [Электронный ресурс] // Visiting Research Fellow Monograph Series. 2006. № 413. 85 p. URL: <https://www.ide.go.jp/library/English/Publish/Download/Vrf/pdf/413.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).

Guerrieri P., Pietrobelli C. Industrial districts' evolution and technological regimes: Italy and Taiwan // Technovation. 2004. Vol. 24, № 11. P. 899–914. DOI: 10.1016/S0166-4972(03)00048-8.

Hoshi T., Kashyap A. Corporate financing and governance in Japan: The road to the future // The Journal of Asian Studies. 2004. Vol. 61, № 3. DOI: 10.2307/3096387.

Jeong G. Miracle on the Han River: A regression analysis of the effect of chaebol dominance on South Korea's economic growth. Undergraduate Honors Theses. Denver, CO: University of Colorado, 2015. 51 p.

Jia L., Li S., Tallman S. et al. Catch-up via agglomeration: A study of township clusters // Global Strategy Journal. 2017. Vol. 7, № 2. P. 193–211. DOI: 10.1002/gsj.1154.

Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The growth of industrial policy, 1925–1975. Stanford, CA: Stanford University Press, 1982. 393 p.

Kim J. Determinants of corporate bankruptcy: Evidence from chaebol and non-chaebol firms in Korea // Asian Economic Journal. 2020. Vol. 34, № 3. P. 275–300. DOI: 10.1111/asej.12218.

Kosaka G., Nakagawa K., Manabe S. et al. The vertical keiretsu advantage in the era of Westernization in the Japanese automobile industry: Investigation from transaction cost economics and a resource-based view // Asian Business and Management. 2020. Vol. 19, № 1. P. 36–61. DOI: 10.1057/s41291-019-00074-2.

Lee P.-S. Economic crisis and chaebol reform in Korea [Электронный ресурс] // Discussion Paper. 2000. № 14. 20 p. URL: <https://www8.gsb.columbia.edu/apec/sites/apec/files/files/discussion/PSLee.PDF> (дата обращения: 13.01.2021).

Lee S. J. The politics of chaebol reform in Korea: Social cleavage and new financial rules // Journal of Contemporary Asia. 2008. Vol. 38, № 3. P. 439–452. DOI: 10.1080/00472330802078519.

Lee S. J., Lin G. T. R., Hsi P. H. Industrial cluster development and its contribution to economic growth in Taiwan – Hsinchu Science and Industrial Park (HSIP) // Journal of Scientific and Industrial Research. 2017. Vol. 76, № 5. P. 273–278.

Lincoln J. R., Gerlach M. L., Ahmadjian C. L. Keiretsu networks and corporate performance in Japan // American Sociological Review. 1996. Vol. 61, № 1. P. 67–88. DOI: 10.2307/2096407.

Lincoln J. R., Gerlach M. L., Takahashi P. Keiretsu networks in the Japanese economy: A dyad analysis of intercorporate ties // American Sociological Review. 1992. Vol. 57, № 5. P. 561–585. DOI: 10.2307/2095913.

McGuire J., Dow S. Japanese keiretsu: Past, present, future // Asia Pacific Journal of Management. 2009. Vol. 26, № 2. P. 333–351. DOI: 10.1007/s10490-008-9104-5.

Ménard C. The economics of hybrid organizations // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2004. Vol. 160, № 3. P. 345–376. DOI: 10.1628/0932456041960605.

Murillo D., Sung Y.-D. Understanding Korean capitalism: Chaebols and their corporate governance [Электронный ресурс] // ESADEgeo Position Paper. 2013. № 33. 13 p. URL: https://itemsweb.esade.edu/research/esadegeo/201309Chaebols_Murillo_Sung_EN.pdf (дата обращения: 13.01.2021).

Park S. R., Yuhn K.-H. Has the Korean chaebol model succeeded? // Journal of Economic Studies. 2012. Vol. 39, № 2. P. 260–274. DOI: 10.1108/01443581211222680.

Porter M. Competitive advantage of nations. New York: Free Press, 1998. 896 p.

Porter M. Location, competition, and economic development: Local clusters in a global economy // Economic Development Quarterly. 2009. Vol. 14, № 1. P. 15–34. DOI: 10.1177/089124240001400105.

Porter M., Ketels C. Clusters and industrial districts: Common roots, different perspectives // A handbook of industrial districts / Ed. by G. Becattini, M. Bellandi, L. De Propis. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. P. 172–186.

Qian Y. Government control in corporate governance as a transitional institution: Lessons from China // Rethinking the East Asian miracle / Ed. by J. E. Stiglitz, Sh. Yusuf. Washington, DC: Oxford University Press, 2001. P. 295–321.

Sung T., Kim D. How chaebol restructuring after the 1997 crisis has affected corporate decision and performance in Korea: Debt financing, ownership structure, and investment // China Economic Journal. 2017. Vol. 10, № 2. P. 147–161. DOI: 10.1080/17538963.2017.1319630.

Wang J., Mei L. Trajectories and prospects of industrial districts in China // A handbook of industrial districts / Ed. by G. Becattini, M. Bellandi, L. De Propis. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. P. 598–602.

Zenger T. R., Hesterly W. S. The disaggregation of corporations: Selective intervention, high-powered incentives, and molecular units // Organization Science. 1997. Vol. 8, № 3. P. 209–222. DOI: 10.1287/orsc.8.3.209.

Информация об авторе

Ситкевич Даниил Андреевич – младший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики Института прикладных экономических исследований ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, г. Москва, просп. Вернадского, 82, аспирант кафедры прикладной институциональной экономической теории экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119234, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0002-6498-1747

ResearcherID: AAD-1028-2019

Электронный адрес: Sitkevich@iep.ru

Статья получена 9 февраля 2021 года

UDC330.342

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-???-???

HYBRID ORGANIZATIONS AS EFFECTIVE INTERMEDIATE INSTITUTIONS: EVIDENCE FROM EASTERN ASIA

Daniil A. Sitkevich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadsky ave., Moscow, 119571, Russia
Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

ORCID: 0000-0002-6498-1747

ResearcherID: AAD-1028-2019

E-mail: Sitkevich@iep.ru

For citation:

Sitkevich, D. A. (2021), "Hybrid organizations as effective intermediate institutions: Evidence from Eastern Asia", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 110–130, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-110-130.

Introduction: the article examines the impact of hybrid organizations on the economic dynamics of Eastern Asian countries.

Objectives: to assess the effectiveness of hybrid organizations as intermediate institutions that promote economic development, to describe the transformation of hybrids as they are modernized.

Methods: dialectical method, system analysis, case study method, induction method.

Results: the positive role of hybrid organizations in catching-up economic development is revealed; it is shown that hybrids serve as intermediate institutions

that either transform or hinder economic growth as modernization progresses; possible economic policies to support hybrids are described.

Conclusions: hybrid organizations are common in many countries and regions with a predominance of traditional regulators which have managed to reach the development path of developed countries. Thus, hybrids are country specific for the “Asian tigers” – Japan (in the form of keiretsu), South Korea (in the form of chaebols), Taiwan (in the form of clusters) as well as for China (in the form of industrial areas). At the same time, in most cases, hybrid institutional agreements serve as intermediate institutions – relying on existing social ties, they promote economic growth, but as they modernize, they either undergo changes or hinder subsequent development. The analysis of the presented cases also shows that the state can contribute to the formation of hybrids in various ways – from creating infrastructure to supporting the export activities of firms.

Keywords: hybrid organizations; economic development; intermediate institutions, keiretsu; chaebol; cluster; industrial district; Eastern Asia

Keywords: hybrid organizations; economic development; intermediate institutions, keiretsu; chaebol; cluster; industrial district; Eastern Asia

ACKNOWLEDGEMENTS

The research has been funded through the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration for 2021 (topic: “General approaches to the modernization of economic and social relations in the North Caucasus: Institutional alternatives”).

References

- Auzan, A. (2015), “Path dependence problem: The evolution of approaches”, *Moscow University Economics Bulletin. Series 6. Economy*, no. 1, pp. 3–17.
- Polishchuk, L. (2008), “Misuse of institutions: Its causes and consequences”, *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 28–45, doi: 10.32609/0042-8736-2008-8-28-44.
- Polterovich, V. (2001), “Transplantation of economic institutions”, *Economics of Contemporary Russia*, no. 3, pp. 24–50.
- Sitkevich, D. A. (2019), “Industrial districts as the instrument of modernisation: Evidence from Southern Europe”, *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 4, pp. 632–653, doi: 10.17072/2218-9173-2019-4-632-653.
- Ahmadjian, C. L. and Lincoln, J. R. (2001), “Keiretsu, governance, and learning: Case studies in change from the Japanese automotive industry”, *Organization Science*, vol. 12, no. 6, pp. 683–701, doi: 10.1287/orsc.12.6.683.10086.
- Becattini, G. (1990), “The Marshallian industrial district as a socio-economic notion”, *Revue d'économie industrielle*, vol. 157, no. 1, pp. 13–32, doi: 10.4000/rei.6507.
- Beck, P. M. (1998), “Revitalizing Korea's chaebol”, *Asian Survey*, vol. 38, no. 11, pp. 1018–1035, doi: 10.2307/2645683.

Bellandi, M. and Lombardi, S. (2012), "Specialized markets and Chinese industrial clusters: The experience of Zhejiang Province", *China Economic Review*, vol. 23, no.3, pp. 626–638, doi: 10.1016/j.chieco.2012.03.001.

Berglöf, E. and Perotti, E. (1994), "The governance structure of the Japanese financial keiretsu", *Journal of Financial Economics*, vol. 36, no. 2, pp. 259–284, doi: 10.1016/0304-405X(94)90026-4.

Campbell, T. L. and Keys, P. Y. (2002), "Corporate governance in South Korea: The chaebol experience", *Journal of Corporate Finance*, vol. 8, no. 4, pp. 373–391, doi: 10.1016/S0929-1199(01)00049-9.

Cho, M. H., Bae, J., Chung, J. et al. (2018), "Competitive strategy and the challenges for the chaebol", in Choi, J. N., Lee, Y. S., Shin, G.-W. (eds.), *Strategic, policy, and social innovation for a post-industrial Korea*, Routledge, NYC, NY, USA, pp. 42–51, doi: 10.4324/9781351183024-3.

Cowling, K. and Tomlinson, P. R. (2000), "The Japanese crisis – a case of strategic failure?", *Economic Journal*, vol. 110, no. 464, pp. 358–381, doi: 10.1111/1468-0297.00545.

Dabrowski, M. (1996), "Different strategies of transition to a market economy: How do they work in practice?", *Policy Research Working Papers*, no. 1579, 56 p., doi: 10.1596/1813-9450-1579.

Fleisher, B., Hu, D., McGuireet, W. et al. (2010), "The evolution of an industrial cluster in China", *China Economic Review*, vol. 21, no. 3, pp. 456–469, doi: 10.1016/j.chieco.2010.04.004.

Furubotn, E. and Richter, R. (2010), *Institutions and economic theory: The contribution of the new institutional economics*, University of Michigan Press, Ann Arbor, MI, US, doi: 10.3998/mpub.6715.

Garnaut, R., Song, L. and Fang, C. (eds.) (2018), *China's 40 years of reform and development: 1978–2018*, ANU Press, Acton, Australia, doi: 10.22459/cyrd.07.2018.

Gerlach, M. L. (1992), "The Japanese corporate network: A blockmodel analysis", *Administrative Science Quarterly*, vol. 37, no. 1, pp. 105–139, doi: 10.2307/2393535.

Goto, A. (1982), "Business groups in a market economy", *European Economic Review*, vol. 19, no. 1, pp. 53–70, doi: 10.1016/0014-2921(82)90005-8.

Grabowiecki, J. (2006), "Keiretsu groups: Their role in the Japanese economy and a reference point (or a paradigm) for other countries", *Visiting Research Fellow Monograph Series*, no. 413 [Online], available at: <https://www.ide.go.jp/library/English/Publish/Download/Vrf/pdf/413.pdf> (Accessed January 15, 2021).

Guerrieri, P. and Pietrobelli, C. (2004), "Industrial districts' evolution and technological regimes: Italy and Taiwan", *Technovation*, vol. 24, no. 11, pp. 899–914, doi: 10.1016/S0166-4972(03)00048-8.

Hoshi, T. and Kashyap, A. (2004), "Corporate financing and governance in Japan: The road to the future", *The Journal of Asian Studies*, vol. 61, no. 3, doi: 10.2307/3096387.

Jeong, G. (2015), "Miracle on the Han River : A regression analysis of the effect of chaebol dominance on South Korea's economic growth", Undergraduate Honors Theses, University of Colorado, Denver, CO, US.

Jia, L., Li, S., Tallman, S. et al. (2017), "Catch-up via agglomeration: A study of township clusters", *Global Strategy Journal*, vol. 7, no. 2, pp. 193–211, doi: 10.1002/gsj.1154.

Johnson, C. (1982), *MITI and the Japanese miracle: The growth of industrial policy, 1925–1975*, Stanford University Press, Stanford, CA, US.

Kim, J. (2020), "Determinants of corporate bankruptcy: Evidence from chaebol and non-chaebol firms in Korea", *Asian Economic Journal*, vol. 34, no. 3, pp. 275–300, doi: 10.1111/asej.12218.

Kosaka, G., Nakagawa, K., Manabe, S. et al. (2020), "The vertical keiretsu advantage in the era of Westernization in the Japanese automobile industry: Investigation from transaction cost economics and a resource-based view", *Asian Business and Management*, vol. 19, no. 1, pp. 36–61, doi: 10.1057/s41291-019-00074-2.

Lee, P. (2000), "Economic crisis and chaebol reform in Korea", *Discussion Paper*, no. 14 [Online], available at: <https://www8.gsb.columbia.edu/apec/sites/apec/files/files/discussion/PSLee.PDF> (Accessed January 13, 2021).

Lee, S. J. (2008), "The politics of chaebol reform in Korea: Social cleavage and new financial rules", *Journal of Contemporary Asia*, vol. 38, no. 3, pp. 439–452, doi: 10.1080/00472330802078519.

Lee, S. J., Lin, G. T. R. and Hsi, P. H. (2017), "Industrial cluster development and its contribution to economic growth in Taiwan – Hsinchu Science and Industrial Park (HSIP)", *Journal of Scientific and Industrial Research*, vol. 76, no. 5, pp. 273–278.

Lincoln, J. R., Gerlach, M. L. and Ahmadjian, C. L. (1996), "Keiretsu networks and corporate performance in Japan", *American Sociological Review*, vol. 61, no. 1, pp. 67–88, doi: 10.2307/2096407.

Lincoln, J. R., Gerlach, M. L. and Takahashi, P. (1992), "Keiretsu networks in the Japanese economy: A dyad analysis of intercorporate ties", *American Sociological Review*, vol. 57, no. 5, pp. 561–585. DOI: 10.2307/2095913.

McGuire, J. and Dow, S. (2009), "Japanese keiretsu: Past, present, future", *Asia Pacific Journal of Management*, vol. 26, no. 2, pp. 333–351, doi: 10.1007/s10490-008-9104-5.

Menard, C. (2004), "The economics of hybrid organizations", *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 160, no. 3, pp. 345–376, doi: 10.1628/0932456041960605.

Murillo, D. and Sung, Y.-D. (2013), "Understanding Korean capitalism: Chaebols and their corporate governance", *ESADEge Position Paper*, no. 33 [Online], available at: https://itemsweb.esade.edu/research/esadegeo/201309Chaebols_Murillo_Sung_EN.pdf (Accessed January 13, 2021).

Park, S. R. and Yuhn, K.-H. (2012), "Has the Korean chaebol model succeeded?", *Journal of Economic Studies*, vol. 39, no. 2, pp. 260–274, doi: 10.1108/01443581211222680.

Porter, M. (1998), *Competitive advantage of nations*, Free Press, NYC, NY, US.

Porter, M. (2009), "Location, competition, and economic development: Local clusters in a global economy", *Economic Development Quarterly*, vol. 14, no. 1, pp. 15–34, doi: 10.1177/089124240001400105.

Porter, M. and Ketels, C. (2009), "Clusters and industrial districts: Common roots, different perspectives", in Becattini, G., Bellandi, M. and De Propis, L. (eds.), *A handbook of industrial districts*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, pp. 172–186.

Qian, Y. (2001), "Government control in corporate governance as a transitional institution: Lessons from China", in Stiglitz, J. E. and Yusuf, Sh., *Rethinking the East Asian miracle*, Oxford University Press, Washington, DC, US, pp. 295–321.

Sung, T. and Kim, D. (2017), "How chaebol restructuring after the 1997 crisis has affected corporate decision and performance in Korea: Debt financing, ownership structure, and investment", *China Economic Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 147–161, doi: 10.1080/17538963.2017.1319630.

Wang, J. and Mei, L. (2009), "Trajectories and prospects of industrial districts in China", in Becattini, G., Bellandi, M. and De Propis, L. (eds.), *A handbook of industrial districts*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, pp. 598–602.

Zenger, T. R. and Hesterly, W. S. (1997), "The disaggregation of corporations: Selective intervention, high-powered incentives, and molecular units", *Organization Science*, vol. 8, no. 3, pp. 209–222, doi: 10.1287/orsc.8.3.209.

Received February 9, 2021

УДК 316.474(а)

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-131-142

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АГЕНТЫ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ: О ФАКТОРАХ НОРМАЛИЗАЦИИ ФЕМИНИТИВОВ В СТРАНАХ ЗАПАДА И ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Е. В. ЯКУТОВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Якутова Е. В. Политические агенты или экономические условия: о факторах нормализации феминитивов в странах Запада и постсоветского пространства // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 131–142. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-131-142.

Введение: глобализация – тенденция, характерная для большинства стран вне зависимости от их политического, экономического и культурного развития. Как сложное многогранное явление она определяет облик современного мира. Это верно также и в отношении языковой политики разных стран, где прослеживается борьба за феминитивы.

Цель: определение набора социальных и политических факторов, которые обуславливают нормализацию феминитивов.

Методы: кросс-региональный метод, историко-генетический метод.

Результаты: рассмотрены случаи шести стран – западных (Франция, Бельгия и Канада) и незападных (Россия, Украина, Республика Беларусь), определены основные факторы, способствующие возникновению споров относительно феминитивов, а также их дальнейшей нормализации.

Выводы: агентский фактор в виде феминистских организаций и экономический фактор (уровень экономического развития) являются во всех рассмотренных случаях катализатором появления споров о феминитивах, а также их дальнейшей нормализации. К другим факторам относятся: доступность для женщин политической арены, политический режим, способствующий или препятствующий публичному продвижению и нормализации феминитивов, геополитический фактор, наиболее актуальный для стран постсоветского пространства, федеративное устройство, сыгравшее положительную роль в западных странах.

Ключевые слова: феминизм; феминитивы; феминистская критика языка; гендер

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация как комплексное многогранное явление оказывает не только экономическое и политическое, но и социокультурное влияние на страны современного мира (Соловьева, 2018). Одним из важнейших последствий глобализационных процессов является трансформация государств, выражающаяся в том числе в конгруэнтности политико-институциональных решений, включая те, которые касаются области языковой политики в части права граждан, групп и сообществ на родной язык. Сам по себе дискурс языковых прав для этнических меньшинств в последние десятилетия является глобальным и может рассматриваться как эффект глобализации, его институциональная поддержка осуществляется через международные институции

и их программы, нормативные правовые акты. Однако практики «универсализации» языковой политики едва ли замыкаются на вопросах языковых прав этнических меньшинств. Не менее важным и глобалистски обусловленным является феминистский дискурс языкового планирования, проявляющийся в политической плоскости в борьбе за феминитивы и связанный с большой историей феминистской критики в социальных науках. Последняя обусловлена «второй волной феминизма», результатами которой в 1970-е годы стало расширение прав женщин во многих сферах общественной жизни – социальной, производственной, экономической, политической и др. На этот период приходится концептуальное осмысление андроцентричности языка и артикуляции необходимости введения слов, обозначающих деятельность женщин (Hornscheidt, 2012). Первыми в этом отношении были США, Франция, Германия, где активно развивалось общественно-политическое феминистское движение. Одним из эффектов его успеха стала феминизация, понимаемая как возрастание количества женщин, участвующих в каких-либо социальных, экономических или политических процессах.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечается в работах Р. Лакофф, А. П. Нильсен и др. (Lakoff, 1973; Nilsen, 1977; Кубрякова, 2004; Минеева, 2020; Хоткина, 2003; Guzaerova et al., 2019; Moi, 2002; Rajagopalan, 2001), закономерным результатом возросшей роли женщины в политической, экономической, трудовой и социальной жизни общества стала необходимость создания новых форм для ее репрезентации, чем и было обусловлено появление дискуссий о феминитивах.

При этом важно понимать, что выделяются два вида факторов, способствующих развитию споров о феминитивах, – агентские и структурные. Ключевым аспектом агентских факторов является то обстоятельство, что существуют агенты успешной нормализации феминитивов (феминистские организации), и важно учитывать их укоренность в обществе, силу влияния и доступность для них политической арены – и парламентской, и электоральной. Структурные факторы учитывают уровень экономического развития, вовлеченность женщин в разные отрасли экономики – образование, политику, медицину и др., а также их карьерные возможности. Таким образом, ключевым становится вопрос о главенствующем факторе, который оказывает влияние на нормализацию феминитивов.

Языковые реформы, направленные на нормализацию феминитивов, запускались и реализовывались в широком контексте публично сопряженных друг с другом исследований в области гендерной лингвистики и практической деятельности феминистских организаций. При этом феминизация общественной жизни, прежде всего в странах Западной Европы, создавала благоприятный контекст для публичной нормализации феминитивов (Thorne, 2006; Березина, 2011).

Вместе с тем дискурс о феминитивах не является исключительно западноевропейским: публичные споры о них характерны и для незападного мира, в частности стран постсоветского пространства (Воронина, 2013; Нещименко, 2003; Mickiewicz, 2019). Это позволяет поставить вопрос, чем обусловлены споры о феминитивах и их дальнейшая нормализация.

Обзор литературы, посвященной изучению феминитивов, необходимости их употребления, анализу контекста развития феминизма и нормализации феминитивов на примере шести стран¹, а также государственному участию в их нормализации, показывает, что академические дискуссии о феминитивах потенциально имеют публичное и политическое значение. Развитие таких дискуссий нередко сопряжено как с самой активностью феминистских организаций, манифестирующих необходимость представительства женского в языке, в частности феминизации названий профессий и должностей, которые в большинстве являются андроцентричными, так и с осмыслением и научной интерпретацией этой активности (Миретина, 2011; Картушина, 2016; Кривошеина, 2019; Круглова, 2008; Лукичева, 2015; Chaperton, 1995).

Однако стоит пояснить, на основании чего была сделана выборка кейсов. Во-первых, главным условием отбора случаев была структура языка (наличие родов), которая, в свою очередь, позволяет образовывать феминитивы. Во-вторых, в обоих случаях мы можем наблюдать влияние принципа kin-state в языковой сфере: Франция для франкоговорящего сообщества в Бельгии и Канаде; Россия для русскоязычного населения в Республике Беларусь и на Украине. В-третьих, невключение других случаев, где присутствует языковое планирование по нормализации использования феминитивов, объясняется упрощением исследовательского дизайна, а также выработкой стратегии государственного языкового планирования двух разноплановых случаев – западные / незападные (постсоветские).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целом случаи Франции, Бельгии и Канады следует рассматривать как успешные, поскольку на протяжении сорока лет происходит значительная феминизация социально-политической и экономической жизни общества (Sunderland, 2013; Миретина, 2011; Подагуц, 2019). На сегодняшний день многие феминитивы, которые ранее казались несерьезными и вызывали негативную реакцию как в обществе, так и в академической среде, используются повсеместно и являются языковой нормой. Однако важно понимать, что не все страны поддерживают повестку феминизации языка и предпринимают практические шаги в этом направлении. При этом общего объяснения разного уровня представленности вопроса о феминитивах в публичной повестке и успеха нормализации феминитивов не существует, есть лишь отдельные объяснения связи между нормализацией феминитивов и уровнем экономического развития или активностью женских организаций.

Для актуализации споров о феминитивах необходимо феминистское движение, для которого, в свою очередь, важен высокий уровень экономического развития² и доля занятости женщин в экономических секторах. Важно под-

¹ Три страны являются западными – Франция, Бельгия и Канада – и три незападными – Россия, Украина и Республика Беларусь.

² Ознакомиться с уровнем валового внутреннего продукта исследуемых стран за период с 1970 по 2019 год можно на сайте Института экономики и права Ивана Кушнера. См.: *Макроэкономические исследования* [Электронный ресурс] // Ин-т экономики и права Ивана Кушнера. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/index.html> (дата обращения: 23.11.2020).

черкнуть, что для всех выбранных кейсов одинаковым условием служит высокая занятость женщин в экономическом секторе, которая трансформируется в представительство на политической арене. Последнее наблюдается только в западных странах (Франция, Бельгия, Канада), в которых реализовывалась политика квотирования представленности женщин в политической сфере³ (Гузерева, 2019).

Следовательно, споры о феминитивах актуализируются и становятся политически значимыми, когда у женщин появляется возможность быть включенными в политические процессы принятия решений, а у женского движения – создавать политические партии. При этом качество феминистского движения зависит от характера политического режима в стране. Именно западные страны демонстрируют выявленную зависимость политического режима и качества феминистского движения. Во всех трех кейсах прослеживается одинаковая логика возникновения и развития женской повестки в целом в политико-публичном пространстве, в частности появление споров о феминитивах.

Однако различия наблюдаются в процессе нормализации феминитивов из-за различных контекстных обстоятельств. Например, во Франции⁴ сильно феминистское движение, оно способно аккумулировать дискуссии о феминитивах (Подагуц, 2019), однако, встречает сопротивление со стороны государства в целом и Французской академии в частности, что часто приводит к жарким спорам⁵. Тем не менее в 2019 году Французская академия, ранее считавшая феминитивы для обозначения профессий “варварскими”, заявила, что не возражает против таких изменений, «назвав это “естественной эволюцией” французского языка»⁶.

В свою очередь, в Бельгии прослеживается та же логика развития споров о феминитивах, то же период возникновения дискуссий в политико-публичном пространстве, что и во Франции. Отличие заключается в лингвистических особенностях образования феминитивов⁷. Сам процесс нормализации феминитивов в Бельгии, а именно в Валлонии, происходил на региональном уровне, исключая тем самым политическое влияние феде-

³ См., напр.: *Loi n° 2000-493 du 6 juin 2000 tendant à favoriser l'égal accès des femmes et des hommes aux mandats électoraux et fonctions électives* [Электронный ресурс] // Legifrance. 2009. 14 mai. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000400185/> (дата обращения: 21.11.2020).

⁴ *Bard C. Les premières femmes au Gouvernement (France, 1936–1981)* [Электронный ресурс] // Histoire Politique. 2007. Mai–juin. URL: <http://www.histoire-politique.fr/index.php?numero=01&rub=b=dossier&item=7> (дата обращения: 21.11.2020).

⁵ См.: *Sinard A. La naissance du MLF: “Il y a encore plus inconnu que le soldat inconnu, sa femme”* [Электронный ресурс] // France culture. 2017. 20 jan. URL: <https://www.franceculture.fr/societe/la-naissance-du-mlf-il-y-a-encore-plus-inconnu-que-le-soldat-inconnu-sa-femme> (дата обращения: 21.11.2020).

⁶ *Во Франции официально признали феминитивы для обозначения профессий* [Электронный ресурс] // BBC News Украина. 2019. 2 марта. URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/news-russian-47426408> (дата обращения: 25.11.2020).

⁷ *Les femmes et le droit de vote en Belgique : un peu d'histoire* [Электронный ресурс] // AVG-Carhif. 1998. URL: http://www.avg-carhif.be/cms/dossier_fpol_fr.php#1974 (дата обращения: 23.10.2020).

рального правительства, в частности сопротивление нововведениям во французский язык (De Bethune and Van Hoof, 2013). Опыт Бельгии по нормализации представляется более бесконфликтным по сравнению с Францией, где споры возникали между феминистскими организациями, лингвистами и самим государством.

Если же говорить о Канаде, в частности об опыте нормализации феминитивов в Квебеке, то схожесть с другими рассматриваемыми западными странами проявляется в логике появления споров о феминитивах (Борисова и Рубинштейн, 2013). При этом лингвистические способы образования феминитивов в Квебеке отличны и от Бельгии, и от Франции, а решения о правилах образования феминитивов и публичной нормализации принимались на региональном уровне так же, как и в Бельгии. Это делает случаи бельгийской Валлонии и канадского Квебека схожими, что дает основания обсуждать значимость федеративного устройства для реализации языковой политики, в том числе и нормализации феминитивов. Выявлено также, что успех нормализации феминитивов зависит от продолжительности споров о них: чем дольше, тем больше шансов на нормализацию.

В целом борьба за гендерное равенство, которая до сих пор активно ведется в публичном пространстве Франции, Бельгии, Канаде и других западных стран привлекает внимание российской общественности, в том числе и исследователей, изучающих использование феминитивов в речевом обороте. В случае незападных стран высокая активность и занятость женщин в экономике является результатом государственная политика СССР по гендерному равенству в трудовой сфере.

За последние 10 лет появилось достаточно много публикаций как научного, так и популяризаторского толка, посвященных феминитивам в русском языке, необходимости их использования, причинам их неприятия в обществе (Арутюнова, 2012; Едличко, 2019; Федотова и Кулик, 2016).

История развития нормализации феминитивов в России относится к периоду СССР, когда это являлось прерогативой государства. За период существования Советского Союза было образовано множество слов, обозначающих женские профессии, например, в 1930-е годы «в списке профессий, рекомендуемых для женщин в начале первой пятилетки, 220 из 278 профессий названы словами женского рода, а 58 – словами мужского рода» (Беркутова, 2018, с. 7). В дальнейшем слова женского рода постепенно замещаются на нейтральные, то есть мужские, так как в период 1950–60-х годов пропадает разделение на мужской и женский труд. Процессы нейтрализации слов мужского рода сохранялись на протяжении всего советского периода. «В советской лингвистике существовала точка зрения, что на расширение значения и употребление слов мужского рода могла оказать сильное влияние документация административных учреждений, для которой пол лица не является значимым» (Беркутова, 2018, с. 10). Процесс замещения слов женского рода на мужской обусловил текущее положение феминитивов в русском языке и отношение государства касательно гендеризированной языковой политики, а именно полное ее отсутствие в политической повестке.

Исследование показало, что только Украина из трех постсоветских случаев демонстрирует пример нормализации феминитивов. Для России и Республики Беларусь споры о феминитивах не являются актуальными, не выходят в поле широких политических дискуссий, оставаясь преимущественно в поле академических дебатов (Кряжева и Чиликина, 2016). При этом стилистически эти споры не являются в полной мере академическими: это публичные споры между либерально и консервативно настроенными гуманитариями, но не лингвистами и не по поводу самого языка. Первые апеллируют преимущественно к западному опыту, а вторые настаивают на том, что феминитивы – всего лишь модная тенденция, которая в скором времени станет неактуальной⁸.

Важным фактором, обусловившим силу и масштаб споров о феминитивах на постсоветском пространстве, стала геополитическая ситуация и переходное состояние политических режимов в указанных странах. Из-за авторитаризации политического режима в России споры о феминитивах нивелированы и выключены из публичного дискурса. В свою очередь, в Республике Беларусь из-за отсутствия борьбы за распространение белорусского языка, в котором имеются феминитивы, как основного языка в стране и геополитической ориентации официального руководства на Россию споры о феминитивах также не являются актуальными.

С точки зрения влияния геополитической ситуации иной пример демонстрирует Украина. С одной стороны, украинская политическая элита ориентируется на опыт и тенденции западных стран, в том числе касательно феминизации языка, а с другой – происходит отторжение русского языка и в целом проекция «русского» как чужого, как «врага»⁹. Нормализация феминитивов является фактически частью большой реформы о статусе украинского языка, результатом которой стал курс на институционализацию монолингвизма, что напрямую обусловлено вооруженным конфликтом, в который вовлечена Украина (Архангельская, 2013).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает анализ, агентский фактор в виде феминистских организаций и экономический фактор (уровень экономического развития) являются во всех случаях ключевыми факторами, способствующими не только появлению дискуссий о феминитивах, но и их дальнейшей нормализации. Однако помимо них можно выделить еще несколько факторов, которые срабатывают в различных конфигурациях между собой. Случаи западных стран показывают, что важным является и политический режим, который не только позволяет создавать феминистские организации, но и предоставляет им политическую арену для продвижения интересов, включающих введение и нормализацию

⁸ Команда Зеленского сочла кнутом закон об исключительности украинского языка [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2019. 9 мая. URL: https://lenta.ru/news/2019/05/09/ukraine_knut/ (дата обращения: 20.10.2020).

⁹ Украина и права женщин [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 2018. 10 фев. URL: <https://www.svoboda.org/a/29023887.html> (дата обращения: 20.10.2020).

феминитивов. В случае со странами постсоветского пространства политический режим демонстрирует обратный эффект, так как является препятствием для публичного продвижения и нормализации феминитивов.

Библиографический список

Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178.

Архангельская А. К вопросу о подходах к сопоставительному лингвистическому описанию динамических процессов в современных славянских языках // Opera Slavica. 2013. Т. 23, № 4. С. 1–16.

Березина Л. Г. Языковая политика как фактор развития духовного потенциала (региональный аспект) // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 1. С. 178–184.

Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2018. № 11. С. 7–23.

Борисова А. С., Рубинштейн К. Э. К вопросу о феминизации профессиональных наименований в квебекском национальном варианте французского языка (на материале современных периодических изданий) // Russian Journal of Linguistics. 2013. № 1. С. 108–114.

Воронина О. А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 12–20.

Гузерева Р. Р. Блогер и блогерша: русские феминитивы с форматом –ш(а) в современном медиапространстве // Ученые записки Казанского университета: серия гуманитарные науки. 2019. Т. 161, № 5-6. С. 105–116. DOI: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.105-116.

Едличко А. И. К вопросу о феминистской критике языка // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 158–166.

Картушина Е. А. Многоязычие как основная стратегия языковой политики Евросоюза (на примере языковой политики Финляндии) // Языковые процессы в эпоху глобализации: сб. труд. конф. / Ред. М. Н. Николаева. М.: Моск. город. пед. ун-т, 2016. С. 87–90.

Кривошеина В. А. Феминитивы в современных языковых практиках // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы ежегод. науч. сессии кафедры новой и новейшей истории Моск. пед. гос. ун-та / Отв. ред. А. М. Родригес-Фернандес, М. В. Пономарев, С. Ю. Рафалюк. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2019. 146–153.

Круглова М. С. Гендерная языковая политика в современной Испании: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2008. 27 с.

Кряжева Д. В., Чиликина О. Н. Процесс распространения феминизации во франкоязычном пространстве // Вопросы современной филологии и про-

блемы методики обучения языкам: сб. матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. В. С. Артемовой. Брянск: Брян. гос. инженер.-техн. ун-т, 2016. С. 40–43.

Кубрякова Е. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славян. культуры, 2004. 555 с.

Лукичева М. Г. Политкорректность по-немецки // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 151–156.

Минеева З. И. Ономаσιологический аспект изучения новых производных феминитивов // Национальные коды в языке и литературе: сб. статей / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. Нижний Новгород: Изд-во Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2020. С. 84–90.

Миретина М. С. Феминизация наименований профессий, должностей, титулов и званий во французском языке во Франции, Бельгии, Швейцарии и Квебеке: дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: Типография СПбГУ, 2011. 238 с.

Неицменко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003. 279 с.

Подагуц Л. В. К вопросу о феминизации современного французского языка // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. О. Ю. Ивановой, О.А. Ефановой, М. В. Якушева. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та им. И. С. Тургенева, 2019. С. 194–198.

Соловьева В. В. Влияние глобализационных процессов на трансформацию современного государства // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2. С. 168–175.

Федотова Т. В., Кулик И. В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский союз ученых. 2016. № 28–2. С. 67–69.

Хоткина З. А. Новый век – новые проблемы: гендерные аспекты труда и занятости в России [Электронный ресурс] // Летняя школа «Общество и гендер». 2003. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/hotkina.htm> (дата обращения: 27.11.2020).

Chaperon S. La radicalisation des mouvements féminins Français de 1960 à 1970 // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1995. Vol. 4, № 48. P. 61–74.

De Bethune S., Van Hoof E. The gender issue in Belgian party politics and elections // Centre for European Studies. 2013. Vol. 12. P. 113–119. DOI: 10.1007/s12290-013-0256-4.

Guzaerova R., Bastrikov A., Miao S. Mediaspace as a special sphere of production an extra-systemic vocabulary (on the example of Russian femininitives with suffixes -ecc(a), -ис(a) // Caderno Suplementar. 2019. № 2. С. 1–7.

Hornscheidt L. Feministische w_orte: ein lern-, denk- und handlungsbuch zu sprache und diskriminierung, gender studies und feministischer linguistic. Berlin: Brandes and Apsel, 2012. 384 p.

Lakoff R. Language and woman's place // Language in Society. 1973. Vol. 2, № 1. P. 45–79. DOI: 10.1017/S0047404500000051.

Mickiewicz A. Gender specification of Polish nouns naming people: Language system and public debate arguments // *Language and Gender*. 2019. Vol. 7, № 2. P. 141–171. DOI: 10.4312/slo2.0.2019.2.141-171.

Moi T. Sexual / textual politics: feminist literary theory. 2nd ed. New York: Routledge, 2002. 248 p.

Nilsen A. Sexism and language. Kenyon Road: Comiteon Public Doublespeak, 1977. 203 p.

Rajagopalan K. The politics of language and the concept of linguistic identity // *Revista de Filologia y su Didactica*. 2001. № 24. P. 17–28.

Sunderland J. Gender, sexuality, and meaning: Linguistic practice and politics // *Journal of Linguistics*. 2013. Vol. 22, № 2. P. 228–230. DOI: 10.1080/09589236.2013.794071.

Thorne D. Going public: Feminism and the shifting boundaries of the private sphere // *Contemporary Sociology*. 2006. Vol. 35, № 1. P. 90–99. DOI: 10.1177/009430610603500166.

Информация об авторе

Якутова Евгения Викторовна – аспирант направления «Политические науки и регионоведение» историко-политологического факультета ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-1208-6898

ResearcherID: –

Электронный адрес: yakutova1995@mail.ru

Статья получена 18 декабря 2020 года

UDC 316.474(a)

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-131-142

POLITICAL AGENTS OR ECONOMIC CONDITIONS: ON FACTORS OF FEMINITIVES NORMALIZATION IN WESTERN AND POST-SOVIET COUNTRIES

Evgeniya V. Yakutova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-1208-6898

ResearcherID: –

E-mail: yakutova1995@mail.ru

For citation:

Yakutova, E. V. (2021), “Political agents or economic conditions: On factors of feminitives normalization in Western and Post-Soviet countries”, *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 131–142, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-131-142.

Introduction: Globalization is a global trend for most countries, despite their political, economic and cultural development. Globalization as a complex multifaceted phenomenon determines the image of the modern world. Through this process, domestic policy depends on globalization. This is also true for language policy of different countries which reflects the struggle for feminities.

Objectives: to identify the set of social and political factors contributing to the normalization of feminities.

Methods: cross-regional method, historical-genetic method.

Results: the cases of six countries - Western (France, Belgium and Canada) and post-Soviet (Russia, Ukraine, the Republic of Belarus) have been considered, the main factors contributing emerging disputes regarding feminities, as well as their further normalization, have been identified.

Conclusions: the agent factor in the form of feminist organizations and the economic factor (the level of economic development) in all the cases are considered a catalyst for emerging disputes regarding feminities, as well as their normalization. Other factors are the women's access to politics, a political regime that contributes or prevents the public discussion and normalization of feminities, a geopolitical factor that is most typical for the post-Soviet countries, and a federal structure principle that has played a positive role in the Western countries.

Keywords: feminism; feminities; feminist language criticism; gender

References

Arutyunova, M. A. (2012), "Language policy and status of the Russian language in the USSR and post-soviet states", *Moscow university bulletin of world politics*, no. 1, pp. 155–178.

Archangelskaya, A. (2013), "On the question of methods of comparative linguistic description of the dynamic processes in contemporary Slavic languages", *Opera Slavica*, vol. 23, no. 4, pp. 1–16.

Berezina, L. (2011), "Language policy as a factor of spiritual potential development (regional aspect)", *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 1, pp. 178–184.

Berkutova, V. V. (2018), "Feminities in the Russian language: Historical aspect", *Filologicheskii aspekt*, no. 11, pp. 7–23.

Borisova, A. S. and Rubinshtein, K. E. (2013), "To the problem of feminization of professional denominations in Quebec national variant of French (on the basis of modern periodicals)", *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 108–114.

Voronina, O. A. (2013), "Gender equality policy in modern Russia: Problems and contradictions", *Woman in Russian society*, no. 3, pp. 12–20.

Guzaerova, R. R. (2019), "Blogger or bloggers: Russian feminities with the suffix -sh(a) in the modern media space", *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta: seriya gumanitarnye nauki*, vol. 161, no. 5–6, pp. 105–116, doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.105-116.

Edlichko, A. I. (2019), "On feminist criticism of language", *Moscow state university bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 1, pp. 158–166.

Kartushina, E. A. (2016), "Multilingualism as the main strategy of the EU language policy (on the example of the Finnish language policy)", in Nikolaeva, M. N. (ed.), *Yazykovye protsessy v epokhu globalizatsii* [Language processes in the era of globalization], Moscow City University Press, Moscow, Russia, pp. 87–90.

Krivoshchina, V. A. (2019), "Feminities in modern language practices", in Rodrigues-Fernandes, A. M., Ponomarev, M. V. and Rafalyuk, S. Yu. (eds.), *Aktual'nye problem novoi i noveishei istorii zarubezhnykh stran* [Actual problems of modern and recent history of foreign countries], Moscow Pedagogical State University Press, Moscow, Russia, pp. 146–153.

Kruglova, M. S. (2008), "Gender language policy in modern Spain", Abstract of Ph.D. dissertation, 10.02.05 – Romance languages, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Kryazheva, D. V. and Chilikina, O. N. (2016), "The process of spreading feminization in the French-speaking space", in Artemova, V. S. (ed.), *Voprosy sovremennoi filologii i problem metodiki obucheniya yazykam* [Modern philology questions and problems of teaching languages methods], Bryansk Technological University of Engineering Press, Bryansk, Russia, pp. 40–43.

Kubryakova, E. (2004), *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to learning about language: Parts of speech from a cognitive point of view. Language role in the knowledge of the world], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Lukicheva, M. G. (2015), "Political correctness in a German way", *Pedagogical Education in Russia*, no. 10, pp. 151–156.

Mineeva, Z. I. (2019), "Onomasiology aspect for studying derivative feminities", in Ratsiburskaya, L. V. (ed.), *Natsional'nye kody v yazyke i literature* [National codes in language and literature], Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Press, Nizhny Novgorod, Russia, pp. 84–90.

Miretina, M. S. (2011), "Feminization of the names of professions, positions and titles in the French language in France, Belgium, Switzerland and Quebec", Ph.D. Thesis, 10.02.20 – Comparative-historical, typological and comparative linguistics, St. Petersburg State University Press, St. Petersburg, Russia.

Neshchimenko, G. P. (2003), *Yazykovaya situatsiya v slavyanskikh stranakh: Opyt opisaniya. Analiz kontseptsii* [The language situation in the Slavic countries: The experience of description. Analysis of concepts], Nauka, Moscow, Russia.

Podaguts, L. V. (2019), "On the question of feminization modern French language", in Ivanova, O. Yu., Efanova, O. A. and Yakushev, M. V. (eds.), *Lingvistika, perevodovedenie i metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Linguistics, translation studies and methods of teaching foreign languages], Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol, Russia, pp. 194–198.

Solovyova, V. V. (2018), "Influence of globalization processes on transformation of modern government", *Bulletin of Prikamsky social institute*, no. 2, pp. 168–175.

Fedotova, T. V. and Kulik, I. V. (2016), "Paradigmatics and pragmatics of feminities in Russian and English", *Eurasian Union of Scientists*, no. 28-2, pp. 67–69.

Khotkina, Z. A. (2003), "Novy vek – novye problemy: Gender aspects of labor and employment in Russia" [Online], "Obshchestvo i gender" *letnyaya shkola*,

available at: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/hotkina.htm> (Accessed November 27, 2020).

Chaperon, S. (1995), "La radicalisation des mouvements féminins Français de 1960 à 1970", *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, vol. 4, no. 48, pp. 61–74.

De Bethune, S. and Van Hoof, E. (2013), "The gender issue in Belgian party politics and elections", *Centre for European Studies*, vol. 12, pp. 113–119, doi: 10.1007/s12290-013-0256-4.

Guzaerova, R., Bastrikov, A. and Miao, S. (2019), "Mediaspace as a special sphere of production an extra-systemic vocabulary (on the example of Russian femininities with suffixes -ecc(a), -иc(a))", *Caderno Suplementar*, no. 2, pp. 1–7.

Hornscheidt, L. (2012), *Feministische w_orte: einl ern-, denk- und handlungsbuch zu sprache und diskriminierung, gender studies und feministischer linguistic*, Brandes and Apfel, Berlin, Germany.

Lakoff, R. (1973), "Language and woman's place", *Language in Society*, vol. 2, no. 1, pp. 45–79, doi: 10.1017/s0047404500000051.

Mickiewicz, A. (2019), "Gender specification of Polish nouns naming people: Language system and public debate arguments", *Language and Gender*, vol. 7, no. 2, pp. 141–171, doi: 10.4312/slo2.0.2019.2.141-171.

Moi, T. (2002), *Sexual / textual politics: feminist literary theory*, 2nd ed., Routledge, NYC, NY, US.

Nilsen, A. (1977), *Sexism and language*, Comiteon Public Doublespeak, Kenyon Road, UK.

Rajagopalan, K. (2001), "The politics of language and the concept of linguistic identity", *Revista de Filologia y su Didactica*, no. 24, pp. 17–28.

Sunderland, J. (2013), "Gender, sexuality, and meaning: Linguistic practice and politics", *Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 2, pp. 228–230, doi: 10.1080/09589236.2013.794071.

Thorne D. (2006), "Going public: Feminism and the shifting boundaries of the private Sphere", *Contemporary Sociology*, vol. 35, no 1, pp. 90–99, doi: 10.1177/009430610603500166.

Received December 18, 2020

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2021. Т. 13, № 1 (1–142)

Редакторы – *М. А. Шемякина, Е. А. Троицкая*
Корректоры – *О. С. Толстогузова, И. Р. Саматов*
Компьютерная верстка – *И. Р. Смолянин, Д. Г. Чикулаев*

Дата выхода в свет 31.03.2021. Формат 70х100 1/16
Усл. печ. л. 12,19. Тираж 500 экз. Заказ № 204 996

Редакция научного журнала «Ars Administrandi» («Искусство управления»)
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Кафедра государственного и муниципального управления
тел. (342) 239-66-89
ars-administrandi.com
e-mail: arsadmag@yandex.ru

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 5
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно